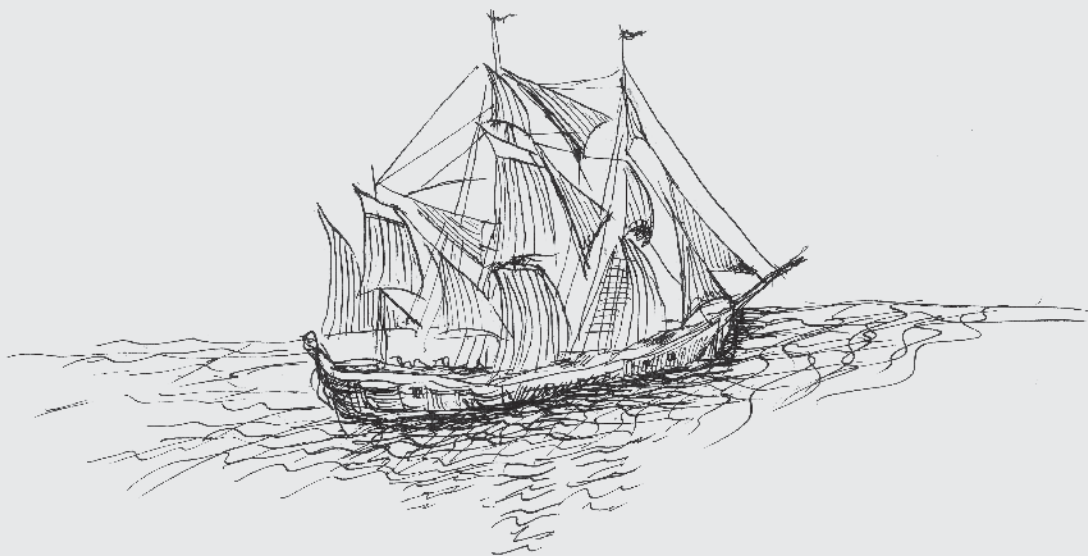

ГАЛИНА ДИЦМАН

ПОСЛЕДНИЙ ПИРАТ ГРАМБУСЫ

МОСКВА 2015

ГАЛИНА ДИЦМАН

ПОСЛЕДНИЙ ПИРАТ ГРАМБУСЫ

МОСКВА 2015

ГАЛИНА ДИЦМАН©

Последний пират Грамвусы

РЕДАКТОР Светлана Заикина

ИЛЛЮСТРАЦИИ,

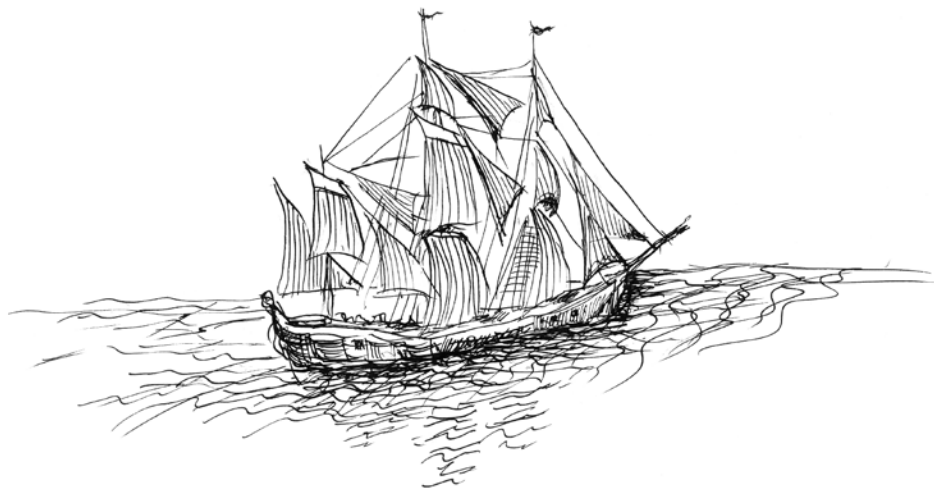
ДИЗАЙН, ВЕРСТКА Галина Дицман©

ОТ АВТОРА

---

*Все главные герои —
вымышленные.
Информация по истории
Греческой революции,
истории флота и военной
истории получена
из открытых
источников.*

ПРОЛОГ

П

росыпайся!

— Ты спятил? Еще темно...

— Меньше надо было пить вечером! Это срочно!

— Наши доблестные борцы за независимость наконец все про...али?

— Тина вернулась!

— Тина... — пробормотал он, не открывая глаз и улыбаясь. — Тина...

И подскочил, сшибая все вокруг:

— Откуда она взялась?

— Смотри!

Тяжелая рука встряхнула его, вытолкнула наружу и развернула лицом к бухте. Солнце еще не встало, небо на востоке истончалось и зеленело, утренний бриз нарезал узкими ломтями темную

воду и швырял эти ломти в бурлящий котел у скал. А в бухте болтался невесть откуда взявшийся трехмачтовый корабль с косыми латинскими парусами и острым форштевнем.

— Кем бы он ни был — он ненормальный, этот капитан...

Неизвестный шкипер умудрился провести парусник в темноте между Малой и Большой Грамвусой, войти в бухту и встать на якоре так близко, как никогда бы не рискнул даже он сам. На палубе была заметна суета: матросы готовили шлюпки к спуску.

Порыв ветра взметнул на мачте почти под вертикальным углом сине-белый флаг свободы.

— Узнаю Тину: ради красивого жеста будет рисковать и собой, и другими. Интересно, сколько она заплатила лоцману за проход в темноте? Она привезла дикарям стеклянные бусы и библию? Или ее семья не успела продать весь урожай и решила раздать остатки простому народу? Имея счета в европейских банках, можно позволить себе любые выходы...

— Я не меньше тебя рад ее видеть. Приведи себя в порядок, а то выглядишь как помойный кот...

— Она прямо сейчас придет?

— Ты становишься дурным с похмелья, а это плохо. Тина отправится с визитом к руководителям республики.

— Как же я забыл! Она мало того что внучка борца за свободу, так еще и вдова борца за свободу...

— ...и на деньги их семьи, между прочим, полгода воевали наши доблестные повстанцы...

— Послушай, как ей всегда удается так выгодно устраиваться? Что бы ей не породниться с простым парнем — с пастухом, например? Вроде меня?

— Коста, — мягко сказал Маноло с высоты своего роста, — из тебя такой же пастух, как из меня парламентарий. Твои штаны вон там, если бы ты меньше пил вчера, то нашел бы их быстрее, и твоя речь была бы короче. Собирайся.

— Погоди! А как мы с ней...

— У меня полно дел, — отрубил Маноло, — я иногда должен видеть сыновей не только спящими.

Жена Маноло, хрупкая маленькая Лари, исправно рожала ему сыновей. А Косту жена давно выгнала, забрала дочку и уехала к родителям. Здесь и сейчас — как, впрочем, и раньше, — он оказался один, а Маноло — со всем семейством. Именно их очаг служил ему заменой собственного дома.

— Привет Лари! — крикнул он вслед. И лихорадочно бросился приводить себя в приличный вид. Тина вернулась...

ПУТЬ НА ГРАМБУСУ

ГЛАВА 1

н сидит в сетчатой тени оливкового дерева и собирает из выструганных деталей корабль. Осталось навесить два паруса. Они другого цвета, нежели остальные, потому что старая скатерть не вовремя закончилась, пришлось отрезать тайком кусок от старой бабушкиной юбки. Бабушка бережет вещи, Косте здорово попадет, если происхождение парусов станет явным. И ткань другая — плотная, шершавая, — поэтому они никак не крепятся к мачте.

Скользящая тень проносится по палубе его фрегата, шелковистые невесомые волосы касаются щеки, незнакомый хрипловатый голосок произносит над самым ухом:

— *Put a madre*, что за дерьмо ты вешаешь на бизань?

Коста знает, где находится бизань, но не знает, что означали два слова в начале фразы. Одно он понимает четко: свершилось чудо. Чудо имеет вид девочки. На ней кружевная шляпка, из-под которой выбиваются темные рыжеватые кудри, под мышкой толстенная книга, подол кремового платья приоткрывает ослепитель-

но-белые туфельки. Коста не понимает, красивая она или нет, он просто никогда ничего такого не видел.

— А еще сын моряка! Эта мачта называется бизань, — повторяет она чуть раздраженно, — только недоумок будет так крепить на нее паруса.

— Откуда ты... — язык прилипает к горлу.

— Мой дедушка был адмирал!

Он пытается еще что-то спросить, но по-прежнему только сглатывает слюну. Чудо проявляет признаки милосердия:

— Хочешь, приходи к нам, мы живем здесь, за холмом. Я тебе покажу, как выглядит настоящий фрегат. Adios, chico!

И чудо удаляется в сопровождении невесть откуда возникшей гримзы неопределенного возраста в очках. А он тупо смотрит ей вслед, сжимая в руке лоскуток от бабушкиной юбки, и чувствует себя так, словно тяжелая волна прибоя, набитая мелкой галькой, со всего размаху ударила его в грудь и швырнула в глубину.

Через полчаса приходит с базара бабушка. И от нее он узнает, что чудо в шляпке — внучатная племянница знаменитого адмирала Ламброса Кациониса. Он боролся за независимость Греции, был пиратом, потом — капером на службе у русской императрицы Екатерины, потом оказался в России. У адмирала была куча внуков, но больше всех он любил внучатную племянницу Христину. Она осталась без родителей в раннем детстве, и дед забрал ее к себе. Умирая, Кационис завещал девочке хорошее состояние. Ее опекуны — дядя и тетя — купили землю на Крите и теперь живут в том красивом белом доме.

— Наша соседка видела их на базаре. Гувернантка все время одергивает крошку. Адмирал научил ее таким выражениям, что даже старый Метаксис онемел, когда услышал.

Папаша Метаксис всю жизнь держал портовую таверну, и уж если адмиральская внучка смогла его удивить, это воистину

было чудом. Впрочем, Коста сразу понял, что Тина — чудо, а от чуда нельзя ожидать ничего, кроме продолжения чудес.

На следующий день он набрался смелости и побежал к дому Тины, но войти не решился. Долго разглядывал через изгородь сад, скамейки, потом влез на дерево, чтобы увидеть окна. И тут рядом с ухом что-то щелкнуло, посыпались листья. Он растерянно оглянулся. Следующий щелчок совпал с ударом по лбу. Коста чудом не свалился с дерева.

— Ты точно недоумок, — констатировала невесть откуда взявшаяся Тина. Она была одета как мальчик: широкие штаны, подпоясанные красным широким поясом, и белая просторная рубашка. Вместо шляпки волосы покрывал платок, низко сползший на лоб и завязанный сзади, из-под узла торчала лохматая коса. За пояс была заткнута обыкновенная рогатка. Из нее она и залепила Косте в лоб незрелой черешней.

— Тебя пригласили в гости, какого дьявола ты пытаешься подсматривать, лазая по деревьям? Все равно у нас римские шторы, ты ни хрена не увидишь. Пойдем, тетя приготовила садзики. А еще у нас есть суши.

— Кто?

— Не кто, а что. Это японская еда. Ты любишь сырую рыбу? Дедушка привез однажды повара-японца, тот научил меня есть сырую рыбу. Я тебя тоже научу.

И Коста, потирая лоб, покорно идет вслед за ней. С этого момента он готов есть сырую рыбу, вытирать руки салфеткой, а не об штаны, делать умное лицо при ее родных и молчать, чтобы не ляпнуть по недомыслию чего-то непоправимого. Он готов читать книжки — особенно те, которые дает Тина. Он вообще не представлял, что в доме может быть столько книг. Он согласен терпеть разговоры родственников и их гостей о независимости, о свободе... А еще он готов часами слушать рассказы Тины о подвигах деда.

Обычно они с Тиной залезали на широкий ствол старого платана, причем он садился на нижнюю ветку, а Тина — чуть повыше. Угнездившись на ней, Тина скрещивала ноги и начинала рассказывать, понизив голос для театральности. Память у Тины была феноменальной, она буквально воспроизводила услышанное в детстве. Это был бесконечный монолог старого морского волка, произносимый хрипловатым девичьим голоском, причем без купюр. Коста помнил некоторые эпизоды до сих пор, слово в слово.

— «7 мая возле острова Андрос мы атаковали эскадру Мустафы-паши, насчитывающую 19 судов. Позже к бою подключились 12 алжирских кораблей Сеит-али. Предвидя исход сражения, я выбросил за борт свой длинный нож со словами: «Мы теперь пропали. Ты, мой меч лежи на дне, как обручальное кольцо будущего освобождения Родины...» — нараспев декламирует Тина, прикрыв глаза. Шелестят листья платана, коротко вскрикивают бронзовые горлицы, мир охвачен полуденной истомой. А перед их глазами — горизонт, озаренный огнем пушек, и пиратская эскадра, отважно атакующая противника...

Ламброс Кацонис был из тех, кто родится с шилом в заднице. С 16 лет он участвовал в морских кампаниях России против их общего врага — Турции. Потом — по наущению российских политиков и на их деньги — стал капером, набрав в Триесте матросов для нападений на турецкие суда. В 33 года у него была своя флотилия из 9 кораблей. Руками Кацониса Россия убирала врагов на море, формально не имея к этому отношения. Несколько лет турки не могли справиться с непокорным греческим пиратом. Его эскадра насчитывала уже 24 корабля. Ламбросу казалось, что победа на море близка, что союзники поддержат его, а ненавистная Порта вот-вот рухнет. Но, подписав Ясский мирный договор, Россия фактически сдала своего верного пирата. Кацонис еще полгода сражался в одиночку, потом его личная война закончилась. Адмирал оказался в России, некоторое время служил на Черноморском фло-

---

те, потом осел в Крыму, разбогател и умер в 53 года, окруженный кучей родни.

Всех своих внуков он учил морскому делу: рассказывал, как ставить паруса, как управлять кораблем, как заряжать пушки, заставлял драить палубу и самим стирать свои вещи, нередко лупил плеткой. В крымской бухте стояла небольшая шхуна, и с утра до вечера он гонял по ней молодняк. Тина была последней любовью знаменитого пирата. Он везде таскал с собой эту кудрявую крошку, рассказывая обо всем, что надо и не надо рассказывать маленькой любознательной девочке с превосходной памятью. В пять лет она отличала фрегат от галеона, в шесть лет могла проложить курс с учетом захода в ближайшие порты для пополнения запасов, в семь — ругалась на всех языках и знала, почем стоит нанять хорошего лоцмана в Бизерте. Когда на спор с двумя двоюродными братьями Тина провела дедову шхуну между скал, Кацонис подарил ей именной компас и выписал гувернантку из Парижа со словами: «Я тебя научил всему. Чтобы воспользоваться этими знаниями, придется выйти замуж. Необходимым глупостям тебя научит мадам Корбе...»

Дед умер два года назад, оставив ей кучу денег, но до совершеннолетия или замужества состоянием должны были управлять ее дядя с тетей. Благодаря связям покойного адмирала, дядя выгодно разместил деньги в европейских банках, чтобы не платить непомерные налоги в Греции — Порта выдирала изо рта у грека все лишнее и нелишнее. А небольшую часть капитала дядя вложил в покупку оливковых плантаций здесь, на Крите.

Любых других чужаков критяне бы не приняли, но дедова слава служила Тине пропуском во все двери. А Тина готова была ежесекундно подтверждать право на наследование этой славы. Она умела стрелять и ездить верхом, ругалась на семи языках, плавала и ныряла лучше окрестных мальчишек. Гимназии были запрещены Портой, поэтому ей выписывали учителей из Европы.

К присутствию Косты в доме постепенно все привыкли, потому что так хотела Тина. С учителями они тоже занимались вдвоем, за занятия с семьи Косты никто ни разу не взял ни копейки. Однажды, правда, дядя с тетей попытались намекнуть ей на то, что это не вполне прилично. Но Тина знала, как добиться своего. Не зря говорил ей покойный адмирал: «Не знаешь, чем припугнуть человека, — припугни деньгами».

Сначала она тайком выведала у доктора различные подробности состояния здоровья своего дяди, которое оставляло желать лучшего. Потом втихаря побеседовала с их семейным адвокатом Христакисом. Дядя очень кстати захворал на Рождество. На праздничном ужине гости желали больному выздоровления. Тина начала причитать о своем раннем сиротстве, о пошатнувшемся здоровье дяди. Затем самым жалостливым тоном уточнила у адвоката, есть ли закон, по которому ей могут назначить других опекунов для того, чтобы распоряжаться ее состоянием. Адвокат со вздохом подтвердил: если с дядей что-то случится, ей по суду будет назначен другой опекун. После этого Тина пришла к больному и заявила: «Или Коста будет здесь находиться столько, сколько мне, горькой сироте, угодно, или завтра доктор пишет свидетельство о том, что ты тяжело болен, и распоряжаться наследством станут совсем другие люди. Например, адвокат Христакис».

Этого оказалось достаточно. Дядя мгновенно выздоровел, Коста вместе с Тиной продолжал решать задачки и читать учебники. Причем совершенно бесплатно. Бабушка Косты давно махнула рукой на непонятную ей дружбу — у богатых свои причуды — и только временами присылала Тине нехитрые презенты: или вязаную кружевную накидку, или пирог со сливами. Тина всегда брала подарки и благодарила.

Однако счастье быстро закончилось. Отец Косты — капитан торговой шхуны — вернулся с покалеченной ногой, осел дома, толком не умея жить на берегу. Долгожданная встреча отца и сына

оказалась безрадостной. Коста обнаружил в доме озлобленного человека, возненавидевшего весь мир за свое увечье. Отец встретил упрямого подростка, который увивал от любых обязанностей и проводил все свободное время с Тиной. Вскоре мать Косты забеременела и умерла от выкидыша. Тина прибежала в тот же вечер, порывисто обняла его, а потом заперлась с бабушкой и долго в чем-то ее убеждала. Они сначала шептались, а потом бабушка громко сказала: «Нет! Мы сами справимся!» — и Тина убежала, не прощаясь. Коста на похоронах подслушал, что Тина предлагала деньги, но у нее ничего не вышло.

После маминой смерти все пошло вкривь и вкось: отец начал пить, по пьяни норовил прибить Косту, но тот ухитрился вовремя сбежать. Отец кричал на бабушку, однажды поднял на нее руку. Косте было тогда четырнадцать. Он спал, услышал крики и стоны, вбежал в комнату бабушки и увидел, что она лежит на полу и плачет, а пьяный отец остервенело лупит ее по лицу. Коста сам не понял, как смог скрутить отца, опомнился только, когда услышал бабушкины крики: «Не убивай!» По его рукам текла кровь, отец скрючился и вздрагивал. Коста замер, потом его вырвало, он вытер рот, выбежал стремглав из дома — и больше его никто не видел. Тина сбилась с ног, пытаясь отыскать его следы, но все было напрасно.

Они не виделись несколько лет. Коста ничего не слышал о Тине. Как многие ровесники, вступил в греческое тайное общество «Филики Этерия»: стал простым курьером, выполнял поручения в разных городах. Однажды оказался в Афинах в доме Эммануила Стафаса — одного из лидеров подпольной борьбы. И там встретил Тину. Она уже была без пяти минут невестой сына Стафаса... Дальше в воспоминаниях следовал афинский эпизод, который Коста закрыл на ключ и сам себе тот ключ не выдавал. С похмелья думать о нем было совсем тяжело. Проще было задуматься о путях и судьбах революции.

Эммануил Стафас содержал повстанцев на свои деньги. Но когда запахло жареным, отца-основателя выдали туркам афонские монахи, до той поры на все голоса призывавшие к единству православных в борьбе против Османского ига. Во время бегства с Афона на остров Идру Стафас умер от сердечного приступа — как говорили в народе, умер, потрясенный предательством.

Революция без постоянной финансовой поддержки сдувалась, как пузырь. Еще четыре года восстание перекачивалось по стране, то затухая, то оживая, периодически подпитываясь чужой кровью и чужими деньгами. Коста пытался узнать, куда делась Тина, однажды услышал, что муж ее Анастасис погиб при странных обстоятельствах. Жертв становилось все больше, близкой победы не предвиделось.

После отчаянной битвы за Пелопоннес триста отборных боевиков-клефтов — горных партизан — бежали на Крит, постепенно отступали и, в конце концов, захватили бастион на самой западной точке Крита — неприступную крепость на острове Грамвуса, построенную еще венецианцами в период их безраздельного владычества на море. Смелчаки тайком проникли в крепость, вышвырнули оттуда турок, подняли сине-белый флаг Республики над венецианским фортом, вскоре к ним присоединились семьи, родные и просто сочувствующие земляки. Вся Греция смотрела на них с восхищением.

Эйфория длилась недолго. Грамвуса оказалась абсолютно неприступной, стало ясно: на помощь никто не придет. Победа революции на Крите, казавшаяся делом одного-двух месяцев, отодвигалась на неопределенный срок. И теперь они торчали тут, как заноза в заднице у Порты, и им было почти нечего жрать. Отряды «калisperидис» — ночных налетчиков — временами совершали набеги на Крит: на легких лодках переправлялись туда и промышляли случайным грабежом. Но все это были жалкие потуги, шансов не было никаких и ни на что. И вот, пожалуйста — явилась Тина...

Коста с трудом пробился через толпу обитателей крепости к Маноло. Рыжебородый и широкоплечий моряк возвышался над остальными на полторы головы и, как всегда, был облеплен детьми и маленькими девушками, причем девушки прижимались к нему отнюдь не по-детски.

— Явился, наконец! — добродушно сказал Маноло. — На вот, Лари велела тебя накормить, — и вытащил из кармана несколько домашних лепешек с медом, завернутых в чистую белую тряпочку.

— Детям оставь!

— Лари сказала: придет этот олух с похмелья, накорми его. Не обсуждается. Ешь! Мои дети без еды не останутся никогда.

— Мне бы твой оптимизм... — пробормотал Коста, притворно покачал головой и мгновенно проглотил свежие лепешки. В этот момент над разношерстной толпой пронесся вздох: «Тина!»

Из полутьмы главного корпуса крепости на сверкающую белую брусчатку вышли отцы-основатели самопровозглашенной республики — Димитрис Каллертис и Эммануил Антонидис. Именно благодаря их хитрости полгода назад триста боевиков проникли в крепость и выкинули оттуда турок.

В первые недели борцы за независимость только пили и праздновали победу. Потом несколько человек друг друга порезали с перепоя, один совсем одурел и начал среди бела дня носиться с ножом. Тогда Каллертис лично догнал его, сломал шею и объявил: «Хвала Господу, у нас есть законы, они справедливы и гуманны, но если кто будет безобразничать — Господь наделяет меня правом немедленно отправить мерзавца в царствие небесное». И в крепости стало тихо.

Еще кто-то попытался вякнуть, что вожди присвоили себе большие деньги и тайком привозят с берега добычу — еду, вино и девочек. Наутро правдолюб был сброшен со стен форта в море

с перерезанным горлом. После этого сомнений в народе не осталось: вожди остаются с ними, верные идеалам свободы и независимости, а кто с чем не согласен — тот враг независимой Греции, и точка. «То элленикос элефрон!» — «эллинское свободно» — было начертано на воротах неприступной Грамвусы.

Каллертис и Антонидис вышли вперед. Сейчас отцы-основатели выглядели не как специалисты по ночной резне, а как добропорядочные граждане, хранящие закон. Даже приоделись в новые рубашки — уж точно пошитые не здесь. Такие контрабандные голландские рубашки можно было привезти только с берега. Коста хорошо знал содержимое редующих складов — у него оказался там старый знакомый.

В центре показалась точеная фигурка в темно-синем платье. Тину можно было узнать издалека, не видя лица, по одному характерному движению. В детстве она сломала плечо, навернувшись с мачты, и пару месяцев ходила наполовину перебинтованная. Это не мешало ей участвовать во всех мальчишеских вылазках. Когда повязка сползала, Тина резким движением предплечья отправляла ее на место. Перелом давно зажил, но движение вошло в привычку. Коста почти сразу заметил этот короткий взмах крыла — как у чайки, сидящей на воде, но готовой взлететь в любую секунду.

Каллертис поднял руку, толпа стихла. Но говорить по традиции начал Антонидис.

— Если это опять на три часа, я пойду лучше домой, — пробормотал Маноло. Опасения имели основания. Развлечений в неприступной крепости было немного: или по ночам резать глотки в редких вылазках «калisperидис», или говорить. За полгода Антонидис напрактиковался в речах досыта, мог говорить по три часа, тряся кудрявой бородой и заводясь от звуков собственного голоса. Остальные по три часа его слушали, попивая вино и забывая о том, что дома нечего жрать.

— Никуда ты не пойдешь, — прошипел в ответ Коста, — не смей бросать меня!

Вождь вскоре предоставил слово Тине. Это было неожиданно: бабам на войне никто особо слова не дает. Тина вышла вперед. Ее хрипловатый низкий голос полетел над толпой. Коста сначала особо не вслушивался: свобода, проклятое османское иго... К тридцати годам понимаешь: нет денег — нет идеалов. Но услышал совсем другое:

— Вам кажется, что вы здесь одни, но это не так. Весь мир смотрит на то, как горстка смельчаков держит крепость. Мой дед начинал с пары суденышек в Триесте, а через два года его боялись по всему Средиземноморью! Ламброс Кацонис бил турок везде, куда бы ни забросила его судьба. В своем знаменитом «Манифесте» дед завещал сражаться до тех пор, пока греки не добьются своих прав. Как на Грамвусе сливаются воедино воды трех морей, так скоро соединятся разрозненные восстания в священной борьбе за свободу. Грамвуса — ключ к трем морям, так не отдадим Порте эти ключи! Вы видели шебеку, которая стоит на якоре у подножья крепости? Это быстроходный боевой корабль, построенный на деньги моей семьи! И он теперь ваш!

Площадь взревела. Особо буйные начали палить в воздух, но Каллертис свирепо покачал головой, и выстрелы стихли.

— Поблагодарим госпожу Стафас за столь щедрую поддержку! — воскликнул Антонидис. — Мы высоко ценим вклад вашего покойного мужа в борьбу «Филики Этерии», а имя его отца, Эмануила Стафаса священно для каждого борца за независимость...

— Это надолго, — шепнул ему Маноло, — пойдём-ка, пропустим по стаканчику холодного вина.

— А Тина?

— Тина найдет нас сама...

— ...если захочет.

— Захочет, — усмехнулся Маноло, обнимая друга, — не забывай, она теперь вдова. А вдовы тебя любят.

Коста заскрипел зубами.

— Твое сердце ноет, друг мой? Так к старым ранам положено прикладывать холодное, это тебе любой врач подтвердит. Пойдем, приложим к ним стакан. Иначе Каллертис попросит меня организовать переноску груза. Я не хочу весь день стоять на солнцепеке и пересчитывать тюки на этой проклятой венецианской лестнице.

— Опять кто-нибудь сломает ногу или шею, и надо будет его нести наверх... у тебя это так ловко получается...

— Вот поэтому идем в таверну прямо сейчас. Когда надо будет — сами позовут.

Коста вздохнул, глядя вслед точеной фигурке. Тину окружало человек двадцать, ее вели на парадный обед в западное крыло форта, где обычно заседали руководители.

— Неужели ты побежишь за ней сейчас, как мальчишка, позади расфуфыренных старых пердунов? Холодное вино — это именно то, что освежит твой разум и придаст тебе сдержанности, — рассудительно заметил Маноле. И Коста сдался.

— Нашей девочке не дают покоя лавры недавно погибшей Бабулины... — добродушно сказал Маноле, неспешно допив третий стакан, — первые два, само собой, исчезли неизвестно как.

Героическая женщина-адмирал Ласкарина Бабулина, на свои деньги содержавшая повстанческий флот, сама командовавшая морскими сражениями, погибла в марте этого года — причем совсем не геройской, а вовсе дурацкой смертью, хоть и от пули. Говорили, что ее сын не слишком вежливо обошелся с какой-то барышней, родственники обиженной явились разбираться с родней адмиральши, завязалась перестрелка, одна из пуль угодила в национальную героиню. «Бабулина должна была лучше своих детей воспитывать, а не флотом командовать», — сказал тогда Маноло, равнодушный ко всеобщей скорби. Но надо признать, что некоторое сходство просматривалось: первый 18-пушечный корвет «Агамемнон» для повстанцев Бабулина снарядила на свои деньги.

— Ты называешь ее «нашей девочкой»? — насупился Коста. — Ты-то с ней познакомился в Афинах, когда она была взрослой девушкой.

— Ну да. И ты был такой же взрослый, аж лет двадцати! Невидимый герой тайного общества. И она была вся возвышенная — невеста революционера. Декламировали стихи и пели гимны... А кто тебя вытаскивал в Афинах из этой передряги?

Крыть было нечем.

ГЛАВА 3

Коста познакомился с Маноло, когда впервые нанялся на торговое судно к его двоюродному брату. Брат оказался сподвижником «Филики Этерии» и быстро завербовал обоих новичков.

Структура тайной организации была крайне строгой. Все ее члены делились на четыре степени, две низшие назывались «побратимы» и «рекомендованные», оба друга оказались в «рекомендованных». Очень скоро Коста понял, что находясь внизу, ничего добиться не удастся: там люди малограмотные и темные. А высшие степени, «иереи» и «пастыри», присуждались образованным и обеспеченным гражданам, — короче, тем, кто находился рядом с кормушкой. Низшим же чинам доставалась самая поденная работа. К счастью, они редко ввязывались в самое дерьмо: моряк — он и есть моряк, дело благородное, руки чистые. Переправляли тайные грузы туда, куда скажут их кураторы. Иногда перевозили одного-двух подпольщиков на своем судне.

Эйфория от участия в подполье быстро прошла, потому что результатов борьбы пока не было видно, а турки жестоко расправлялись с каждым, кто попадался, заодно с их близкими, соседями и друзьями. Маноло был женат, Лари ждала первенца и боялась.

Коста тоже вскоре женился. Его жена была восторженной патриоткой, гордо провожала мужа на опасные задания, но вскоре за-

подозрила неладное: спина Косты после тайных походов слишком часто бывала расцарапана женскими ноготками. Жена плюнула на подпольную борьбу и уехала к родителям, забрав маленькую дочь. Тогда Коста с Маноло подумывали о том, чтобы вовсе выйти из общества, но это означала повесить на себя клеймо предателя и подвергнуться еще большей опасности. Их никто не предупредил, что революция — это капкан, из которого нельзя выбраться живым.

Однажды шхуна пришла с товаром в афинский порт Пирей. По такому случаю друзьям доверили забрать очередной секретный груз из дома Эммануила Стафаса, лидера подпольной борьбы. Поздно вечером они поднялись на холм, перешли через речку Кифиос, за которой начинался сам город.

— Эти ваши великие в прошлом Афины выглядят как захолустный городишко, — сквозь зубы пробурчал Маноло, спотыкаясь в темноте, — ты сказал, нам нужен квартал Монастираки? Это и впрямь центр города, мы не ошиблись?

— Можно подумать, ты вырос во дворце...

— По сравнению с Неаполем это просто хлев.

— Как это? А Акрополь? А великая эллинская культура? — пытался протестовать Коста, вспоминая старые уроки, полученные в доме Тины.

— Великое прошлое — это хорошо, друг мой, но и оно не дает права потомкам срать на улице.

Они с трудом нашли нужный дом, прошли через черный ход, в коридоре их встретил закутанный до бровей человек, показал: «Ждите».

— Неплохо живут революционеры... — пробормотал Маноло, разглядывая статую в простенке. — Артемида сребролукая, однако!

— Благодаря мне ты стал выбирать образованных друзей... — раздался за спиной хриловатый голос, от которого Коста вздрогнул и замер посреди коридора.

— Нет, госпожа, я совсем не образован, просто вырос в Италии и нахватался там мудреных слов, — отвечал Маноло, вытянувшись во весь рост и насмешливо глядя на собеседницу с высоты своего богатырского роста. — Мой отец был моряком, однажды сошел на берег в Неаполе, женился и надолго задержался. А в Италии, знаете, статуи стоят просто на каждом углу. И под ними таблички прибиты. Вот я и выучил пару названий, чтобы при случае щегольнуть перед красивой женщиной...

— Тогда понятно. А то критяне такие темные! Взять хотя бы твоего друга: пока ко мне в дом не попал, читал-то с трудом, — правда, деньги всегда считал отлично. Статуи собирала семья Стафаса, пока французский посол в Турции не скомандовал вывозить из Афин все, что можно похитить... Надеюсь, хоть часть наследия греки смогут сохранить для потомков. Ну, хватит о культуре, поговорим лучше о деньгах, поскольку дело не терпит отлагательства, — и она обернулась к Косте: — *Put a madre, chico*, где тебя черти носили столько лет? Приходится общаться с порядочными людьми, а с ними так скучно... — и едва заметно дернула плечом, как чайка на воде, вот-вот готовая взлететь.

В ту же секунду Коста понял, что теперь он пропал по настоящему, и никто ему не поможет. С этого момента у «Филики Этерии» не было более отважного и преданного сторонника.

А Тина? Тина жила как настоящая аристократка. Когда дядя Тины умер, тетка не смогла толком распорядиться деньгами, Тина взяла финансовые дела в свои проворные ручки и настояла на переезде в Афины. В ее доме стала собираться молодежь. Отсвет славы покойного деда-адмирала придавал некий авантюрный блеск юной красотке, возникшей из ниоткуда. Фамилия Кацонис звучала в прогрессивных кругах все чаще — и теперь благодаря Тине.

Вскоре сын Эммануила Стафаса, Анастасис, вернулся из Европы, где изучал историю искусств. В 1813 году было основано Общество поклонников муз, задачей которого было изучение и сохранение

античного культурного наследия. Анастасис, выпускник Сорбонны, вступил в это общество. Затем пришел в салон Тины, услышал хрипловатый голосок — и с жаром кинулся в революционную борьбу. Анастасис сопровождал Тину повсюду. Тина также оказывала ему знаки внимания, но ни о помолвке, ни о свадьбе пока речь не шла.

В это время двоюродный брат Маноло оказался на грани разорения и вынужден был расчитать обоих друзей. Маноло нанялся на шхуну конкурентов, а Коста оказался без работы. Тина мгновенно решила употребить его с максимальной пользой для революции — и пристроила работать натурщиком! Самая питательная среда для любой революции — это среда творческая. В Европе возникла мода на античность, в Афины за легкой добычей хлынули любители искусства и антиквариата со всей Европы. Новый натурщик — сложенный как статуя Поликлета, загорелый, с широко расставленными светло-зелеными глазами, — быстро оказался нарасхват. Художники и скульпторы наперебой звали его позировать, а их жены так и норовили прийти во время сеанса. В мастерских собирались торговцы, дипломаты и военные, авантюристы и разведчики всех мастей — все варились в бурлящем котле, каждый норовил извлечь из него кусок пожирней. Коста узнавал массу полезных сплетен. Тину как будто не касались его похождения. Она выслушивала новости, передавала информацию «апостолам» и «архипастырям» — высшим чинам организации.

Скоро вернулся Маноло — уже капитаном собственной шхуны: выкупил ее за полцены у двоюродного брата-революционера, который полностью забросил все дела и переключился на подпольную работу. Маноло хотел забрать Косту к себе помощником и плавно отойти в сторону от революционной борьбы, а потом вообще убраться подальше вместе с семьей. Но никто не собирался отпустить в вольное плавание двух друзей, таких смелых и хитрых, а теперь еще — и владельцев собственного судна. Коста и Маноло сразу высоко взлетели по иерархической лестнице организации. Теперь им доверяли связь с отделениями «Филики Этерии» по всей Греции.

В тайной организации никто не принадлежал себе целиком. Нередко Анастасису приходилось уезжать по революционным делам — под удобным предлогом изучения античного наследия для будущей диссертации. Оставлять Тину одну ему не хотелось. А доверять можно было далеко не всем. Но на Маноло и Косту подозрения не распространялись. Конечно, Анастасис сначала слегка взревновал Тину к молодым подпольщикам, потом выяснил, что оба моряка женаты, а слово адмиральской внучки так же крепко, как шпага ее покойного деда, — и успокоился. Наоборот, даже просил, чтобы во время его частых отлучек именно Маноло и Коста повсюду сопровождали неугомонную Тину.

Когда Тина встречала их, то радовалась как ребенок: было с кем перекинуться парой человеческих слов после пафосной болтовни. Иногда Маноло брал маленькую фелюку, они на целый день уплывали на острова, ловили рыбу, ныряли за раковинами. Тина чувствовала себя в воде как настоящая nereida. Два друга только замирали, когда она появлялась из зеленой глубины, облеченная прозрачной мокрой рубашкой. Вместе они готовили на костре мидий, пили холодное вино, резали арбузы прямо на палубе, валялись в полуденной тени и говорили обо всем, что только в голову придет. И Коста, и Маноло были взрослыми мужчинами, обремененными семьями, будущее грозило неисчислимыми испытаниями. Но тяжелые мысли отступали перед ослепительным солнечным светом и плеском волн. Их было трое неразлучных. Они были молоды, здоровы и — что уж тут скрывать — влюблены. Но Тина подчеркнуто держала дистанцию, не переступая рамок дружеских отношений. Так было проще.

В тот самый вечер молодые гости Тины читали находившийся под запретом проект греческой конституции Ригаса Фессалийского — легендарного борца за независимость, убитого турками в тюрьме в конце прошлого века. Конституция Ригаса объявляла свободу религий и вероисповедания, а также равенство всех на-

ций. Но как-то непонятно получалось со всеобщим равенством: все равны, но православные чуточку лучше. Все равны, но мусульмане немного меньше... Покойный Ригас завещал бороться, а Иоанн Каподистрия — духовный лидер нации и великий государственный муж — призывал набраться терпения и ждать, храня истинную веру. Но позволяет ли истинная вера унижать себя и до какого предела?

Спорить об этом можно было до бесконечности. Только споры об истинной вере почему-то всегда заканчиваются кровью. Коста навидался внезапно вспыхивавших портовых драк во имя Аллаха или, напротив того, Пречистой Девы. Поэтому молча сидел в сторонке, охраняя горячие эллинские головы от появления турецкой тайной полиции.

— Мой дед как-то сказал, что на ощупь вряд ли отличит гречанку от турчанки, — шептала сквозь зубы Тина, разнося вино взбудораженным гостям.

— Меня бабушка однажды перед рождеством привела в церковь, — вторил ей Коста, — старый отец Пападопулос стал со мной беседовать о боге, заговорил про текущий пост. Я спросил: «Отец Пападопулос, кого сейчас нельзя есть?» Старый батюшка ответил: «Сын мой, не ешь человека...» А эти? Они не будут есть человека? — Коста кивнул в сторону гостей.

— Это сожрут кого угодно, — пожала плечами Тина, — так и должно быть: без горячей веры революции не делаются. Посмотри на Европу: весь мир охвачен пожаром, одни мы тут сидим в рабстве. А почему? Не убий, не укради... Удобно управлять таким набожным христианским народом. Наши святые отцы хорошо устроились: мы соблюдаем заповеди и посты, турки стригут нас как баранов, а святые отцы молятся и живут спокойно.

— Ты бы потише насчет веры, Тина, — сказал невесть откуда взявшийся Маноло, — я вот вырос в Италии, попробуй там что-то подобное про святую церковь только прошептать — ноги не унесешь.

— Как же ты выжил среди католиков, бедный маленький Маноло? — усмехнулась она, глядя на собеседника снизу вверх. — Крепка ли была там твоя православная вера?

— А знаешь, меня крестили — страшно сказать — в католическом соборе. Мама и сама была католичкой, но отца это не смутило. Я родился хвореньким, мать испугалась, что — вдруг помру некрещеным? Побежала в ближайший католический храм и окрестила. Она страшно боялась сознаться в этом, когда отец вернется из плавания, но все же сказала. Отец пожал плечами и ответил: «У господа нашего так много забот, что он не слишком рассердится, если Маноло будет носить тот крест, который на него надели...»

— А потом?

— Когда дед умер, дом перешел к отцу, мы переехали на Крит... Возможно, господь все же был немного нами недоволен. Потому что однажды какой-то идиот в нашем селе по пьянке убил турецкого полицейского.

Тина схватила его за локоть:

— И что?

— Тогда отец впервые взял меня с собой в плавание. А мать с братишкой и сестренкой накануне уехала к отцовой родне в Кефалонию. Но мы об этом не знали! Когда вернулись — от деревни остались только головешки. Кругом валялись обгорелые трупы — женские, детские... Еще неделю мы думали, что их нет в живых. Искали — не наши. И спросить особо было некого, выжившие убежали в горы к клефтам. Мать так и осталась в Кефалонии, отец перебрался к ним. А я забрал его фелюку и ушел в свой первый рейс.

— Выходит, тебе повезло? Значит, господь не стал заглядывать к тебе под рубашку и смотреть, какой там крест висит?

— Возможно. Однако с тех пор у меня остались к нему вопросы, — Маноло ткнул в небо огромным кулаком.

Тина положила сверху свою маленькую узкую ладошку:

— Сказать по правде, Маноло, у меня тоже к нему много вопросов. Почему все, кого я люблю, умирали так рано? Например, мои родители. Думаю, что их смерть не была случайной. Ведь моя мать была дочерью адмирала, но не от законной жены. Я осталась сиротой, дед любил мою маму и поэтому забрал меня к себе. Назвал внучатной племянницей, чтобы уравнивать в правах с остальными внуками. Дед был еще совсем не стар и очень крепок, но явно что-то предчувствовал или знал, поэтому успел составить завещание. Говорят, что он не сам умер, что его убили турецкие лазутчики. Я в это верю. Знаешь, почему он завещал мне столько денег?

— Почему?

— Я везучая! А он был пират, пираты любят удачу во всех ее проявлениях. Он знал, что смерть обойдет меня стороной, если встретит раньше положенного.

— Почему?

— Побоится связываться, — усмехнулась Тина, сощурив глаза. — Удача — это единственное, во что я верю по-настоящему.

— Чтоб тебя морские черти взяли, Тина! — воскликнул Маноло, — впервые в жизни слышу такие речи от девчонки.

— Я, между прочим, взрослая девушка и без пяти минут жена Анастасиса Стафаса, — вздернула нос Тина.

— Пять минут бывают очень долгими, — ответил Маноло, — и клянусь богом, если ты и впрямь выйдешь за этого парня, он с тобой долго не протянет...

— А у меня есть выбор? Позвольте напомнить: вы оба жена-ты! Чтоб вас за это черти жарили на ужин без масла...

Тина вздохнула, потом искоса глянула на кудрявого юношу, который в этот момент зачитывал гостям очередной тезис Ригаса, близоруко щурясь над рукописной копией. Анастасис поймал ее взгляд, вспыхнул, но продолжал читать.

— Его мама называет меня доченькой, — сказала Тина еще тише, — а меня так никто не называл. Семья Стафаса примет меня

как родную. Он хороший человек, Маноло, он такой же добрый, как ты...

— ...только он не сможет никого убить, чтобы защитить свою семью.

— А ты?

— А я смогу. Чтобы защитить Лари и детей, я убью кого угодно. В этом наше отличие.

Тина покрутила кончик косы и дернула плечом:

— Пусть так. Зато он порядочный и очень меня любит. А убить, если надо, я и сама могу.

— Кстати, тот узкоглазый в черном по-прежнему дает тебе уроки по утрам? — безразличным тоном осведомился Коста.

Тина кинула в его бешеный взгляд — словно черную стрелу пустила:

— Это японский повар моего деда! Забыл, как мы ели сырую рыбу?

— Не забыл. Но я не забыл и того, каким вещам он тебя учил. Знаешь, у них была специальная потайная комната, обитая коврами, чтобы снаружи ничего не было слышно. И там этот узкоглазый учил ее жуткой борьбе, учил бросать такие маленькие ножи и...

— Так велел мой дед. Он сказал, что Омори будет меня учить и охранять до самой смерти. И все, чему я научусь у него, помимо изготовления блюд из сырой рыбы, однажды мне пригодится. А что касается Анастасиса — он сегодня уезжает на две недели. Вернувшись, собирается сделать мне предложение. Если вы поторопитесь на Халкидики с очередной партией «товара», то быть может, успеете на ужин по случаю нашего обручения. Маноло, зайди к «иереям» за деньгами. Они даже не пересчитывают их, когда имеют с тобой дело, — настолько честное у тебя лицо!

Она кинула еще более обжигающий взгляд в сторону Косты и добавила вполголоса:

— А ты зайди попозже, когда гости разойдутся, я дам тебе адреса и список.

— Тина, если ты всерьез считаешь выйти за хорошего парня, лучше бы не Коста, а я зашел к тебе вечером, — со вздохом сказал Маноло.

— Такого ты мнения о своем друге?

— Может, вы забыли, что я тут стою? — осведомился Коста.

— Жена от тебя сбежала, пол-побережья девиц строится в очередь... Неужели ты думаешь, что я глупее этих дур? — Тина дернула плечом и пошла прочь.

— Не надо, Коста, — с состраданием сказал Маноло, глядя ей вслед, — послушай меня, эта девушка не для тебя. Она других кровей. Она всегда будет среди богатых и образованных. Ты сам говорил, в ее доме было полно книг. Куда нам...

— Тина просила зайти, я зайду.

Маноло помрачнел: его друг был воистину любимцем Афродиты, и с этим нельзя было поделаться ничем.

— Берегись, она опять состроит глазки и использует тебя. Видишь, чем дело пахнет? Тебе сегодня выдадут список. А если завтра тебе самому придется по нему пройтись? Это уже не работа натурщика...

Список содержал имена тех членов тайного общества, которые запятнали себя чем-то — проболтались, потратили деньги из общей казны или просто вышли из доверия. Список передавали специальным людям — из самых отъявленных подпольщиков, давно разыскиваемых полицией. Это были суровые ночные убийцы, не знающие жалости, которым нечего терять. Но Маноло и Косте обычно доверяли хозяйственно-техническую сторону организации. Убийства были не по их части.

— Я моряк, а не убийца! — ответил Коста. — И все это знают.

— Сегодня знают, а завтра забудут. Или окажется вдруг, что некому будет выполнять решения организации, кроме тебя. А ты

все время под рукой, смысленный шустрый парень... Тебе не кажется, что нам с тобой пора выйти из игры?

— И бросить Тину здесь одну? Давно ты стал такой осторожный? Я зайду к ней вечером.

— Хочешь — иди, дело твое.

Поздно ночью в окно Маноло что-то брякнуло. Вытащив из-под подушки старый отцовский нож, Маноло выглянул наружу. Под деревом сидел Коста и подбрасывал камешки, как циркач на базаре.

— Во что ты влип? — спросил Маноло. И понял по блаженно-отсутствующему взгляду друга, что тот влип насмерть.

— Кто там? — раздался сонный голос Лари.

— Это твой любимчик, не вставай, родная. И он полный идиот!

— Идите сюда оба.

— Мы будем разговаривать и не дадим тебе спать.

— Так мне же интересно!

Лари вышла, завернувшись в длинную персидскую шаль, которую Маноло привез ей прошлой зимой. Принесла воды и остатки ужина. Уселась рядом, подперев щеку, и спросила таким тоном, словно перед ними сидел их старший сын, — непутевый, но любимый:

— Наш мальчик пропал?

Маноло махнул рукой.

— Скажи только: ты получил список?

— Нет, — усмехнулся Коста, — я сказал, что я моряк, а не убийца. И не стану передавать этот список никому. И что вообще вся их организация — приют для набожных святош и богатых идеалистов, которые в жизни никогда ни копейки своим трудом не заработали. И что меня от них тошнит...

— А что Тина?

— Сказала, что любит меня и ждала много лет, что ей все опротивело, она хочет такой же нормальной жизни, как у тебя

с Лари. Она готова завтра бросить эту революцию и уехать со мной туда, где нам дадут спокойно жить.

— И ты поверил?

— Да, — тем же торжествующим тоном ответил Коста.

— А жить вы на что будете? — осведомился Маноло.

— Тина очень богата. Она может купить землю в Македонии... или в Италии...

— По слухам, Стафас вложил почти все деньги в подпольную борьбу, средства их семьи на исходе, а тут богатая невеста... Ты полагаешь, нашу революционерку отпустят со всеми ее деньгами?

— Да мы уедем и спрашивать никого не станем.

— Когда? Завтра на рассвете? — улыбнулась Лари.

— Нет, ей нужно несколько дней, чтобы распорядиться состоянием, не вызывая подозрений. А мне она пока велела не высываться, засесть в самой задрипанной таверне и ждать. Чтобы ее отъезд и мое исчезновение никто не связал.

— Она не по годам мудрая, твоя Тина... — мрачно сказал Маноло. — А повара узкоглазого она с собой возьмет?

— Зачем нам повар? Впрочем, захочет — возьмет. Она все равно поступает так, как считает нужным. Так научил ее дед. И она везучая.

— Идите-ка вы оба спать, — неожиданно сказала Лари. — И чтобы никто не смел шуметь. А ты, малыш, постарайся без глупостей, — последняя фраза относилась исключительно к Косте.

Но вышло не совсем так... Пользуясь обширными знакомствами и связями, Тина обеспечивала себе и возлюбленному надежный тыл и возможность исчезнуть на задворках Восточной Европы. Наконец она послала за Костой — но его не нашли. Она послала за Маноло — но тому пришлось отплыть на Халкидики раньше срока. Тина взяла с собой молчаливого повара-телохранителя и отправилась в мутный район за складами, где всегда прятались от полиции разные мелкие жулики и прочая припортовая шваль.

В тот вечер море штормило, улочки в портовом районе были темны и пустынно, но ей все же удалось выловить в одной из таверн подпольщика, через которого они обычно передавали поручения Маноло и Косте.

— Найди Косту и скажи, что я его жду, — приказала Тина.

Подвыпивший борец за свободу с готовностью бросился выполнять поручение. А узкоглазый повар молча сделал Тине знак: «Идем за ним». Тина пыталась возразить, но Омори едва слышно просвистел через тонкие губы:

— Ваш дед учить вас осторожность. Когда вы не думать — я думать. Надо смотреть.

И Тина согласилась. Они последовали за порученцем в самый дальний квартал — туда, где улочки заворачивали на холм и даже деревья, казалось, росли под углом. Порученец зашел в темный кривоватый домик, очень быстро вышел и убежал. Тина рванулась к двери, но Омори показал ей: замри. Они подождали еще немного, потом окно открылось. Тина увидела в просвете знакомый силуэт — по пояс голый Коста, а за ним...

Омори не успел ее остановить — ученица выросла и стала проворнее учителя. Как стрела с темным оперением, она ворвалась в маленькую комнату. Коста от неожиданности отшатнулся, а голая девица взвизгнула.

— *Put a madre, chico,* — с холодным презрением процедила Тина сквозь зубы, — тебе не то что список — тебе свою п... доверять нельзя. Я скажу родственникам, что ты больше не нужен «Филики Этерии». И проваливай из города, да побыстрее, а то они могут это не так понять. *Adios!*

Коста хотел удержать ее, схватил за руку — но Тина неожиданно легко высвободила кисть и нанесла короткий удар в горло, от которого Коста захрипел и рухнул навзничь. Омори удержал ее руку, занесенную для следующего удара, и вывел за дверь.

Коста долго не мог прийти в себя. Потом он пил. Потом его нашел Маноло и сказал: «Неладное творится, говорят, кто-то из организации сдает своих, Список попал в руки полиции, давай-ка сваливать отсюда побыстрее...»

Подвернулась срочная работа: знакомый неаполитанский торговец искал надежных людей для вывоза небольшой партии дорогого и не вполне законного товара. Маноло умел выправлять все необходимые разрешения — у него был дальний родственник в таможне. Они отплыли через три дня. Коста практически не просыхал все это время, Маноло сгрузил его на борт вместе с мешками. И там сказал другу, что позавчера Тина дала согласие на брак с Анастасисом Стаффасом. Коста посмотрел в пространство отсутствующими глазами, выпил еще одну бутылку залпом — и больше не говорил о Тине ни слова.

А тут все и началось. Революционный пузырь надулся и засверкал всеми цветами радуги. Их швыряло по островам, они перевозили вооруженных борцов и продовольствие, оружие и раненых. Четыре года Маноло видел семью урывками, а Коста и не пытался попасть в Македонию, куда уехала его жена с дочкой. Именно они подвозили оружие и припасы на Пелопоннес, драка за него оказалась очень жестокой. Именно там и собрались эти триста бойцов, впоследствии взявшие приступом Грамвусу. Именно Маноло и Коста переправляли их в крепость морем. С тех пор им некуда было деваться.

И вот теперь они сидели, неспешно попивая холодное вино, ждали Тину и не говорили друг другу ни слова. Где-то внизу орали чайки, три моря рубились между собой, и оба понимали, что с этой минуты все изменится безвозвратно.

ГЛАВА 4

После третьей бутылки ожидание перестало казаться невыносимым, после четвертой прибежал сопливый пацан и сказал:

— Капитан Маноло, вас очень просят спуститься вниз, там дядюшка Николо сломал руку.

Маноло не стал произносить дежурное «я так и знал». Он просто шлепнул по плечу Косту в знак поддержки, повязал лысеющую макушку платком и перешагнул через три скамейки к выходу. Коста допил вино, подумал — и двинулся на помощь другу. И не опоздал: Николас со сломанной рукой сидел в ожидании лекаря, стеная и прося выпить. А внизу слышалась яростная брань: это Маноло пытался построить десяток охламонов, чтобы они не путались друг у друга под ногами, вышибая камни из старой лестницы, а соблюдали очередность в переноске грузов.

— А может, на тросах? — спросил Коста, показывая пальцем на старинную систему канатов, блоков и рычагов, налаженную ими в первые дни после штурма Грамвусы.

Маноло только рукой махнул:

— В наше отсутствие разгрузкой руководил сухопутный идиот, который не смог в двух снастях разобраться. Видишь конец? Оборвали, недоумки. Теперь пусть таскают на своем горбу!

Один из канатов болтался на ветру. Коста с тоской глянул вниз, где на камнях громоздилась куча тюков, бочек, свертков, потом на взмыленных грузчиков.

— Они до завтра не управятся. Может, я залезу и привяжу?

— Только при условии, что я лично буду страховать.

Через полчаса все обитатели крепости, свободные от караула и пьянства, сбежались посмотреть на бесстрашных друзей. Маноло стоял на стене, упираясь ногами в ее зубец, и страховал Косту, обвязанного тонким тросом. Трос был контрабандный, голландский, выдерживающий очень большой вес. Коста висел над обрывом и, постепенно перебирая руками, перемещался к тому месту, где на ветру болтался оборванный грузовой канат. Вот он добрался

до нужного блока, зацепился ногами за деревянную балку, перевернулся, уселся верхом, помахал рукой зрителям. Зрители разразились аплодисментами.

— Коста, не тяни! — крикнул ему Маноло, обливаясь потом. — Сейчас брошу все, будешь там болтаться до второго пришествия! Привяжись!

Коста еще раз перевернулся вниз головой и стал ловить конец, который ветром все время отшвыривало в сторону. Деревянная балка, за которую он цеплялся ногами, хрустнула. Зрители ахнули. «Не привязался, мерзавец!» — выругался Маноло, продолжая упираться в стену. Один мелкий камень впился ему в пятку, было чертовски больно, но ни переступить, ни хотя бы отодвинуть ногу он не мог.

— Тебе больно, бедный маленький Маноло? — спросил хрипловатый голосок. Твердое колено уперлось в его ногу. — Ну-ка подвинь свою израненную ступню...

— Уйди, женщина! — рявкнул он. Последовала резкая подсечка — не болезненная, но хлесткая, которая на мгновение вышибла его ступню. Тина подставила свое бедро под канат, Маноло переставил ногу поудобнее. Тина наклонилась, плеснула на окровавленную ступню воды, ловко подложила свой платок, чтобы остановить кровь. Поднялась, глядя на него снизу вверх, прищурилась на ярком солнце:

— Прямо античные герои. Кастор и Полидевк. Нельзя было сделать это проще?

В этот момент зрители разразились новыми рукоплесканиями: Коста изловил конец, вывернулся обратно, уселся на балке, закрепил трос, помахал рукой Тине. Встал и пошел по узкому брусу к стене, балансируя на ветру.

— Мерзавец! — снова не выдержал Маноло.

— Мерзавец, — сквозь зубы повторила Тина, — как был на турщиком, так и остался...

Коста дошел до конца балки, прыгнул на ближайший уступ крепостной стены, пробежал по ней несколько метров и оказался прямо на площадке перед Тиной — загорелый, сверкающий зелеными глазами и улыбающийся во весь рот.

— Здравствуй, Тина, солнце мое! — воскликнул он. — Надеюсь, в трюме было что-то стоящее? Я ведь жизнью рисковал!

— Насколько я тебя знаю, chico, ради пары бочек хорошего вина ты рискнешь не только своей жизнью, но и чем-то гораздо большим, — отчеканила Тина.

При этом она окинула полураздетого Косту таким взглядом, что того прошиб пот.

— Я, пожалуй, пойду, а вы тут поворкуйте, — сказал Маноло, разматывая канат.

— Тина, дорогая! Познакомьтесь! Это наши прославленные мореходы — Манолис Томбосис и Костас Гривас, верные стражи гавани Грамвуса!

Антонидис собственной персоной прискакал на крепостную стену вслед за дорогой гостьей.

— О нет, — прошипел Коста.

— Увы! — отвечал ему Маноло. — Где большие деньги — там долгие речи. Терпи. Это тебе за ненужное позерство.

— Вы не можете представить, какие чудеса морского искусства демонстрировали эти двое во время штурма Грамвусы...

Далее последовала речь — небольшая, минут на пятнадцать. Маноло перетапывался, пытаясь пристроить саднящую ногу, а Коста бросал геройские взгляды в сторону горизонта. Тина вежливо улыбалась и временами ахала и охала, как положено даме. Наконец Антонидис сделал короткую паузу.

— Быть может, мы пройдем в зал для заседаний, чтобы обсудить дальнейшие планы со столь прославленными флотоводцами? — быстро спросила Тина. — Я полагаю, у республики не может быть лучших кандидатур для действий на море?

— Вы, безусловно, правы, дорогая, — озадаченно произнес Антонидис. Он, конечно, не ожидал такого внезапного возвышения двух моряков. Но возразить не мог: среди населения крепости больше не было никого, кто умел бы управлять большими судами. Пара рыбаков в счет не шла. Сам Антонидис умел только убивать, на суше или на море — разницы не было.

— Пойдемте с нами, капитан Маноло и капитан Коста, — улыбнулась Тина, беря обоих под руки.

— Из нас двоих капитан только Маноло. Я бы стал капитаном, Тина, но у меня нет корабля!

— Так будет, — спокойно ответила Тина, — ты спроси меня, я тебе расскажу, где его взять.

— А ты откуда знаешь?

— Мой дедушка был пиратом, если ты помнишь...

И она коротко дернула предплечьем — как чайка на воде. Маноло с Костой переглянулись и пошли вслед за Тиной в прохладную глубину форта.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Маноло, когда они вышли из подвала на темную опустевшую площадь.

— Выглядит она прекрасно, — констатировал Коста, — никогда бы не подумал, что мать двоих детей. И заметь, ни разу не выругалась.

— Я не про Тину, а про их безумные планы!

— Звучит красиво, — пожал плечами Коста. — А что, у нас есть выбор?

— Выбор всегда есть. Ты сам говорил: я моряк, а не убийца!

— Маноло, мы будем командовать! Мы с тобой не будем убивать!

— Ты пропустил одно слово: мы не будем САМИ убивать.

Ночные вылазки «калisperидис» обходились без них. Маноло с Костой занимались содержанием и починкой небольшого

бота, на котором переправлялись разведчики, сочувствующие повстанцам и их родственники. Но теперь, следуя планам Тины, им предстояло командовать настоящим боевым кораблем, причем не просто командовать — атаковать турецкие суда, захватывать их...

Маноло представил себе палубу, залитую кровью. Ему доводилось видеть много раненых, перевязывать их на борту и сбрасывать в море тела. Но командовать пиратским судном? Спору нет, шебека была хороша — легкая, быстроходная. Адмиральские уроки не прошли даром: Тина сделала превосходный выбор.

— Когда она рассказывала, что лично объехала десяток портовых городов в поисках подходящего судна, я живо представил себе, как наша аристократка задирает юбку и лезет в трюм...

— При чем тут аристократизм? Это наша Тина, — неожиданно резко сказал Коста. — Она оставила своих детей свекрови и приехала к нам. Потому что мы без нее пропадем. Шебеку купила на свои деньги. Превосходный выбор! И я готов ей за это служить!

— Да я не спорю... Чего ты злишься? Ты думал, она тебе на шею сразу кинется?

— Я вообще ничего не думал. Пойдем, выпьем!

— Нет, уже поздно. Меня Лари ждет.

— Тогда до завтра, капитан... Скажи Лари, пусть начинает вышивать флаг.

— Какой еще флаг?

— «Веселый Роджер», разумеется...

И Коста, не оглядываясь, двинулся в сторону таверны, откуда доносились песни и пьяные возгласы. Маноло тоже пошел в сторону дома, потом вспомнил, что не договорился с другом насчет завтрашнего осмотра корабля, обернулся — и заметил невысокий темный силуэт, скользивший за Костой.

— Берегись! — крикнул он, понимая, что не успеет...

Мужчина, закутанный в темный плащ до бровей, догнал Косту, что-то ему сказал — и Коста рысью понесся в глубину крепо-

сти. А человек в темном неспешно пошел навстречу Маноло. Когда он приблизился, Маноло узнал японца, служившего Тине.

— Не надо беспокоиться, — тихо произнес Омори. — Иди домой. У тебя хорошая семья.

Маноло сжал кулаки:

— Не стоит им этого делать!

— Госпожа сказала: идти и позвать Коста. Я обещал служить госпоже. И я убить каждого, кто ее обижать.

— Коста ее не обидит.

Омори нахмурился:

— Госпожа сказала позвать — я позвал. Ты молчать. Я молчать.

Маноло протянул ему руку. Японец коротко поклонился и пошел восвояси.

ГЛАВА 5

— Как продвигаются дела? — спросила Тина, отпихивая ящики носком изящного сапожка. — Капитан, почему на палубе бардак?

Маноло стряхнул со лба прилипшие мелкие стружки, развел руками:

— Повелительница, прости убогих: нормальных моряков раз-два и обчелся, остальные не по этой части. И к тому же за месяцы, проведенные в крепости, дисциплины никакой не осталось. Не поверишь, бить приходится!

— Дедушка говорил, это всегда на пользу. Когда ты рассчитаешься выйди в море?

— Неделя еще нужна.

Тина притопнула ногой:

— Долго! Чего ты тянешь? Осенние шторма не за горами... Скажи правду! Ты не хочешь быть капитаном?

— Тина, мы все у тебя в неоплатном долгу...

— Оставь эту песню Антонидису! Отвечай честно! У вас была возможность вернуться на Крит после захвата Грамвусы?

— Нет.

— У вас кончились запасы?

— Да.

— Где вы можете их пополнять?

— Нигде.

— Так чего ты ждешь? Пока провиант закончится? Чтобы у тебя было оправдание: я вышел грабить только потому, что моей семье нечего жрать?

— Возможно, ты права.

— Я привела вам боевую шебеку — любимое судно пиратов прошлого века во всем Средиземноморье! Мой дед говорил, что нет ничего лучше шебеки для быстрых маневров и атаки на мелкой воде! Подводная часть острая, корпус узкий — специально для проливов между островами! 8 шестифунтовых пушек по бортам, 4 двенадцатифунтовые — на корме, да по фальшбортам — 8 трехфунтовых кулеврин. Итого — 28 пушек на одну шебеку! Я сама ощупывала каждую, чтобы ни одной раковины в металле не было, вспоминая уроки деда. Я сама провела шебеку в бухту — ночью, при боковом ветре, по дедовой карте глубин! Дед сто раз в гробу перевернулся, пока я шла между двумя островами в темноте, — так я поминала его за неточности в промерах! Вон там, возле черного утеса, я чуть не зацепилась днищем, раздался скрежет. К счастью, это оказался всего лишь драный борт, но мне пришлось дать по зубам местному лоцману, который от страха обоссался. И ради чего? Чтобы ты мучился этическими проблемами? Тебе нужна индульгенция на грабеж? Так я тебе ее выписываю!

— Госпожа так любит употреблять непонятные слова...

— Не строй из себя идиота! Я помню, как ты цитировал Аристофана...

— Это я случайно...

— Не ври! Ты окончил гимназию. Будь уверен, когда тебя принимали в «Филики Этерию», о тебе знали все — от Аристофана до того дня, когда ты впервые переспал со шлюхой. Не уточняли только, в каком именно борделе это было.

Маноло усмехнулся:

— В Триесте. Аристофана я читал позже. Ты полагаешь, госпожа, образование мне поможет бить турок?

— Чтобы бить турок, нужно просто быть греком, — огрызнулась Тина, — а чтобы командовать, нужны мозги. Маноло, послушай: кроме тебя, я никому не доверю свою шебеку. Если ты откажешься — клянусь именем деда, я сама встану за штурвал.

— Может, тебе самой не терпится покомандовать кораблем? Так и скажи!

— Может, и не терпится! Но я все-таки женщина... — вздохнула Тина. — И если мои сыновья останутся сиротами, это будет на твоей совести!

— Нет, госпожа, этого я допустить не могу. Кстати, как зовут твоих мальчиков?

— Манолис и Костас, — ответила Тина. И взвилась, не дожидаясь ответной реакции: — А что? Вы мне были как братья. Сильные, умные, надежные, смелые! Я верила, что мы и дальше будем вместе... — и она отвернулась, дернув плечом. — Помнишь озеро Карачи?

— «Вульясменос» по-гречески. — Маноло обнял ее: — Конечно, помню. Ни о чем не жалею. Ты все сделала правильно. Остальное предоставь нам. Мы не подведем.

— Хорошо, капитан. Готовь судно к первому походу. И зайди после заката ко мне, Омори отдаст тебе сундучок. Там кое-что важное. Я могу доверить это только капитану.

Темно-синий хвост платья взлетел над бортом. В следующую секунду рядом с Маноло на палубу спрыгнул Коста, который болтался на гроте и подслушивал.

— Что сказала повелительница морей?

— Велела поторопиться. А что ж ты сам не спустился к нам?

Коста пожал плечами:

— Руки были заняты...

— Не ври, скотина!

Коста отвел глаза:

— Ну, я вчера загулял в таверне...

— Понятно.

— Маноло, я ничего никому не обещал! Когда я ей нужен — я рядом. Но я не могу сидеть и ждать, когда меня позовут. Я нормальный человек и нормальный мужчина! Я сам себе принадлежу, и никто не будет мной пользоваться, словно гребнем для волос!

— Звучит грубовато, но возможно, ты и прав. Разбирайтесь сами... — Маноло махнул рукой и снова взялся за рубанок. А в голове звучало: «Вульясменос». И никак он не мог избавиться от воспоминаний, поэтому окликнул Косту:

— Ты помнишь озеро Вульясменос?

— «Карачи» — «Черная вода»? Конечно. Она знает, чем зацепить...

В тот афинский период, когда друзья проводили много времени вместе, Тина упростила Маноло свозить их на озеро Вульясменос, которое располагалось примерно в 15 милях к югу от Афин, обладало волшебными свойствами и чьи воды якобы уходили прямо в мрачные подземелья. По-турецки оно называлось «Карачи» — «Черная вода», старики не советовали плыть туда. Но Тина есть Тина, ей только скажи «нельзя»!

Жених Тины уехал на несколько дней по делам революции, стояла отличная погода, они были на фелюке втроем, быстро добрались до нужного места. Озирались долго — озера не было видно, его отделял от моря узкий гребень скалы. А когда перебрались на другую сторону гребня, глазам открылся водоем изумрудно-

синего цвета. Сверху показалось — дна нет, от берега начинается спуск в бездну.

— Это вход в мрачный Аид? — спросила Тина, став вдруг серьезной.

— Нет, Посейдон ударил своим трезубцем в скалу и сотворил озеро, — отвечал ей Маноло.

— Пошли нырять! — Тина запрыгала вниз по скользким камням. Вода выглядела такой ласковой и манящей что друзья бросились вниз, на ходу сдирая с себя лишнюю одежду.

— Осторожно! — предупредил рассудительный Маноло. — Говорят, тут нельзя долго находиться! Если пересидеть, потом начнется лихорадка.

Но кому здесь было говорить об осторожности? Скоро все трое раскинулись в теплой шелковистой воде, глядя в небо и блаженствуя в полном одиночестве — вероятно, местные жители побаивались этого места. По небу быстро перемещались облака, за береговой скалой грохотал усиливающийся прибой, а здесь не было и мелкой волны. Правда, Маноло не давали покоя маленькие рыбки, обкусывавшие пятки. Косту тоже попыталась тяпнуть рыбешка, он извернулся и треснул ее кулаком. Одна Тина продолжала спокойно покачиваться на поверхности — словно цветок в обрамлении белой полотняной рубахи.

— А почему тебя не кусают?

— Боятся пиратской крови. Будьте осторожнее: говорят, здесь водится нереида, которая утаскивает молодых мужчин под воду.

— Тина, лучше бы тебе убраться на берег, пока нереида не приревновала. Женщины завистливы к чужой красоте, а уж нереиды — тем более!

— Я внучка адмирала Кацониса! И никто не заставит меня убраться на берег!

Тина набрала воздуха и нырнула — вертикально, почти без усилий, только пятки мелькнули в воздухе. Этим умением она приво-

дила в состояние изумления и зависти всех критских пацанов много лет назад. Ее не было довольно долго, Коста не выдержал и нырнул вслед. Пропали оба. Маноло начал озираться — никого. Так долго никто не может находиться под водой. Он растерянно кружил, вглядываясь в глубину, неподалеку что-то заблестело, он ринулся туда, гребя изо всех сил, вцепился в блестящую штуку, та ужалила в ладонь...

— Что, блеск золота лишает разума? — засмеялась Тина, выныривая рядом вместе с Костой. — Дурачок, это дедово наследство, смотри! — она подняла небольшой старинный кинжал, рукоять которого была украшена позолотой и узором из разноцветных камней. — Я нырнула и спряталась под корягой у берега, там можно было оставаться незамеченной и дышать. Коста быстро догадался, где я прячусь. А ты задумался о вечном, мы и решили тебя чем-нибудь приманить. В nereид ты не веришь, а на золотой блеск сразу бросился! Кто же знал, что ты вцепишься в лезвие?

Маноло молча отвесил Косте затрепину.

— За что?

— Испугался за нас? Прости....

Маноло оттолкнул ее.

— Не сердись, Маноло, покажи руку. Порезался? Дай сюда!

Тина тут же отрезала узкий край от рубашки, сурово приказала:

— Не дергайся. Зачем революции боец с порезанной рукой?

Посмотрела на рану:

— Вода Карачи имеет целительные свойства, ничего не будет.

Искоса глянула на Косту и вдруг провела лезвием по своему предплечью, поднесла руку к руке Маноло:

— Как древние элины, клянусь своей кровью, что вы всегда будете мне...

— ... братьями? — подсказал Коста.

— Тоже мне, братья... — она озадаченно помотала головой, потом нахмурилась: — Неважно! Будете мне родными. И любимыми. И я никому не дам вас в обиду, что бы ни случилось!

Коста мягко забрал у нее кинжал и надрезал свою руку. Капельки крови смешались на белых прибрежных камнях.

— Это кинжал моего деда. Свой длинный нож он бросил в море во время битвы при острове Андрос, а этот кинжал всегда носил с собой и, умирая, передал мне. Теперь моя пиратская кровь — кровь адмирала Кацониса — смешалась с вашей.

— Что это значит, Тина? Это хорошо или плохо? — спросил Коста, заглядывая ей в глаза. — И кто мы теперь друг другу?

Взгляд Тины метался от одного к другому, она прикусила губу, медленно прижимаясь к плечу Маноло, и провела пальцем по щеке Косты... Стало совсем тихо. Или Маноло показалось, что все звуки разом исчезли. Каменистая почва уходила из-под ног. Все исчезло — только одна женщина была между ними, и оба слышали, как бьется ее сердце, и оно билось слишком близко...

И тут раздался хруст и жалобное блеянье: заблудившаяся коза вылезала на берег из кустарника. Все трое выдохнули — и почему-то рассмеялись, да так, что у Тины выступили слезы.

— Довольно сцен из античных трагедий, давайте забинтуем наши царапины, — сказала она, отсмеявшись. — Мы теперь вместе. Это не плохо и не хорошо. Это как Черная вода: есть внизу бездна или нет — не нам судить. Но кто однажды вошел в воды Карачи, никогда не станет прежним.

И, не оборачиваясь, полезла наверх.

На обратном пути ветер разошелся, фелюку болтало со всей силой, солнце спряталось, Тина очень замерзла, они сидели в обнимку, согревая ее с двух сторон. Оба снова слышали, как стучит ее сердце, но палуба из-под ног не уходила и в глазах не темнело. На следующий день служанка сказала им, что молодая госпожа слегла с лихорадкой, за ней ухаживают вернувшийся жених и его матушка. А через пару дней и Маноло с Костой отправились в очередное плавание. И больше ни разу вслух не вспоминали об озере Карачи...

Солнце заваливалось в мутные волокнистые облака, когда он пошел к южной стене крепости. Там стояло приземистое старое здание, предоставленное Тине вождями Грамвусы. Из дома пахло только что приготовленным ужином. Навстречу вышел Омори, его смуглое лицо не было скрыто, как обычно, темной повязкой, на нем даже изображалось нечто вроде улыбки.

— Госпожа передать тебе это, — он вытащил сундук. — Открывать!

Маноло открыл сундук, удивившись его весу. В темноте блеснули полукруглые золотистые планки... Это были огромные буквы из позолоченного металла: «Л», «А», «М», «Б»...

— Имя покойного господина, — уточнил Омори. — Ты капитан! «Ламброс Кацонис» — таким будет имя корабля, понял Маноло. Поклонился, убрал буквы обратно, собрался взвалить сундук на плечо.

— Не сейчас! — покачал головой Омори. — Позже. Иди за мной.

Он повел Маноло за дом, в глубину, где начинались складские подвалы. Провел по узкой кривой лестнице вниз. Маноло шел почти наощупь, спотыкаясь, а старый японец словно видел в темноте, как кошка. Они оказались в глухом помещении, Омори зажег свечу. В углу громоздилась куча старых плетеных ковриков, сродни тем, которые лежали в каждом бедном крестьянском доме.

— Разобрать — сказал Омори, — и разложить. Ждать. Вода, — он кивнул на старинный серебряный ковш с водой, — я скоро возвращаться.

— Зачем?

— Госпожа так приказать, — строго отвечал Омори. И неслышно ускользнул обратно, унося свечу с собой.

Манола пожал плечами, выпил полковша воды и от нечего делать взялся разбирать и раскладывать пыльные коврики. Потом прилег...

— Где ты? — раздался в темноте голос Косты.

Манола не сразу проснулся и не успел ответить.

— Тина, прости меня, дурака, — шептал Коста, — загулял вчера, с кем не бывает... Иди ко мне!

Манола не удержался и чихнул. Коста заморгал, в упор уставившись на друга:

— Ты здесь откуда?

По стене запрыгали оранжевые отблески — по лестнице спустился Омори со свечой.

— Госпожа приказать вас позвать, — торжественно заявил Омори. — Ты капитан, ты его помощник. Вы оба должны уметь воевать. Вы должны уметь хорошо.

Манола выпрямился, но не успел ничего сказать. Даже не успел заметить в полутьме, когда Омори скользящим прыжком приблизился к нему почти вплотную, — только внезапно ощутил острие ножа на своем горле...

— Ты уже мертвый, — констатировал Омори. И бросил Косте через плечо: — Твой капитан сейчас умирать, помоги!

Коста бросился на Омори — и воткнулся лицом в пыльные коврики. Одной рукой Омори удерживал нож у горла Манола, другой выкручивал запястье лежащего навзничь Косты.

— Госпожа сказала научить вас. Чтобы никто вас не убивать. Я учить вас каждый день после заката. Вы поняли?

— Да, — ответил Манола. А Коста промолчал, пытаясь вырвать руку. Омори нажал посильнее, Коста зашипел...

— Я не слышать, ты понял?

— Да, — ответил Коста.

— Я учитель. Вы ученики. Мне отвечать «Омори-сан», я ничего не повторять два раза, — и старик еще посильнее надавил на

рукоять ножа, а другой рукой еще сильнее зафиксировал запястье Косты. — Теперь вы понимать?

— Да, Омори-сан, — в один голос ответили оба.

— Я доволен, — сказал Омори, отступая на шаг. — Хай! —

И поклонился им.

Коста ткнул Маноло в бок, прошептал:

— Мы влипли...

— О да... — и оба поклонились в ответ старому японцу.

Когда свежий западный ветер разогнал тучи, а луна встала высоко над морем, Омори проскользнул на террасу и замер, увидев на фоне пляшущих лунных отблесков силуэт Тины.

— Госпожа не спит?

— Как твои ученики? Будет толк?

— Не знаю, госпожа. Надо долго учить их.

— Учи их быстро, Омори-сан! Через неделю шебека должна выйти в море. Я не хочу, чтобы они погибли, слышишь? Коста и Маноло сильные и умеют драться, как все парни. А надо — лучше всех. Ведь турки — отменные бойцы.

— Учить быстро — учить плохо. Мой сэнсей учить меня десять лет. Я учить госпожа всю жизнь.

Тина обняла его:

— У нас нет десяти лет, Омори-сан. Научи их, чтобы они остались живы.

Омори посмотрел ей в глаза:

— Госпожа любит одного. Зачем госпоже двое?

— Я люблю их обоих. Они мне как братья. Других братьев у меня нет. Нет, они мне как сыновья. Любовь — это... — она беспомощно развела руками. — Не знаю... Любовь — это почти как смерть. Так же пугает. И так же манит. Понимаешь ли ты?

— Ты говоришь очень понятно, госпожа: любовь, жизнь, смерть. Ты забыла еще одно...

— Что? Дети?

— Честь, госпожа.

Тина выпрямилась:

— Ты считаешь возможным напоминать мне о чести?

Старик молча поклонился Тине.

Неделю два друга спали урывками — занимались подготовкой судна, а ночи проводили в складском подвале. Омори не знал ни жалости, ни усталости. Маноло был первым силачом в форте Грамвуса. Благодаря своему гигантскому росту и недюжинным физическим данным он мог положить в рукопашной любого, одна его оплеуха отбрасывала соперника на несколько шагов. К тому же, перебитый в детской драке нос придавал его лицу достаточно грозное выражение. Но на самом деле, Маноло, как все большие сильные люди, был добродушен и редко выходил из себя, мало что могло вынудить его пустить в ход кулаки. Коста же был гибким и вертким, легко заводился, лез на рожон, в драках бывал зол и одерживал верх за счет скорости и реакции. Однако оба привыкли к честным поединкам. Омори же учил их коварным, жестоким ударам в болевые точки, захватам, калечащим руки-ноги, — одним словом, схватке на поражение в считанные мгновения.

Маноло сначала не мог себя заставить нанести ему удар во время занятий: Омори был глубоким стариком за пятьдесят, вдвое меньше ростом, как с ним драться? Если Маноло нападал не в полную силу — получал деревянной палкой по руке или по коленке. А если злился и пытался ударить от всей души — Омори умел обращать его силу в свою пользу, от этого бывало только больнее. Косту проще было вывести из равновесия и разозлить, он чаще бросался на Омори — но результат бывал тем же. На шестую ночь Омори оглядел понурых учеников и сказал:

— Я учить вас. Теперь вы двое биться.

Маноло и Коста приготовились к учебной драке, взяли деревянные ножи — «танто». Омори качнул головой и выдал обоим острые критские ножи с двуглавыми рукоятями.

— Коста, мы с тобой как римские гладиаторы...

Омори показал: «Начинайте». Два друга в некотором недоумении покружили по подвалу, потом изобразили пару учебных атак, Омори хлопнул в ладоши:

— Плохо! Еще раз! Полная сила! Нельзя бояться!

— Я не боюсь, Омори-сан, — ответил Маноло, встав неподвижно. — Коста — мой друг, я не стану с ним драться. Никогда.

— И я, — добавил Коста, встав рядом.

Омори выругался по-японски, шагнул к ним — и замер, увидев два сверкающих в полутьме лезвия. Сэнсей застыл, потом кивнул, отступил на шаг и поклонился.

— Хай! — сказал он, — вы оба уходите. Я говорить госпоже, что больше не учить вас.

— Хай! — поклонились в ответ оба моряка.

— Слушай, я думал, мне придется его порезать.

— Я тоже. Хотел только не слишком сильно, а то Тина бы нам головы оторвала.

— Пойдем лучше выпьем...

В это время Омори вошел на террасу, где Тина ждала его с чашкой чая и свежими лепешками. Старик с благодарностью принял подношение, присел, скрестив ноги, сделал пару глотков и сказал:

— Твои друзья можно верить. Они настоящие бойцы. Но мой сэнсей убивать меня за такое поведение.

— Они не привыкли подчиняться, — ответила Тина, — они гордые. Многие греки, родившиеся при власти турок, не знают вкуса свободы. А мои друзья — моряки и дети моряков, родившиеся вдали от Порты. В детстве я выбрала Косту потому, что он отличался от других мальчиков на Крите. Он говорил не так, он вел себя иначе,

он хотел учиться. А потом я узнала Маноло, который оказался умнее многих юношей из богатых семей. Поэтому я и выбрала их, Омори-сан. Я люблю их. И я хочу, чтобы они остались живы. Оба.

— Они могут защитить себя. — резюмировал Омори, допивая чай. — Спасибо тебе, госпожа, ты доверить мне своих друзей. Это большая честь. И я сейчас понимаю, почему ты так называть своих сыновей.

Тина молча поклонилась старому японцу.

А на следующий день поднялся ветер — не сильный, но мешавший приготовлениям к выходу в море. Потом начался дождь, который друзья решили переждать на борту, чтобы не лезть наверх по мокрой лестнице. И тут со стены крепости раздался свист, потом крики:

— Капитан!

Маноло выскочил на палубу. Сверху по каменным ступеням съезжал на заднице парнишка из караула:

— Вчера разведчики «калесперидис» узнали, что в Киссамос идет турецкая галера с хорошим грузом. Теперь, кажется, я ее увидел. Очень далеко. Но это точно галера.

— Почему ты решил, что это она?

— Груженная, низко сидит, еле ползет. Убрали свои убогие паруса и идут на веслах. Я уже доложил в штаб.

Маноло с Костой переглянулись.

— Не успеем, — сказал Маноло.

— Господа Каллертис и Антонидис ждут от вас решительных действий, — отрапортовал парнишка.

Маноло выругался, а Коста сразу подобрался, как кот перед прыжком за рыбой:

— Маноло, я собираю команду.

— Я бегу докладывать господам Каллертису и Антонидису, что шебека выходит в море!

Коста вприпрыжку понесся вверх за посыльным, а Маноло растерянно оглядывался по сторонам. Шебека была абсолютно готова к боевым действиям, последние пару дней он возился со снастями и прилаживал орудия больше для приличия. Залив был подернут рябью, но за высоченной скалой волны с грохотом бились в мощное основание утеса. Как при таком ветре выйти из бухты? Маноло закрыл глаза, мысленно представляя карту промера глубин, которую за время пребывания Тины они выучили наизусть. Еще раз поблагодарил Тину за выбор судна — у шебеки небольшая осадка и самая узкая подводная часть по сравнению с другими парусниками, Он выведет судно под малыми парусами, а там настигнет галеру за пару часов. Эта толстая неповоротливая турецкая лохань не уйдет от него. Или он не капитан?

Тина в буквальном смысле слова свалилась им на голову: благородной даме не пристало кувыркаться по мокрым камням, но она так разоралась наверху, что ее обвязали тросом и опустили вниз, как ценный груз.

— Не забывайте, чему учил мой дед: скорость, внезапность, атака! — сказала она, схватив Маноло за руку. — Ты капитан, голос у тебя громкий, помощник у тебя храбрый, жена у тебя молодая. Что еще нужно для победного возвращения?

— Тина, уйди ради бога, пока сюда не явилось руководство... Они начнут говорить с Троянской войны, а закончат, когда придут зимние шторма!

Тина что-то шепнула Косте, потом подошла к Маноло и тоже тихо пробормотала ему пару слов, привстав на цыпочки. Задрала рукав, показывая еле заметный шрам:

— Помните черные воды Карачи? Пиратская кровь не подведет! И не посрамите имя, которое носит ваш корабль!

Дернула плечом, сказала:

— На удачу! — и плюнула за борт.

И полезла обратно в крепость, но уже по лестнице, скользя модными сапожками по камням и ругаясь на всю бухту, как старый боцман.

— Все же она прелесть... — задумчиво сказал вслед Коста. — Кстати, просила за тобой приглядеть. Чтобы ты без башки в первом же походе не остался.

— Не поверишь, меня она просила о том же.

— Женщины...

Они переглянулись.

— Не тяни, Маноло, — тихо сказал Коста, втягивая ноздрями влажный воздух, — один раз живем.

Маноло оглянулся, откашлялся и зычно крикнул:

— По местам стоять, с якоря сниматься! — И тайком перекрестился — кажется, католическим крестом, но впрочем, этого все равно бы никто не заметил. А потом тоже плюнул за борт.

ГЛАВА 7

Поздно вечером Маноло, наверно, в шестой раз рассказывал, как тащил галеру на буксире и чуть не посадил отяжелевшую шебеку на рифы при заходе в бухту. Захмелевшие отцы Грамвусы били его по плечу и приговаривали:

— Капитан Маноло, ты достойный наследник славы покойного адмирала Кацониса!

Тина рано ушла с праздника, сославшись на головную боль. Каллертис повис на Косте и то и дело переспрашивал, много ли убитых турок сбросили за борт и за каким дьяволом они приволокли сюда галеру и пленных гребцов. Коста терпеливо объяснял, что перегружать товар и оружие не позволяла волна...

— А на буксире тащить галеру волна позволяла?

— Мне совесть не позволила утопить нормальное судно с грузом и пошвырять за борт живых людей!

— Разве это люди?

Маноло опять объяснял, что галера пригодится, что сама она к Грамвусе не придет. Хотя и говорят, что в мире есть суда, которые ходят без парусов благодаря волшебной силе паровой машины, но им, простым морякам, такое пока неподвластно. Что пленные гребцы ни в чем не виноваты, они являются жертвами окаянной Порты, стало быть — их братьями в борьбе против мусульман. И пригодятся живыми. Каллертис вроде вслушивался и понимающе кивал, а потом опять багровел лицом и начинал орать:

— Надо было всех покрошить и за борт... Или ты сочувствуешь туркам?

И тут ему на выручку пришел Коста, невесть откуда взявшийся.

— Великий адмирал Ламброс Кацонис говорил так: «Захватываемые турецкие суда в большинстве своем мы сжигали, но те, что годились для военных действий — вооружали, снабжали командой и присоединяли к себе...» — нараспев повторял он обрывки историй, которые сами всплывали в памяти вместе с хриловатым голоском Тины.

— Если сам великий Кацонис так говорил, возражать не смею. Но все-таки увидишь турка — убей его... — и захмелевший вождь рухнул на плечо Косты.

С трудом отодрав от себя захмелевшего отца-командира, Коста буркнул:

— Я пойду и тебе не советую задерживаться.

— Ты прав. Народ без дела дуреет. Завтра надо встать пораньше: пока трофейное оружие не растащили по крепости, лучше его перепрятать.

Друзья откланялись и вышли наружу, с облегчением вдыхая свежий ночной ветер.

— А теперь скажи мне, только честно: почему ты не давал команду стрелять?

Маноло ждал этого вопроса.

— Решил не топить галеру, подумал, пригодится. Ты же сам видел — они заранее побросали весла. Да никто особо и не сопротивлялся...

Это было чистой правдой: грозный абордаж оказался просто неудобным перескоком на соседний борт. Правда, он немного не рассчитал скорость сближения, врезавшись острым форштевнем в борт галеры, — да так, что все в ужасе зажмурились. Но и шебека, и галера все же уцелели. Десяток сухопутных бойцов, блевавших за борт всю дорогу, собрались с духом и бросились на штурм во главе с Костой. Капитан галеры в ужасе пополз перед ними на коленях, отдавая оружие, надсмотрщик над гребцами визжал как резаный, Косте пришлось вышибить ему пару зубов, чтобы заткнулся.

Маноло рисковал еще больше, взяв галеру на буксир. Если бы волна поднялась выше — галеру бы перевернуло, а вместе с ней пошли бы ко дну и они сами. Коста готов был прыгать в воду и резать буксирный трос. Маноло с трудом маневрировал, то и дело покрываясь холодным потом, но ухитрился доволочь трофей до Грамвусы.

— Ты же мог всех нас утопить за милую душу!

— Коста, нет смысла гробить людей просто так. Галера нам пригодится в будущем. Два корабля и живые люди лучше, чем один корабль и куча трупов. И я удивлен, что мне приходится тебе это объяснять.

— А если бы вышло не так, как ты хотел?

— Будет по-моему.

— Почему?

— Потому что я капитан, — отвечал Маноло, выпрямляя плечи и глядя на друга сверху вниз. — Удача любит Тину, и нам должно повезти. Если не согласен — заведи свой корабль, друг мой, и можешь топить чужие суда и считать трупы хоть каждый день.

Коста стиснул зубы, махнул рукой и быстро пошел через площадь. Но Маноло задержался и видел, как его друг свернул к крепостной стене и запрыгал по ее зубцам в сторону домика Тины.

— Как всегда: побеждают одни, а награждают других... — проворчал он сам себе. И вздрогнул от легкого прикосновения. Рядом из сумерек возник Омори, закутанный в плащ.

— Был хороший бой? — спросил он без выражения.

— Мы привели второй корабль с грузом.

— Вы драться?

— Коста дрался, я нет.

— Почему?

— Командовал кораблем.

— Как?

— Наверно, хорошо, раз все живы.

Омори помолчал. Потом произнес с едва заметной насмешкой:

— Вас не убить. Вы не убить. Разве я плохо учить вас?

— Нет, Омори-сан, хорошо, — поклонился Маноло.

— Не знаю. Плохой бой — плохие ученики. Но госпожа довольна. Я служить ей. Не вам... — и снова растворился в сумерках.

А Маноло медленно побрел домой. Он много выпил, но держался. И только уткнувшись в теплое плечо сонной жены, почувствовал, что силы оставляют его.

— Маноло, скажи мне: ты правда никого не убил? — спросила Лари через какое-то время, когда он проснулся и пошел за водой, роняя и сшибая все вокруг.

— Правда.

— Не хотел? Или, слава богу, не пришлось?

— И то, и другое.

— Скажи, мы никак не можем отсюда сбежать?

— Нет, родная. Не можем. Некуда. Пока некуда...

— Что будет дальше? Еще один корабль, потом еще и еще?

И так до бесконечности, пока вас не убьют?

— Нет. Обещаю тебе: однажды это закончится.

Лари вздохнула.

— Я имел в виду, что все закончится хорошо...

Маноло тихо гладил жену по длинным золотистым волосам, пока она не уснула на его плече. А сам так и лежал, глядя в потолок, слушая шорохи и вздохи, которые издавали во сне спящие мальчишки. И никак не мог понять, что сегодня с ним произошло: ведь он не сделал ничего плохого, он сохранил галеру, не позволил убить ни одного пленного, привез в крепость кучу еды — а на душе было тяжело как никогда. Едва небо стало чуть светлеть, он тихо встал, повязал голову платком, встал на обрыве, скомандовал себе:

— Три раза! — и запрыгал вниз и вверх по крутой венецианской лестнице.

На первом подъеме он перестал думать о моральной стороне вчерашнего похода. На втором подъеме забыл выражение лица турецкого капитана. На третьем подъеме уже ничуть не жалел пленных — ни вчерашних, ни будущих. Коста застал капитана на палубе — злущего и взмыленного.

— Явился? Как дела, любимец Афродиты? — осведомился Маноло. — Вид у тебя утомленный...

Коста сделал загадочное лицо.

— ...и ты за это заплатишься, — Маноло достал деревянные ножи «танто». — Идем!

— Сейчас?

— Да, сейчас...

— А поесть?

— Омори-сан говорил: настоящий боец не думает о еде, он думает о битве! А еще он говорил: сегодня хороший день, чтоб умереть!

— Хай! — заорал Коста в ответ. — Поплыли в бухту, там тепло!

Оба запрыгали по камням, сняли одежду и наперегонки понесли в бухту Балос. По пути Коста устал и начал задыхаться, Ма-

ноло вовремя заметил это — и чуть поддался ему: самолюбивый друг скорее бы умер, чем пришел вторым... Через несколько минут пловцы обогнули скалы и достигли бухты, волны перестали бить в лицо, а вода потеплела. Скалы создавали кольцо, в котором волны даже в шторм не поднимались выше, чем по пояс. Водоросли и ил, скапливаясь в лагуне, образовывали лечебную жижу, которая мгновенно заживляла мелкие раны и облегчала боль. Коста сделал стойку на руках и заорал, выпрыгивая из теплой илистой воды:

— Берегись!

Они размахивали деревянными ножами, швыряли друг друга лицом в песок, обдирали руки и тут же мазали их целительной грязью, лупили друг друга со всей силы и орал, как в детстве:

— Мы живы! Мы живы! Спасибо, Тина! Спасибо, Грамвуса! Спасибо, волшебная бухта Балос! Мы вернемся сюда еще и еще! Мы будем жить, пропади оно все пропадом! Мы не умрем никогда!

Словно услышав их вопли, из-за горизонта выкатился сверкающий медный шар. Песок бухты стал совершенно розовым, а вода в нем — золотистой. И это было так невообразимо красиво, что друзья перестали беситься и кричать, просто рухнули в теплую соленую воду и долго лежали молча.

— Нам вчера сильно повезло, Коста... — наконец сказал Маноло, собирая мокрые вещи, раскиданные по песку.

— И нам должно везти и дальше. Потому что наша удача — это Тина.

— Тина — твоя удача, Коста.

— Это наша удача, Маноло. Мне кажется иногда, что она тебя любит, а со мной просто так...

— За что ей меня любить?

— Как за что? Ты умный. Образованный. Добрый. С тобой она может говорить о чем угодно, а я ей зачем? Так...

— А мне кажется, это вообще не важно...

— ...потому что мы ее любим.

— То есть мы здесь из-за Тины?

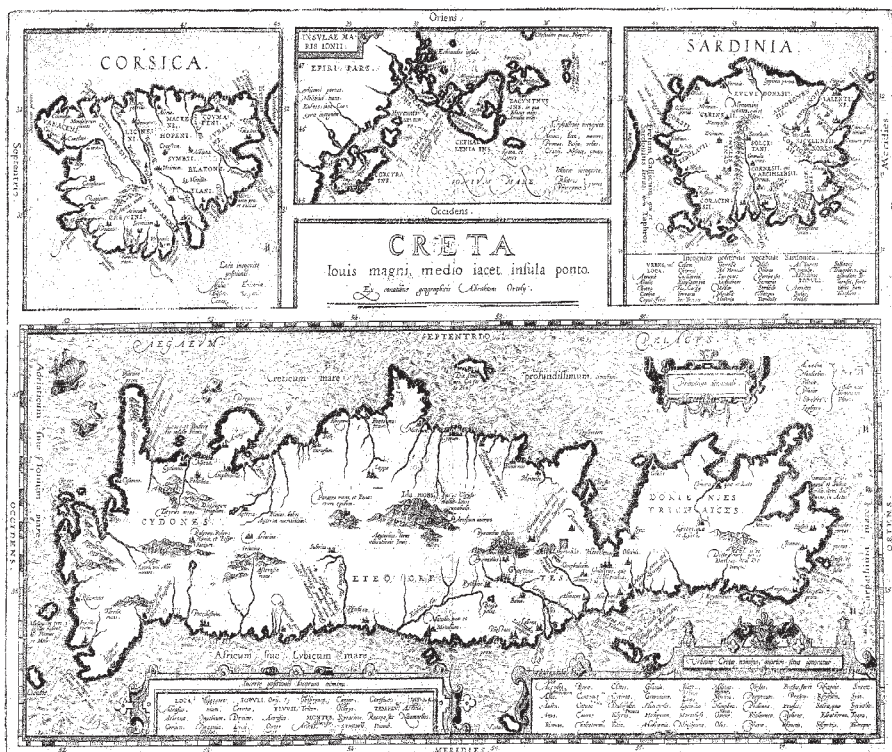
— Получается, что так. Говорят же, что вся история делается из-за баб...

— И Тина здесь из-за нас?

— Ну да... А стала бы она иначе называть своих сыновей нашими именами?

— При чем же тогда революция, независимость и все остальное?

— Выходит, что не при чем... Не думай слишком много, капитан, главное — пока мы вместе, мы будем живы.

ИМЕНЕМ АДМИРАЛА

ГЛАВА 1

Манола, ты можешь не опаздывать хотя бы в торжественных случаях?

Лари стояла на коленях возле Христо, в десятый раз поправляя его парадный сюртучок. Двое младших приплясывали вокруг брата, поддразнивая его.

— Не переживай, Христо, это они тебе завидуют, — сказал Маноло, протискиваясь в узкую дверь. — Прости, дорогая, своего мужа за то, что он теперь командующий флотом Грамвусы и должен тратить кучу времени на совещания и доклады.

— Ты это по дороге сочинил? — осведомилась Лари, закалывая длинную золотистую косу.

— А что?

— Звучит очень убедительно. Если забыть о том, что флот состоит из трех кораблей. Шебеку подарила Тина. Второй — турецкая галера, годная только на то, чтобы перевозить на ней бочки с вином. И третий достался вам дуриком: пока команда почти в полном составе валялась в одной из таверн Киссамоса, Коста поднял

парус и уволок корабль в темноте прямо из-под носа вахтенного. Каюты для пассажиров там отделаны французским гобеленом, а над кроватью капитана — балдахин. Очень боевой корабль! Вы бережете его для самых опасных походов?

— Я не понимаю двух вещей, Лари. Первое — откуда ты знаешь такие подробности? И второе — когда из кроткой златокудрой нимфы ты превратилась в умную стерву?

— Когда ты из простого критского моряка превратился в командующего пиратской флотилией.

— Да какая там флотилия! Одна шебека, — спору нет, лучший боевой корабль, который я видел. Одна тупая галера и один небольшой голландский люггер, на котором только баб возить на увеселительные прогулки! Он легкий и шустрый, но годится скорее для охраны, конвоя, разведки или контрабанды. Тоже мне, флотилия...

— Тем более не строй из себя главнокомандующего, а переоденься, пригладь бороду... Твой сын в первый раз идет в школу! И сними, ради бога, глупую повязку с лысины, ты становишься похож на капера времен владычества испанской короны! А должен подавать детям пример достойного поведения. Иначе отец Игнатий будет недоволен твоим видом.

— Слушаюсь, мой капитан, — Маноло наклонился к жене, чмокнул ее в макушку и пошел приводить себя в приличный вид. Отец Игнатий действительно иногда проводил с ним и Костой душещепательные беседы, напирая на то, что негоже... и так далее.

Этот священник делал благое дело. В крепости оказалось достаточно много семей с детьми. Если взрослые хоть как-то были заняты обслуживанием кораблей и охраной крепости, а также редкими ночными вылазками на берег, то дети просто болтались без дела. Конечно, можно было бы сразу сделать их бойцами революции, то бишь научить стрелять и резать глотки, но почему-то не хотелось раньше времени. А больше занять мелюзгу было нечем.

Отец Игнатий однажды ночью приплыл на лодке «калисперидис» к умирающему двоюродному брату. Проводил родственника в последний путь честь по чести, вечером выпил-закусил с доблестными солдатами революции, утром оглянулся...

— А где же вы молитесь? — спросил он руководителей республики. Те развели руками:

— Да вот старая часовенка в крепости осталась от венецианцев, икону поставим, прочтает кто-нибудь молитву — и все.

— А где же вы венчаете ваших молодых?

Отцы-основатели опять развели руками:

— Да вот иконку достанут родители да благословят...

— А где же вы крестите детишек? Я видел совсем маленьких...

Тут уж отцы-основатели перепугались не на шутку:

— У нас есть капитан, по морским законам он имеет право и венчать, и крестить...

— Вот тот, что ли? — батюшка прищурился, глядя снизу вверх на Маноло — капитана пиратского флота: с плешью, повязанной пиратским платком, с перебитым носом и следами вчерашнего под глазами... Маноло в этот момент руководил грузчиками и говорил с ними на самом универсальном грузчицком языке. Гулкое эхо разносило его красочную речь над скалами.

— Уж этот и окрестит, и повенчает, и соборует, если что... — вздохнул отец Игнатий, покачал головой — да и остался. И не просто остался, а начал служить, как положено. Оглядев толпу разномастных детишек, придумал сделать в крепости школу. Убедил «калисперидис» во время ночных вылазок добывать не только вино и еду, а еще и книжки. Когда Маноло с Костой подфартило с голландским люггером, больше всех радовался отец Игнатий: в трюме оказались книги и несколько ящиков превосходной почтовой бумаги. Теперь все дети ходили в школу, и сегодня туда впервые отправлялся Христо. Сейчас он вприпрыжку неся через сияющую площадь к дверям школы, не оглянувшись на родителей.

— Христо! — окликнул его хриловатый голосок. Мальчик обернулся и кинулся к Тине, обнял ее:

— Тина! Ты такая красивая сегодня!

Тина и впрямь была само совершенство: в новом темно-зеленом костюме, словно только что сшитом в Париже... а впрочем, кто знает, где она брала здесь, на Грамвусе, такие сногшибательные наряды. Все, что было связано с Тиной, имело непонятное происхождение.

— Я принесла тебе подарок, — Тина протянула ему сверток, — откроешь в школе, покажешь отцу Игнатию.

— Спасибо!

Христо унесся вслед за другими пацанами. Тина вздохнула, глядя ему вслед.

— Соскучилась по своим? — спросила Лари, взяв ее под руку.

— Да, случилось чудо: мне передали с оказией письмо от свекрови, написанное пару месяцев назад. Она вежливо намекает, что революция — дело благородное, и муж ее Эммануил Стафас положил свою жизнь на алтарь свободы, и сын Анастасис тоже погиб ради независимости Греции. Но внуки не должны остаться сиротами при живой матери. Моя свекровь — святая женщина...

— Тебе надо возвращаться, — подумав, сказала Лари.

— Как возвращаться? Я заварила кашу. Я втянула Маноло с Костой в эту висельную авантюру. А теперь я их брошу? Простите, друзья, материнский долг велит мне вернуться?

— Что ты подарила Христо? — спросила Лари, чтобы сменить тему.

— Маленький глобус. Дед специально выписал его для меня из Германии.

— Ох, зачем? Это же память... Оставила бы своим мальчикам...

— Христо — сын капитана, — отчеканила Тина, — этот глобус я дарю ему. Мои дети и так ни в чем не нуждаются. В семье Ста-

фас, кроме Анастасиса, было еще десять детей. Правда, еще двое тоже погибли во время революции. Но у моих сыновей все в порядке: полный дом двоюродных братьев и сестер, любящая бабушка и куча прочей родни.

— ...не считая того, что их отец внезапно умер в двадцать пять лет, а мать болтается на скале посреди моря... — добавила Лари.

Тина стиснула кулаки:

— За Анастасиса я еще поквитаюсь, бог свидетель!

— Ты хочешь сказать...

— Я не могу ничего утверждать! Но мой муж уехал на Касандру с мешком партийных денег и с двумя товарищами по подполью. По дороге с ним случился припадок, в результате которого он ударился головой о камень и умер. Лари, если бы тебе кто-то рассказал подобную историю, ты бы поверила?

Лари помотала головой.

— Вот и я не верю. Эти двое очень быстро отправились по делам «Филики Этерии» в Молдавию, с тех пор их никто не видел. Якобы турецкая тайная полиция объявила награду за их головы, поэтому они не могут вернуться. Но... — она стиснула кулаки снова.

— Тина, не думай о мести. Лучше подумай о своих детях. Это важнее.

— Ты права. Всеу свое время... — и Тина замерла, отрешенно глядя на воду.

— Хочешь, пойдем к нам? Не смущайся, Маноло приведет Христо домой и пойдет возиться с голландским судном, а мы с тобой приготовим еду и тихо поболтаем.

— Спасибо, но они с Костой нужны мне оба. Скажи, пусть не задерживаются, дело срочное...

— Вас Тина ждет, — пробурчала Лари, не оборачиваясь на стук двери. Маноло обнял ее:

— Что такая хмурая?

— Из-за нее. Она уже сама не рада тому, что торчит на Грамвусе, а уехать не может. Скажи, она вам что-то обещала? Она вам что-то должна? Почему вы ее к детям не отпускаете?

— Да кто ее не отпускает! — Маноло грохнул кружку с водой на стол. — Кто ее может не пустить? Думаю, только муж покойный с ней справлялся... и то недолго...

— Тогда почему она здесь? Из-за Косты? Вот уж не поверю никогда...

— Лари, я не знаю. Любовь такая штука...

— Тут любовь не при чем. Она что-то себе вбила в голову, как будто обет исполняет. Долг перед кем-то. Может, деду обещание дала?

— Если бы она родилась парнем, то могла бы обещать деду стать адмиралом... или бороться за свободу, как сам Кацонис... Но будучи девчонкой, она могла только пообещать выйти замуж за адмирала. Не знаю, Лари. Мне тоже не нравится, что она тут торчит.

Ему действительно не нравилось, что Тина находилась в крепости уже несколько месяцев. Не потому что она совала свой нос во флотские дела — и он, и Коста вынуждены были признать, что уроки старого капера крепко засели в кудрявой голове их подружки, польза от них была немалой. А уж без карт Кацониса, которые Тина привезла с собой, никто бы и из бухты не вышел. Но его нестерпимо бесило то, что Тина много времени проводила с руководителями непризнанной республики Грамвуса. И Каллертис, и Антонидис, и еще пяток главарей повстанцев ходили за ней табуном, явно добиваясь расположения: ведь Тина была еще молодой и очень богатой вдовой.

В последнее время к ней зачастил один из активных членов «Филики Этерии», пришедший вместе с новой группой повстанцев, Никас — молодой, очень красивый парень с узким бледным точеным лицом и огромными темными глазами. Коста сказал про него: «мутный...» Никас так и прилип к Тине, что-то ей рассказы-

---

вал постоянно — вероятно, про свои подвиги в подполье. Коста хотел было набить ему морду, да Маноло отговорил: тщедушного бить всерьез — недостойно, еще помрет ненароком. А бить не всерьез — бессмысленно и тоже недостойно. Решили пока не трогать. Маноло хотел присмотреться и заодно понять, что же ему надо от нашей девочки.

Маноло нашел Косту в таверне на площади, отобрал бутылку и повел к Тине. Вот и сейчас около нее пасся Никас, заливаясь соловьем. Коста захрустел челюстями, Маноло засопел и расправил плечи. Увидев геройских моряков, Никас еще пару минут помахал крыльями и откланялся.

— Тина, он тебе не надоел? — спросил Коста самым безразличным тоном.

— Он осведомлен в разных вещах и может быть чрезвычайно полезен, — огрызнулась Тина, — а сидя в таверне с бутылкой, ничего нового не узнаешь.

— Мне уйти?

— Как хочешь!

Маноло поморщился: ссоры на ровном месте все чаще вспыхивали между Тиной и Костой, а деться друг от друга обоим было некуда. Грамвуса оказалась ловушкой не только для бойцов сопротивления, но и для этих вечных влюбленных: разлука укрепляла их чувства и тянула друг к другу, но стоило им оказаться рядом чуть дольше, как Тина начинала метать молнии, а Коста — браться за бутылку. Молнии становились раз от раза все сильнее, а бутылки — многочисленнее. Потом они мирились — и все сначала. Маноло ничего не говорил другу, но все трое понимали, что это тупик. Коста был женат, хотя жену не видел три года и возвращаться к ней не собирался. К тому же, после восстания у него не осталось на Крите ничего — ни дома, ни земли.

— Однажды мы собирались бежать вдвоем на рассвете, — пробурчала Тина, глядя вслед Косте, — и мы оба помним, чем это

кончилось. У нас ничего не получится. Это не может продолжаться вечно. И мне пора возвращаться домой... — она проглотила конец фразы.

— Как ты себе это представляешь?

— Никак, — мрачно усмехнулась она, — нашего дома в Афинах больше нет, дети живут на материке в доме свекрови, но я там чужая. У меня нет дома, кроме Грамвусы, понимаешь, капитан?

— У тебя есть средства, ты можешь купить недвижимость в любом уголке Европы. Мы тебя вывезем отсюда тайком, дальше сама справишься. Заберешь сыновей, через пару месяцев будешь спокойно жить на собственной вилле в тихой бухте на Адриатике.

Тина насупилась и долго молчала, потом сказала:

— Дед говорил: здесь пару раз в году бывает такой отлив, что ни одно судно не может выйти из бухты. Никто не знает точно, в какой день это случится. И никто не знает, от чего это зависит. Вероятно, я привела свою шебеку на Грамвусу именно в такой день....

— Ты себе вбила в голову неизвестно что! Так и скажи, что оттягиваешь отъезд, потому что тебе интереснее в крепости строить планы пиратских походов, чем подтирать детские задницы! Что тебе вообще дети не нужны были — родила, потому что так положено! И чем дольше ты тут торчишь, тем более стыдно будет им в глаза смотреть!

— Я не смогу смотреть им в глаза до тех пор, пока двое убийц Анастасиса гуляют по земле, — отрубил Тина. — Никас помогает мне в их поисках.

Маноло хотел возразить, но сильная маленькая рука вцепилась в его предплечье:

— Не лезь, капитан, это мой личный долг.

— Он странный, Тина! Ему нельзя доверять! И взгляд у него дикий...

— Нет, просто у него все время расширены зрачки, — улыбнулась Тина, — он же употребляет опиум.

— Где он берет опиум тут, на Грамвусе?

Тина улыбнулась еще шире:

— Раз еще жив — значит, знает, где взять. Бедный маленький Маноло, занимайся своим флотом. Из голландского люггера пора сделать нормальный боевой корабль. По скорости и маневренности он ненамного уступает моей шебеке. Скорость 16 узлов, для разведки и внезапной атаки — то, что надо! А насчет меня — возможно, ты и прав: мне следовало родиться мальчиком. И что? Убить меня теперь за это? Раз господь позволил мне родиться, значит, такие, как я, имеют право жить. Не переживай. Однажды мы непременно выберемся из этой бухты.

Маноло устыдился своей резкости и хотел извиниться, но Тина уже пошла прочь. Обернулась и безразличным тоном добавила, как бы спохватившись:

— Кстати об опиуме: вечером вы с Костой мне нужны. Омори узнал, что иногда по ночам Никас уходит на восточный форт и там с кем-то встречается. Если мы найдем того, кто привозит Никасу опиум, он станет нашим рабом и расскажет абсолютно все, что знает, — и про убийство моего мужа, и про то, что ожидает всех нас на Грамвусе. Пусть твой друг сегодня не напивается в стельку!

— Легко сказать...

— Капитан Маноло! — окликнул его отец Игнатий.

Маноло поморщился — только попа не хватало сейчас!

— Вижу озабоченность на вашем челе... — пропыхтел отец Игнатий, закончив подъем и остановившись передохнуть рядом с ним.

Тучноват был святой отец, ростом доходил Маноло едва ли до плеча, а весил столько же, несмотря на скромный возраст. Если приглядеться, они с Маноло были почти ровесники. Но Маноло одолевал венецианскую лестницу, не сбив дыхания, а отец Игнатий останавливался пару раз и пыхтел.

— Задумался, батюшка.

— Это вредно, друг мой, верьте мне. Кстати, ваш мальчик сегодня был так рад первому дню учебы! Смышленный парнишка! Поздравляю!

Маноло представил себе беседу об отцовском долге, содрогнулся — и спросил, глядя в честные глаза отца Игнатия:

— Может, отметим это радостное событие?

— Что душе во благо, то и телу точно не во вред, — рассудительно произнес батюшка, — пошли! Только ненадолго.

— Заодно прослежу за Костой, чтобы не напился...

ГЛАВА 2

Темный силуэт Никаса был почти не виден на фоне воды, только временами вспыхивал мерцающий контур — это взлетавшая водяная пыль обозначала его присутствие. Ночь выдалась холодная, Коста с Маноло изрядно замерзли, а Никасу, казалось, было все равно: стоял как вкопанный на узкой скалистой кромке берега.

— Хотелось бы знать, кто в такую окаянную погоду рискнет плыть через пролив на чем угодно? — прошептал Коста. — Я бы и на фелюке не рискнул.

Никас дернул головой и пропал в темноте. За шумом прибора ничего не было слышно, потом на уступе появилось два темных силуэта. Коста толкнул Маноло плечом и быстро пополз вперед за скалу. Видно было, как вновь прибывший протянул Никасу мешок, потом оба оживленно заспорили, затем стихли — видно, пришли к согласию. Никас что-то протянул посыльному, тот кивнул и исчез за камнями. Никас радостно запрыгал вверх — и опешил, когда тяжелая рука Маноло опустилась на его плечо.

— Не боишься гулять в такую погоду? Не ровен час, поскользнешься...

— Капитан Маноло, я...

Никас попытался дернуться, но почувствовал острие ножа возле своей сонной артерии и замер.

— Что ты тут делал, змееныш? Шпионил в пользу турок? — Маноло для пущей остратки встряхнул его за шиворот.

— Я не...

— А вот и второй заговорщик! — Коста пинком выкинул на тропинку связанного пленного, для верности заткнув ему в рот кусок пакли. Несчастный мычал и хрипел, захлебываясь слюной.

— Мы поведем их в штаб? Этого тащить придется, я его слегка придушил, ходить не может, а идти далеко...

— Далеко. Может, прямо тут прикончим? Каллертис не будет слишком гневаться.

— У него с предателями разговор короткий.

— Ну почему же, иногда бывает и длинный разговор... Может, все-таки — в штаб? Доставим командиру удовольствие?

Лицо Никаса исказилось — он много общался с отцами-командирами и воочию мог убедиться в их человеколюбии. Но ничего сказать не мог, поскольку нож все еще находился рядом с горлом.

— Не тащить же двоих, право слово, мы с тобой так плотно поужинали...

— Может, одного тут прикончим, другой сразу станет разговорчивей, его можно и в штаб отвести?

— Жребий бросим?

— Нет, возьмем того, что легче...

Связанный пленник с кляпом во рту в ужасе замычал — Никас был явно легче и мельче. Друзья переглянулись, Маноло убрал нож и встряхнул Никаса еще раз:

— Что в мешке? Лучше скажи правду!

— Это не то, что вы подумали!

— А что?

— Так, ерунда, просто письма от родных...

— Письма? Сейчас проверим...

Коста сделал вид, что сейчас вытряхнет содержимое мешка над обрывом.

— Нет! — заорал Никас, вырываясь из последних сил. — Не делайте этого, прошу вас!

— Почему?

— Это опиум... — выдохнул он. — Я не могу без него. Вы меня убьете...

— Так-так, — Коста вытащил из мешка коричневую пластину, облепленную чем-то, поковырял пальцем, — похоже, правду говорит.

Тут и второй пленный замычал, замотал головой, пытаясь подползти ближе.

— Что с вами делать? — Маноло задумчиво ковырял ножом кусок дерева, закинутый волнами на обрыв. — Я капитан, лицо официальное, мне доверена круглосуточная охрана крепости с моря, и я не могу не доложить о вас руководству. А любые тайные сношения с жителями Крита у нас в крепости приравняются к шпионской деятельности, за них одно наказание — смерть.

— Я, правда, всего лишь заместитель Маноло, но в штабе крепости на меня возложена ответственность за безопасность ночных разведчиков. Я тем более обязан о вас доложить...

— Я лицо неофициальное. И я ничего никому не обязана докладывать!

Тина всегда любила эффектные появления. И сейчас она возникла ниоткуда — из внезапно брызнувшего сквозь тучи лунного света. За спиной маячила неотвязная тень: Омори повсюду сопровождал внучку адмирала. Никас пополз к ней:

— Тина, ради всего святого! Скажи им, что мне можно верить! Мы столько с тобой говорили! Ты знаешь, что я не предатель.

— Не уверена, Никас, это зависит от того, где ты берешь свое зелье и чем платишь за него. Если своими деньгами — одно дело, а если сведениями о нашем флоте, о нашей обороне — это

другое дело. Ты ведь знаешь, для меня независимость Греции священна! — сурово отвечала Тина, переступая через лежащего пленника. — И кто этот человек? Турецкий шпион или просто мелкий бандит с побережья? Откуда нам знать?

— Я все объясню, — взмолился Никас, — позвольте мне только... — он кивнул в сторону мешка. — Я ждал его. Я больше не могу... иначе я просто умру!

Друзья переглянулись, Тина протянула Никасу мешок:

— Возьми. Идем, расскажешь правду. И не пытайся удрать!

Они ждали долго. Прошел не один час, пока Никас наконец выбрался из темного закутка в подвале дома Тины. Его глаза заблестели, щеки покрылись пятнистым румянцем.

— Смотри, Коста, когда ты по утрам жадно хватаешься за первую бутылку, то выглядишь примерно так же... — прошептала Тина. Коста перекосялся и отпрыгнул в угол. Тина поморщилась, Маноло заметил — и не в первый раз — легкую брезгливость в этой гримасе. И поймал себя на печальной мысли: ему было очень жаль Косту, но какая-то часть его души была рада тому, что Тина все больше отдаляется от своего возлюбленного. «Ты думаешь, что место в ее постели скоро освободится?» — спросил он сам себя, разозлился еще больше, схватил Никаса и начал его трясти:

— Мы достаточно ждали, пока ты придешь в себя. Рассказывай!

— Маноло, не горячись! — воскликнула удивленная Тина. Вгляделась пристально в его лицо: — Что с тобой? Ты голоден? Сказал бы сразу...

— Нет! — свирепо заорал Маноло, швыряя Никаса обратно в угол. — Я не голоден! Я торчу здесь черт знает зачем, а дома меня ждет жена, между прочим. И дети. В отличие от вас, я иногда вспоминаю о том, что у меня есть дети.

Тина прикусила губу, выпрямила спину:

— Да, ты образцовый отец семейства. Кстати о детях... у меня тоже есть один долг перед семьей... — она медленно повернулась к Никасу, подошла вплотную и прошипела ему в лицо: — Ты не забыл о своем обещании найти убийц моего мужа?

И она неожиданно нанесла короткий удар, которого никто даже различить не успел — только свистнул рукав платья. Пальцы, сжатые в щепотку наподобие птичьего клюва, замерли перед самым правым глазом Никаса.

— Я помню, что обещал тебе, — слотнув слюну, так же тихо отвечал Никас, не шевелясь и косясь на занесенную руку. — Я теперь знаю, где они. Можно найти любого человека и выманить его куда угодно — были бы деньги.

— Спасибо, Никас! Не подскажешь ли еще, где взять эти самые деньги? На Грамвусе скоро не будет даже еды...

— Теперь у нас есть возможность получать много денег, очень много. Всех накормить, вооружить по-человечески... — он оглядывался, глаза блестели как у лихорадочного. — Выслушайте меня! Это будет стабильный доход...

— Хорошо звучит, — процедил сквозь зубы Коста, — стабильный доход — это как раз то, что необходимо жителям крепости на крохотном островке посреди трех морей. Ты имеешь в виду облигации швейцарского банка? Или британские казначейские билеты? Тина, почему ты не дала нам сбросить его со скалы прямо там?

— Кстати о британской короне, — торопливо забормотал Никас. — Британская империя готовится к будущей торговой войне с Китаем... это будет опиумная война...

— Где Китай и где Грамвуса!

— Человек, который сегодня привез мне посылку, полгода назад устроился работать в отделение одной американской фирмы «Филдс и партнеры». А раньше он работал у самого Жирара! — Никас обвел взглядом недоумевающих слушателей, приободрился

и продолжал тоном школьного учителя: — Жирар — миллиардер. В Штатах он получил прозвище «Одинокий Мидас». На чем было основано его состояние? Он скупал в Турции опиум по 3 доллара за фунт и продавал его на кантонском рынке по 7-10 долларов. Прибыль от 150 до 200%! Но, как известно, монополию на ввоз опиума в Китай держит Британская Ост-Индская торговая компания. Бенгальский опиум — их главный товар!

— Опиум? Вот дела... Погоди, Никас, а как же чай, пряности? — опешил Маноло. — А знаменитые чайные клиперы Ост-Индской компании — краса и гордость британского флота, предмет зависти любого судовладельца?

— Ну да! — торжествующе воскликнул Никас, — ничего, кроме чая? Сказки для любителей романтики и поэзии! Что говорили римляне? Ищите, *qui prodest!* Величие и благополучие Ост-Индской компании основано на поставках бенгальского опиума! И конечно, Ост-Индской компании не нравилась конкуренция со стороны Жирара и других американцев! Сначала британские торговцы пытались опорочить конкурентов, распуская слухи о том, что турецкий опиум заведомо хуже бенгальского. Потом не на шутку забеспокоились, под их влиянием в 1808 году был принят Акт об эмбарго на поставки опиума в Китай. Но эмбарго стало невыгодно самой Ост-Индской компании, приходилось изобретать сложные схемы поставок, поэтому эмбарго было вскоре отменено. И Британия снова смогла беспрепятственно ввозить в Китай бенгальский опиум! А американцы закупают турецкий! В Османской империи начали создаваться американские торговые дома, самый крупный находится в Смирне. Мой товарищ, который работает в фирме «Филдс и партнеры», рассказывал, что еще в 1810 году два американских корабля вывозили из Смирны огромные партии опиума! Сейчас американцы подписали секретный договор с турецким султаном об увеличении американского военного присутствия в акватории для защиты своих торговых интересов. Революция уже

грохочет над Грецией не один год, а они все думают, как бы не прогореть с торговлей турецким опиумом! Их Конгресс только начал обсуждать вопрос о признании Греческой республики!

— Никас, оставь революционную риторику для митингов.

— Да-да... Простите меня... Я хочу сказать, что мой товарищ ненавидит американцев именно за их двуличность и готов нам помочь. Он знает всех поставщиков опиума в Смирне. Скоро на судне, зафрахтованном фирмой «Филдс и партнеры», повезут крупную партию. Мы догоним их и заберем груз.

— Если это американская фирма, получится, что мы нападём на их корабль.

— Нет! В этом-то вся интрига! Корабль турецкий, фирма «Филдс и партнеры» просто фрахтует его для перевозки своего груза. Мы забираем груз с турецкого судна! И дальше я сам буду вести переговоры о поставках с американцами. Если уж Америке нужен турецкий опиум — пусть торгуется со мной... с нами, — поправился он тут же. — Это живые деньги! И очень большие! И это правда! Мой товарищ никогда не подводит! Ему можно верить!

— Мне это не нравится, — сказал Маноло, — не могу сразу объяснить, почему, но дело дурно пахнет и не может кончиться хорошо.

— Зато у нас появятся деньги и возможности, которых не было, — задумчиво протянул Коста, — в конце концов, если эти деньги пойдут на борьбу за независимость Греции, не все ли тебе равно, откуда они взялись? И позволь тебе напомнить: когда ты захватывал корабль, ты не спрашивал капитана, честным ли путем нажито было то, что лежит в трюме! А за опиум мы получим в десятки раз больше!

— В сотни, в тысячи раз больше... — прошептал Никас.

— Он прав, — подытожила Тина, — мы не можем упустить такой шанс. И плевать, чей это опиум и куда его везут. Мы с Ником завтра утром пойдем к руководителям республики и получим

от них одобрение, а пленный пока пусть посидит у меня в подвале, за ним присмотрит Омори. Спасибо вам обоим, — и она поклонилась друзьям коротким поклоном на японский лад, как бы давая понять, что на сегодня все дела закончены. Коста озадаченно глянул на Маноло — и оба вышли.

— По-моему, она тебя выставила, — добродушно сказал Маноло.

— И я не понял, за что...

— Женщины...

Наутро Каллертис и Антонидис издали приказ о захвате груза опиума. Однако Никас убедил Маноло, что просто так нападать на борт, груженный столь дорогим товаром, бессмысленно. Американцы были не дураки и охрану дали свою: наемников из бывших военных, участвовавших в колониальных походах. В команде Маноло тоже присутствовали опытные головорезы, но шансы при захвате судна были в лучшем случае пятьдесят на пятьдесят. А атаковать всем немногочисленным пиратским флотом Маноло не мог: случись что — Грамвуса останется без защиты.

— Нужна хитрость, — объяснял Никас. — Кто-то должен проникнуть на борт! Кто-то, кого нельзя заподозрить ни в чем... Кто-то, вызывающий доверие...

Он пристально посмотрел на Тину. Та сдвинула брови, потом кивнула.

— Тина, что означает твоя загадочная улыбка?

— В отличие от вас, чьи рожи теперь известны последнему агенту Порты, меня в лицо никто не знает. А для пущей убедительности я превращусь в старуху... в пожилую даму. Из французской провинции. Моя гувернантка утверждала, что я говорю по-французски как бретонка: слишком грубое «р». Значит, я буду мадам... допустим, де Брюсси из Бретани. Почтенная вдова... это соответствует истине хотя бы наполовину. — Тина мрачно ухмыльнулась. — Омори

будет меня сопровождать, я скажу, что мой покойный муж привез его из дальних поездок. А Никас будет моим секретарем и поверенным в делах. Я попытаюсь убедить их взять нас на борт, потому что у меня возникли неотложные дела, связанные с наследством покойного мужа. И уговорю во что бы то ни стало посадить меня неподалеку. Вы с Костой рассчитаете по карте, где именно. Детали обсудим потом. Сейчас я пойду к Лари, и мы вместе поищем что-нибудь подходящее для костюма пожилой французской вдовы.

— Почему именно французской? Ты свободно говоришь и по-английски, и по-испански...

Тина смерила друзей высокомерным взглядом:

— Потому что любая француженка, даже очень почтенного возраста, всегда одета модно и слегка необычно. Или ты предлагаешь мне носить эти убогие английские платья?

— Да, друг мой, — со вздохом произнес Коста, глядя ей вслед, — похоже, что в будущем шпионаж станет женским ремеслом.

ГЛАВА 3

Седая сухопарая дама в невообразимой шляпке поднялась по трапу на борт «Ясмин». Вахтенный, драивший палубу, хотел было остановить ее, но оторопело замер, встретив немигающий взгляд слуги — смуглого азиата в темном облачении и с повязкой на пол-лица. За поясом у азиата торчал меч — небольшой, но явно бывавший в деле, если судить по ножнам.

— Пардон... — пробормотал следовавший за ними женоподобный щеголь с тросточкой и саквояжем под мышкой, — мадам де Брюсси желает поговорить с капитаном. — Подержи пока... — и он сунул вахтенному в руки саквояж, оказавшийся достаточно тяжелым.

А дама оглядела палубу, брезгливо ткнула носком в разводы грязной воды и пробормотала что-то на непонятном языке. Вах-

тенный окончательно обалдел от наглой старухи, которая мало того что без спросу вломилась на мусульманский борт в обуви, так еще и тычет ногой в недомытую палубу. Но вытолкать ее взащей не позволяло уважение к почтенному возрасту гостыи и меч слуги. Вахтенный развел руками, выдавил из себя подобие универсального «здрасьте» и стал озираться в поисках подмоги. Тем временем гостыя понюхала воздух, опять что-то пробормотала...

Навстречу вышел хмурый небритый мужчина, на ходу накидывая сюртук.

— Мадам желает побеседовать с капитаном, — заявил щеголь.

— Никто без моего разрешения не имеет права подниматься на борт, — сурово отвечал хмурый мужчина, — не говоря о том, что дамам вообще не пристало тут находиться. — Он достаточно бегло говорил по-французски, но с гортанным грубым акцентом. — Снимите обувь!

— Разве это турецкий корабль?

— Шлюп зафрахтован американской компанией, но носит турецкое имя «Ясмин», экипаж состоит из мусульман. Ваше появление на борту для них недопустимо!

— Анри, мы теряем время, изложите скорей мою просьбу капитану... — наконец произнесла дама тоном, не терпящим возражений. — Как должен обращаться к вам мой секретарь?

— Капитан ван Хальстен, мадам, — озадаченно отвечал моряк, — но...

— Мадам де Брюсси прибыла в Грецию по неотложному делу, связанному с наследством покойного супруга. Обстоятельства вынудили ее задержаться в пути, обстановка на полуострове оказалась неблагоприятной для путешествий, и теперь мадам нужно как можно скорее попасть на Крит.

— Здесь царит возмутительная неразбериха! — добавила мадам, — какой ужас эти революции! Мой покойный муж всегда говорил, что мир катится в пропасть, а мы, французы, первыми

скатываемся с обрыва. Вероятно, вся Европа вслед за нами летит в бездну.

Капитан покачал головой:

— Целиком согласен с вами. Но, к сожалению, условия фрахта не позволяют нам отклонений от маршрута.

— Разве речь идет о серьезных отклонениях? День-два ходу!

— Простите, мадам, это невозможно.

Мадам опять пробормотала что-то, капитан прислушался — и слух не обманул его: мадам выругалась по-португальски, да так смачно, что даже ему стало неловко.

— Мой муж много путешествовал и для забавы научил меня разным выражениям, — пояснила мадам. — Что ж, мне очень жаль, капитан. Анри, заберите наш саквояж, капитан не желает облегчить его хотя бы на треть...

И щеголь взял обратно из рук вахтенного свой увесистый дорожный сундучок, слегка согнувшись под его весом.

— Это весь ваш багаж, миледи? — заинтересовался капитан.

— Лишь часть багажа, которая представляет наибольшую ценность, — пожалала плечами мадам, — приходится таскать с собой. Попутного ветра, капитан! — и она сделала пару шагов по трапу, опираясь на руку азиата.

— Мадам, мы готовы сделать для вас исключение, — решил капитан, не сводивший глаз с сундучка, — если вы сможете заплатить за два дня пути. И я готов не отмечать незначительные изменения маршрута в судовом журнале!

— Анри выдаст нужную сумму. Покажите скорей мою каюту.

Не дожидаясь согласия капитана, мадам вопросительно взглянула на него:

— Нам туда?

— Только прошу вас, снимите обувь...

— Варварские обычаи... Анри, помоги мне! — мадам проворно сунула ногу в лицо щеголю. А капитан покорно пошел вперед,

неся свечу и озадаченно размышляя, как это вообще могло с ним произойти.

По пути он пробурчал что-то вахтенному, тот кликнул двух крепких парней, которые мигом встали слева и справа от гостей. Сухопарый азиат окинул их свирепым взглядом, подтянул повыше повязку на лице и что-то тихо сказал своей хозяйке. Один из охранников придвинулся ближе и попытался взять его меч, но согнулся от боли в запястье. Второй схватился за нож, капитан предупреждая поднял руку:

— Ваш слуга... Надеюсь, он не станет пускать в ход свой меч?

— Мой покойный муж привез его из своих странствий. Эти дикари не расстаются с оружием, но я никогда не видела, чтобы он им пользовался.

— Пожалуй, я помещу его под замок на то время, пока вы будете находиться на борту.

— Как угодно! — пожала плечами мадам. — Мой муж, умирая, велел ему сопровождать меня повсюду, я и сама устала от этого дикаря. Говорить толком не научился... Можете его не кормить. Мне все равно.

И она повернулась к слуге:

— Ты мне сейчас не нужен. Иди с ними! Будешь спать и есть там, в трюме!

Азиат поджал узкие губы. Усмехнулся, поглядел на своих конвоиров и пошел за ними. Щеголь вприпрыжку двинулся вслед за госпожой и за капитаном.

— Анри, отдай капитану ван Хальстену пока вот это... — мадам вытащила из бесчисленных юбок небольшой вышитый кошелек, — здесь золотые луидоры, они становятся только дороже с каждой революцией и сменой власти. И скажи ему, что это задаток...

— Благодарю вас, я понял, — быстро отвечал ван Хальстен, взвешивая кошелек на ладони.

В каюте Тина наконец скинула шляпу и пробурчала Никасу:
— Слава богу, тебе не пришлось объясняться с капитаном наедине. Но свою небольшую роль на французском языке ты сыграл отлично.

Никас приосанился:

— Я всю дорогу повторял текст.

— Молчи! Больше ни слова по-гречески! Капитан наверняка пошлет кого-нибудь подслушивать под дверь. Лучше, если ты будешь продолжать повторять эти фразы на французском языке на разные лады при малейшем шорохе. А теперь отвернись, я буду переодеваться.

Никас продолжал смотреть на нее странным взглядом.

— Что? Ах да...

И она швырнула ему маленький сверток.

— Только соблюдай меру. Если тебя заподозрят в употреблении опиума — нам конец. Не выходи из каюты совсем. Я скажу, что у тебя морская болезнь.

— Не бойся, Тина, никто ни о чем не догадается.

— Я не боюсь за себя. Мне все равно. Но Маноло с Костой будут ждать нас, не хочется их подвести. Я их в это втравила, я должна сделать все, как договорились.

— Опять Маноло с Костой... два необразованных моряка. Как ты можешь считать их друзьями?

— Моих сыновей зовут Манолис и Костас. Как думаешь, совпадение? Эти двое мне как братья. После смерти мужа у меня не осталось людей ближе и дороже. Если что-то пойдет не так, Омори со своим мечом найдет тебя повсюду. Запомни это! И помни также, что они могли бы просто скинуть тебя с обрыва той ночью. А теперь отворачивайся...

Никас усмехнулся:

— Тина, меня меньше всего интересует твое тело. Мы с тобой близки духовно... у нас общие идеалы...

Тина пожала плечами:

— Тогда смотри.

И потянула за один из шнурков старомодного корсета. Обернулась, полураздетая:

— Имей в виду: когда шлюп будет захвачен, ты лично ответишь за то, чтобы монеты вернулись ко мне. Это часть дедовского приданого. Один бог знает, откуда к нему попали луидоры, я хотела бы их однажды передать сыновьям.

— Когда корабль будет захвачен? А ты уверена в своих друзьях? Они справятся? Ведь у Маноло было всего два боевых выхода в море, и то без стрельбы. Ты сама говорила: он капитан, а не убийца. Что он возил до революции? Мелкую контрабанду и фрукты-овощи? А тут полно пушек, я сам видел!

— Шестнадцать 12-фунтовых пушек. Меньше, чем на «Ламбросе». Этот шлюп не годится для серьезного боя, скорее для разведки и торговли. Маноло — очень хороший капитан... — пробормотала Тина. — И в трюме ждет Омори со своим мечом.

— Но одного Омори может оказаться недостаточно. На корабле турок почти нет, зато полно наемников, все жилистые, крепкие. Они привыкли убивать...

— Да, Никас, они определенно в твоём вкусе, — Тина швырнула в него нижней юбкой. Никас возмущенно отбросил шуршащие кружева:

— Тина, я просил тебя не обсуждать эту тему! Я тебе доверился, имей деликатность не напоминать о моей тайне...

— Да брось, Никас, мне все равно. Дед говорил: люди разные и любят они разное. Никогда не суди другого человека за то, что ему нравится другое. А вот если он перешел тебе дорогу или поступил подло на твоих глазах...

— ...то что?

— ...убей его сразу. Без объяснений. Ведь он вряд ли с ними согласится. Потому что он не такой, как ты.

— Вижу американский флаг! — крикнул с мачты молоденький юнга.

Маноло озадаченно смотрел в подзорную трубу на черный силуэт, еще плохо различимый среди волн.

— Ты уверен?

— Да, капитан. Идут правым галсом.

— Что нам делать? — спросил Коста. — Если атаковать, то это надо решать сейчас, они идут к берегу... Но это не турецкий борт! Если это не они, то где тогда Тина?

Маноло и сам понимал, что скоро незнакомый шлюп приблизится к берегу на безопасное расстояние, шпарить за ним среди бела дня перед носом у береговой охраны турок будет полным безумием. Его судно шло левым галсом и по правилам мореплавания должно было уступить дорогу судну, идущему правым галсом, во избежания столкновения. До опасного сближения оставалось несколько минут.

— Атакуем! У нас нет выбора. Мы не можем вернуться на Грамвусу без добычи. А Тина выкрутится, где бы она ни была. Если она еще жива, конечно...

— Ты зря это сказал... — Коста хрустнул пальцами, вцепляясь в поручень. — Командуй, я пойду на абордаж первым.

Оставалось меньше полукабельтова до сближения, Маноло уже отчетливо видел турецкую надпись «Ясмин» на борту парусника. Это обнадеживало, но чужой флаг все равно вызывал недоумение. Команда «Ясмин» заметила предполагаемого неприятеля и резво забегала по палубе. Маноло достал подзорную трубу и понял, насколько был прав Никас: псевдотурки двигались слаженно и явно были не обычными моряками, а привыкшими к боевым действиям наемниками. Дистанция стремительно сокращалась. Канонир «Ясмин» отдавал подручным приказания...

— Маноло, выкручивайся, как хочешь, но без стрельбы! — крикнул ему снизу Коста, — Вдруг там Тина? Только абордаж! Наша шебека быстрее и весит больше!

— Конечно, в случае абордажа ей решительно ничто не угрожает... — отвечал Маноло, маневрируя, насколько это позволял усиливающийся ветер. — Снесет в сторону — никакого абордажа не выйдет, получим пробоину с первого же залпа!

Раздался залп — это стреляла «Ясмин». Одно из ядер разорвало парус на гроте. Неприятель был слишком близко. Следующий залп снесет им полкорпуса. А на ответный залп у них не было времени. Ему надо сократить дистанцию так, чтобы стрельба потеряла смысл, и при этом не разнести свою шебеку в щепки при столкновении... Он послал судно в предельно крутой бейдевинд, тем самым увеличивая дрейф и уменьшая скорость. Благодаря опережающему маневру Маноло судно лишь резко накренилось, тормозя и разворачиваясь.

Капитан «Ясмин» наконец понял свою ошибку: он промедлил со следующим залпом, а теперь наступила очередь канонира «Ламброса». Но Маноло не собирался стрелять, а продолжал маневрировать на сближение, его колотила веселая ледяная дрожь, сердце билось с бешеной скоростью, он готов был первым перелететь на палубу противника, но никому не мог доверить штурвал, кроме Косты... а Коста уже вспрыгнул на фальшборт с пистолетом в руке и ножом за поясом.

— Вперед! За Тину! — крикнул он. Два борта едва соприкоснулись, немногочисленная и буйная команда «Ламброса Кацониса» бросилась на штурм «Ясмин».

Маноло стоял за штурвалом, удерживая судно, и мог только вслушиваться в вопли и ругань дерущихся на палубе моряков. Собственно, орали любители — его бойцы, а профессионалы — наемники с «Ясмин» — дрались молча. В первый и последний раз в жизни Маноло пожалел о том, что он капитан. Потому что внутри была Тина, и он до сих пор не слышал ее голоса. Наконец

выстрелы и крики стали стихать, на палубе «Ясмин» появился Коста.

— Ну что? — крикнул Маноло. — Она жива?

Коста кивнул, показывая рукой за спину, где маячил странный силуэт. Маноло увидел женщину с растрепанными седыми волосами, потом рядом возникла быстрая тень — и он узнал Омори. Японец увидел Маноло, коротко кивнул ему и вложил меч в ножны. Бойцы из команды Маноло на руках перенесли Тину на родную палубу. Она сдернула парик и кинулась Маноло на шею.

— Господи, Тина... — растерянно сказал он, целуя ее в измазанное мокрое лицо, — ну почему... почему ты вся такая грязная?

— Это не грязь. Это грим. Какой же ты дурак, мой капитан... — она шмыгнула носом, целуя его в ответ, потом вздрогнула и обернулась: — Где Коста? Он жив?

— Да, сейчас вернется.

— Иди в трюм, посмотри, сколько там зелья. Никас сказал — это целая куча денег! Мы вернемся с победой, слышишь, Маноло?

— Коста! Где ты? Мне надо кого-то оставить вместо себя!

Коста спрыгнул на палубу. Маноло схватил его за плечи, оглядел — вроде цел, потом посмотрел в глаза — и отшатнулся.

— Ты чего?

— Ничего. Я подменю тебя. Иди осматривать добычу, — хрипло ответил Коста, мельком взглянув на Тину. Маноло покачал головой и решил оставить их вдвоем. Он приказал пленных не трогать, запереть внизу и перевязать раненых. Потом к нему приволокли капитана. Ван Хальстен держался надменно, был ранен, но легко, Маноло предложил ему перевязку, тот гордо отказался:

— Да вы сошли с ума! Это царापина! Кто вы такой, черт возьми, чтобы нападать на судно, идущее под американским флагом? И кто такой этот ваш... — он сощурился и прочел надпись на спасательной шляпке: — «Ламброс...»

— Ламброс Кацонис. Адмирал. Мой дед, — улыбаясь во весь рот, сказала Тина, являясь перед ними в своем первоизданном обличье.

Ван Хальстен опешил.

— А вы?

— Уже не мадам де Брюсси... — улыбнулась Тина. — Позвольте все же вас перевязать?

Голландец потерял дар речи, потом пришел в себя и согласился.

— Должен вам заметить, мадам, что вы сошли с ума, — вполголоса говорил он Тине, пока та накладывала повязку, — вы даже не представляете, на кого напали и чьи интересы затронули.

— Мы отлично представляем, какой груз у вас в трюме, — прервала его Тина, — и будет лучше, если вы согласитесь сами рассказать, где и когда этот груз должен быть передан вашим партнерам.

— Я не могу этого сказать! Я дал слово!

— Знаете, капитан, мы ведь тоже дали клятву бороться за независимость своей республики. А вот вы за что сражаетесь? Ваше слово стоит вашей жизни? — Тина наклонилась к нему совсем близко, некоторое время они шептались, ван Хальстен вздрогнул и кивнул. Маноло с подозрением спросил по-гречески:

— О чем ты воркуешь с капитаном?

— Мы договорились о том, что лучше он все расскажет тебе добровольно, чем нашим руководителям на допросе. Я ему вкратце описала пару любимых пыток нашего Каллертиса... Но он не хочет сдаваться при всех, поэтому мы с тобой вдвоем зайдем к нему попозже, он все расскажет, а я переведу. Только Никасу не говори.

— Не будь с ним так любезна. А то Коста снесет ему голову...

— Не снесет, — отрезала Тина, — и вообще он на меня едва посмотрел. Как будто ему все равно, жива я или нет.

В суете он потерял Косту из виду и нашел лишь спустя несколько часов. Друг сидел, глядя в воображаемую точку на горизонте, и пил ром из горла, рядом валялась еще одна пустая бутылка.

— Коста! Ты что? Поговори со мной! — Маноло встряхнул его за плечи.

— Знаешь, когда стреляешь в упор в человека из пистолета, он вроде должен сразу умереть. Правда? Это мы так думаем. А ему разворачивает живот, оттуда вылезает что-то черное, он визжит как резаный, рядом кто-то кричит — «Добей его!» — Коста хлебнул еще, поперхнулся, закашлялся до слез, потом его вывернуло наизнанку. Маноло дождался, когда спазмы кончились. И спросил:

— Добил?

— Вот этим... — Коста протянул свой любимый нож с двуглавой рукоятью. — Тело человека так странно хрустит, когда в него входит металл. Тебе случалось в детстве протыкать мешок — обычный мешок из холста, в котором наши бабушки держали сушеные яблоки? Такой же хруст раздался. А он дернулся и перестал дышать. Не сразу... Потом еще у него ноги дернулись. И что-то потекло из штанов... Подумай: душа уже отправляется на суд, а моча при этом еще льется. Как такое может быть? И где была моя душа в тот момент, когда я добивал его? Мне кажется, моя душа в этот момент отсутствовала. Может, у меня ее больше нет?

И Коста снова отпил большой глоток.

— Твоя душа сострадала ему, поэтому ты его добил, — сказал Маноло, слабо веря в то, что говорит. — И стрелял ты в него потому, что любишь Тину и хотел ее спасти. И мы все воюем, потому что любим свою родину...

— Ты сам себя слышишь? — Коста смотрел на него в упор льдыстыми зелеными глазами, и от самого его взгляда становилось холодно. — Мы воюем, потому что мы пираты и у нас больше нет другого ремесла. Помнишь, я однажды сказал Тине в Афинах: «Я моряк, а не убийца...» Теперь я из моряка превратился

в убийцу. А ты снова вышел сухим из воды. Ты всего лишь стоял за штурвалом...

— Я капитан...

— ...и благодари бога за это, — совсем трезво добавил друг, — и оставайся за штурвалом как можно дольше.

— Маноло! Тебя ждет Никас...

— Иди, — еще более будничным тоном сказал Коста. — Я в порядке. Только я должен умыться и сменить одежду. Видишь мой рукав? Кровь, когда засыхает, так странно пахнет...

После возвращения из победного рейда их встречали как героев. Правда, руководители республики пока не очень понимали ценность содержимого трюма «Ясмин». Никас называл им безумные суммы будущей сделки, хотел один отправиться на переговоры с англичанами. Но безбашенные с виду отцы-командиры проявили здравый смысл и потребовали гарантий. Тина настояла на том, чтобы с Никасом отправили кого-то из друзей. Маноло с Тиной и Костой посоветовались и решили, что Никас отправится к американцам на голландском люггере, — том самом, который Коста обманом уволок из-под носа перепившейся команды и который с тех пор болтался без дела на якоре в бухте. Люггер еще не участвовал в боевых действиях и не был известен турецкому флоту. А для пущей натуральности решили взять с собой ван Хальстена — его при хорошем поведении можно будет потом отпустить на берег.

Тина просила Маноло сопровождать груз и присмотреть за Никасом, но он отказался — сослался на необходимость мелкого ремонта своего флагмана. Взятая на abordаж «Ясмин» теперь стала частью флотилии, ее надо было слегка подлатать. Неожиданно в эскадре оказался еще один боевой корабль с настоящими пушками. И у капитана пиратского флота было полно дел.

Маноло не хотелось иметь никакого отношения к опиуму. Вероятно, сыграло роль первое впечатление: когда он спустился

в трюм, то на мешках повсюду лежали трупы, аккуратно разрубленные одним мастерским ударом. Это, без сомнения, была рука Омори. Ему безразличны были наемники, которых телохранитель Тины отправил в мрачный Аид. Он сам оттаскивал тела на палубу; он сам, как капитан, читал короткую заупокойную молитву перед тем, как их сбрасывали в море, обернув в суровое полотно; он сам помогал команде перегружать мешки со следами крови. И ему всего этого хватило.

— Кто же повезет опиум вместе с Никасом? — спросила Тина после того, как полчаса уговоров ни к чему не привели. — Американцы наверняка уже узнали об исчезновении своего товара. Могут и ван Хальстену не поверить. Это опасно, между прочим.

— Коста, конечно. Он любит, когда опасно.

— Он стал такой странный... Совсем не говорит со мной. Избегает.

— Не обращай внимания. Пройдет. Война есть война.

А что мог еще сказать Маноло? Он не знал ни как помочь другу, ни как бы сам себя чувствовал на его месте. Лучше пусть делом займется — авось меньше будет жрать себя поедом.

— Да, ты прав, теперь это война. Наша война. Нас никто не заставлял, мы сами это выбрали...

— Тина! Брось все это! Возвращайся домой! Никас исхитрится и переправит тебя на материк, опять переоденешься в мадам. Тебя дети ждут! Они забыли, как ты выглядишь!

Тина выглядела в этот момент чрезвычайно привлекательно. Она стояла между двух зубцов крепостной стены, точеную фигуру подсвечивали темно-красные узкие закатные лучи, а за спиной прыгала на волнах оранжево-зеленая пена: три моря с грохотом смешивались воедино у подножья скалы. На вершине крепости всегда было ветрено, а к ночи ветер стал особенно пронзительным. И во всем этом крылась неземная дикая сила, словно древние боги Эллады сошлись на маленькой скале посреди трех морей, и требо-

вали жертву — ту самую прекрасную дочь царя, которую в древности приковывали к скале цепями, чтобы она не могла избежать своей участи.

— Что за цепи держат тебя на Грамвусе, Тина? — пробормотал он вслух. И испугался, что она услышит. Но Тина стояла спиной к нему, глядя на исчезающий солнечный диск, глотая холодный ветер, не слыша ничего. Маноло так захотелось ее обнять, что даже пот прошиб. Но подойти он не мог. Замер, как истукан, и простоял бы так еще целую вечность. Тина сама повернулась, почувствовав взгляд, закусил губу, медленно подошла почти вплотную, провела пальцем по его щеке:

— Слишком много всего, капитан... Слишком сложно...

Дернула плечом, как раненая чайка, оперлась на его руку и пошла вниз по крутой венецианской лестнице.

ГЛАВА 4

Коста привел голландский люггер обратно через две недели. Первым на берег сошел Никас — в новой одежде, возбужденный, сияющий, как рыночный пятак. За ним по трапу спускались нагруженные матросы.

— Оружие, вино и немного удачи — что еще нужно борцам за свободу? — театрально обратился он к вышедшим навстречу отцам-командирам. Каллертис обнял его и смачно поцеловал, а Антонидис потряс кулаками и полез наверх, к собравшимся на площади зевакам.

— Пока там будут говорить речи, ты присмотри за разгрузкой, — попросил Коста, — а я пойду. Двое суток без сна, да еще в небольшой шторм попали на обратном пути.

Маноло хлопнул друга по плечу, тот махнул рукой Тине и убежал. Тина проводила его недоуменным взглядом.

— Я не понимаю...

— Тина, он устал.

Тина тоже развернулась и ушла — только край шелкового платья просвистел.

— Эти двое сведут меня с ума... — сказал Маноло в пространство. — Господи, скажи: так будет всегда?

— Капитан Маноло! Тут Димитрис подвернул ногу, не можете? Мы его не дотащим... — крикнул сверху один из пацанов, помогавших разгружать добычу.

Маноло развел руками:

— Я понял, господа: со мной всегда будет именно так...

Поправил повязку на лбу и полез вверх.

Два дня содержимое трюма пересчитывали и тщательно описывали, под контролем проверяющих закладывали в хранилища. Потом Маноло и Коста как капитаны получали оружие и порох для своих команд — тоже под расписку и тоже под бдительным контролем. Потом создали специальную комиссию, чтобы раздать запасы продовольствия. Раздавали на площади, прилюдно, по спискам, которые предусмотрительно составил отец Игнатий. Справедливость, равенство и братство — этими словами в разных вариациях Антонидис три часа утюжил мозги слушателям. Когда не осталось голодных и обиженных, был объявлен праздник. Прямо на брусчатой площади начались приготовления к пиршеству. Запахло дымком и жареным мясом, женщины резали сыр и несли свежее испеченные лепешки, кто-то пел, смеялись дети, мирный тихий закат засиял над тремя разноцветными морями, придавая им единый оранжево-золотистый тон.

— В детстве так пахло, — сказала Тина. — И бывало так же весело и спокойно.

Они втроем сидели на нагревшемся за день стволе старинной венецианской пушки, из которой уж пару веков никто не стрелял. Коста, по обыкновению, примостился на самом конце и свесил ноги над крепостной стеной.

— Как себя вел ван Хальстен?

— Хорошо. Я даже не ожидал. Правда, я пообещал ему свернуть шею, если откроет рот не вовремя. Но он только важно ходил и в нужное время кивал головой, а говорил Никас.

— А ты?

— Я тоже кивал головой и делал серьезное лицо. Я же по-английски ни бельмеса! Ты забыла, как пыталась меня учить? Помню две фразы: «Где я могу пополнить запасы воды и продовольствия?» и «Не подскажите ли, где тут найти приличный бордель?»

— То есть они могли за твоей спиной сказать все что угодно?

— Ну да...

— Тебя бы тут же повесили, а груз забрали?

— Ну да...

— Отличный у вас был план! — взревел Маноло. — А ты же говорила, что все продумано до мелочей?

— Мы учли все мелочи, — улыбнулась Тина, — наш общий друг необыкновенно артистичен. Скажи, Коста, бордель оказался неплох?

— Так себе... я отвел туда ван Хальстена и оставил, пьяного до бесчувствия. Он ведь тоже боялся, что американцы его прирежут, когда увидят рядом незнакомую рожу. Пока он торговался с представителями фирмы «Филдс и партнеры», я присматривал себе пути к отступлению и прикидывал, сколько человек я успею положить, пока меня поймают. В это время люггер стоял на рейде. Американцы выставили на палубе свою охрану. Я приказал помощнику: «Если через двое суток нас не будет, — режьте охране глотки и уносите ноги». Потом Никас и ван Хальстен договорились с американцами. Они составили официальный договор о поставках фруктов и пряностей. Это заняло полдня. При подписании договора присутствовал представитель таможни, Никас ему сразу отгрузил мешок с образцами этих самых «пряностей». Таможенник быстро все понял и оформил бумаги в лучшем виде. Потом нас по-

везли в банк и оставили на ночь в каморке, мы сидели там и ждали, пока в банк свозили деньги. Маноло, я в жизни столько денег не видел! Не скрою, был большой соблазн... — Коста ухмыльнулся, — я пожалел, что люггер стоял так далеко. Но потом я сказал себе: на Грамвусе нас ждет Лари с тремя сыновьями, им нужна еда, а не резаная бумага с водяными знаками. Ночью деньги привезли, а утром их начали считать. И управились только к закату. По правде говоря, страшней всего было, когда мы с этим обозом денег — натурально, это был обоз, на одну подводу все мешки не помещались! — двинулись в порт. На шлюпках мешки перевозили на наш борт в полной темноте, и каждую секунду я ждал, что кто-нибудь всадит нож мне в загривок.

— Бедный малыш, ты, наверно, поднялся на борт в мокрых штанах?

— Наоборот... Тина, ты не поверишь, только спустя сутки я смог...

Коста махнул рукой, Тина обняла его:

— Все хорошо, что хорошо кончается. Видишь, Маноло, какой он смельчак! А Никас? Плохо представляю его в темноте на шлюпке, с мешком денег под мышкой...

— Тина, ты не можешь вообразить, как ему к лицу мешок денег! Он, конечно, втихаря принял дозу, я даже не заметил, когда. Но зато выглядел просто героем! Ни тени сомнения, взор горит, все помнит, всеми руководит... Я почти зауважал его.

— Мне бы тоже был к лицу мешок денег... — вздохнул Маноло.

— Брось, Маноло! В чем состоит главное чудо Грамвусы, друзья мои? Нам не нужны деньги! Кому их тут платить? Самим себе? Помнишь, Тина, мы с тобой пытались одолевать французских философов? Там что-то говорилось о будущем, в котором — никаких денег, а только сплошное счастье? Так вот оно! Грамвуса — наше будущее. Республика счастья. Деньги не нужны. Море,

---

солнце, ветер, паруса, вино, женщины, дети — настоящий рай. Не правда ли?

— Ты слишком красноречив, Коста. Может, ты голоден? Или ты вдруг стал поэтом?

— Нет, Тина, это он от пережитого страха...

— Пойдемте есть, пожалуйста! — вдруг жалобно попросил Коста. — Я очень давно ничего не ел. Я как на берег сошел, с тех пор только пью.

— Отцы-командиры скоро закончат говорить, Никасу уже наверняка вручили именной кинжал или что-нибудь столь же бесполезное, сейчас народ приступит к пиршеству. Все изголодались за последние полгода, угощение закончится быстро. Идемте ужинать ко мне!

— У тебя есть потайные запасы?

— У меня есть Никас, — засмеялась Тина, — а у Никаса были мои фамильные драгоценности, которые он под шумок заложил в банке. Четверть пошла ему, половину он отправил моим сыновьям и свекрови, а на четверть купил лично мне то, что я просила.

— Это же нечестно, Тина...

— Да. Зато я уверена, что и мы еще полгода ни в чем не будем нуждаться, даже если вся остальная крепость будет с голоду подыхать! В раю, конечно, не нужны деньги... — передразнила она Косту, — но в раю никого не убивают.

— Это потому что в рай попадают после смерти.

— Ты хочешь сказать, что мы все уже умерли?

— В каком-то смысле — да... — неожиданно серьезно ответил Коста. — Наша прошлая жизнь закончилась, можно считать, что мы умерли... Грамвуса — наш маленький рай!

— С твоим другом что-то не так, — покачала головой Тина, — ему срочно надо поесть. Идемте же! Маноло, сбегай за Лари и детьми. Что бы ни было — мы живы. И мы вместе...

— Я давно не видела Косту, — озабоченно сказала Лари, — он не заходит, ты ничего не рассказываешь.

— Ему некогда, Лари, он же теперь капитан. Назвал свой корабль «Гермесом».

— Сам придумал?

— Нет, Тина. Сказала, что Гермес был необыкновенно хитрым и удачливым — самым сметливым из всех олимпийцев. Гермес покровительствовал торговле, а люггер — торговое судно. У «Гермеса» всегда будут шансы выкрутиться из любой переделки.

— А кто будет капитаном «Ясмин»?

— Никас... Не смотри на меня так, не мы решали. «Ясмин» теперь называется «Елена».

— В честь Елены Прекрасной?

— Нет, в честь Святой Елены. Отец Игнатий сказал, что хотя бы один корабль в нашей эскадре должен носить православное имя. А то все языческие бредни... Правда, он сам, как выпьет, так норовит загундосить гексамером: «Гнев, о богиня, воспой...»

— Еще была такая пузатая и тупорылая турецкая посуда, которую вы взяли в первом походе. Ее как-нибудь назвали?

— Да.

— «Тата».

— Странное имя...

— Опять же отец Игнатий назвал.

— Почему?

— У него была подружка одна в порту, по прозвищу Тата, как он сказал, — такая же толстозадая и медлительная... Ну что ты смеешься? Отец Игнатий — человек жизнерадостный и поэтому охотно отпускает чужие грехи.

— Он удивил меня вчера. Ты слышал, что придумали эти безбашенные приятели Никаса? Выпилили статую богини, на манер

древних изваяний, назвали ее Девой Клефтидой — покровительницей клефтов, воров и разбойников. Теперь хотят построить храм в ее честь. Как бы себя повел любой другой батюшка? Объявил бы их нехристями, предал бы анафеме и велел бы немедленно покаяться или убираться прочь. Да еще толпу бы напустил на них. Так?

— Это самое малое из того, что могло бы с ними произойти, — покачал головой Маноло. — Если бы это случилось в Неаполе, где я рос, они бы ноги живыми не унесли. А что отец Игнатий?

— Прибежали к нему два оглашенных, закричали — мол, батюшка, ироды хотят молиться деревяшке! А отец Игнатий вздохнул и сказал: «Какой спрос с убогих и сирых, хотят молиться — пусть молятся. Лик Богородицы написать тут некому, богомазы все на суше остались. Выгесали статую — пусть будет статуя. Нашей республике нужны живые граждане, нашим капитанам нужны живые матросы, а их женам нужны живые мужья. Да пусть хоть полену кланяются, если им эта вера поможет в море. Построим церковь сами, а то молимся в старой венецианской часовенке, стыдоба! Заодно делом богоугодным займутся: если на строительстве храма все будут заняты, в крепости меньше пить станут. Отслужим молебен благодарственный. Господь не оставит никого в пути к истинной вере — ни моряка, ни вора! Всем открыт путь в царствие небесное. Почаще вспоминайте о том, кто с ним рядом на крестах висел!»

— Отец Игнатий воистину послан нам богом... — пробормотал Маноло, представляя в красках, что бы произошло, будь в крепости менее терпимый священник. — Ну, поцелуй меня, дорогая, я пошел!

— Храни тебя бог, — и Лари перекрестила его, привстав на цыпочки, как делала каждое утро на протяжении восьми лет... неужели так давно это было?

Он шел по брусчатке площади, оглядывая навязший в зубах нехитрый пейзаж: крепостная стена, резкая линия горизонта,

сплетенные в пенистом клубке разноцветные воды трех морей, вдали — Малая Грамвуса, каменистая, неприступная и безлюдная. За проливом — береговая линия скал с черным базальтовым основанием: след от землетрясения, много тысяч лет назад поднявшего Крит на несколько метров. По преданию, тогда и погибла мифическая Атлантида... «Что ты сделал для семьи? Ты построил им дом? Ты дал им уверенность в жизни? Все, что у них есть теперь, кроме твоей любви, — это неприступный венецианский форт посреди моря. Пока неприступный...» Теперь они сами — как жители Атлантиды: никто их не видел, только слышали об их существовании. И однажды такая же могучая сила сметет их мир с лица земли...

Дальнейших аналогий он испугался. Прошедшие полгода превратили Грамвусу в подлинный кошмар турецких кораблей. Они старались обходить западную часть Крита при любой возможности, потому что небольшая, но наглая флотилия Маноло держала контроль над всеми морскими путями в регионе, нападала неожиданно, действовала зачастую вопреки логике мореплавания, а команды дрались так яростно, что самые отчаянные морские воюки не хотели бы с ними встретиться. Командовать третьим кораблем — «Еленой» — руководители Грамвусы доверили Никасу. Маноло и Коста были, разумеется, против, и убеждали отцов-основателей в том, что сухопутный боевик не может быть капитаном. Но Антонидис сказал:

— Капитан Маноло, вы могли исполнять обязанности священника?

— По морским законам капитан исполняет их, если нет другого священника.

— Значит, и сухопутный боец за свободу Родины может стать капитаном, если нет других капитанов.

Коста собрался возражать, но Маноло наступил ему на ногу. Чем дальше, тем меньше отцы-командиры были склонны выслушивать чужие мнения. А Маноло и так приобрел слишком боль-

---

шой авторитет благодаря морским победам, на суше следовало быть осторожнее. Если их пиратская слава затмит славу руководителей — быть беде. Косте все равно: он один. А Маноло уходил в море, оставляя дома в заложниках семью. Поэтому два друга скрепя сердце согласились с назначением Никаса.

Никас набрал себе на борт самых хладнокровных и жестоких боевиков из числа клефтов, первыми захвативших Грамвусу. А чтобы на «Елене» был хоть один нормальный мореход, Маноло отдал ему своего первого помощника Григория — племянника отца Игнатия, умницу и толкового моряка, который вполне сам мог бы стать настоящим капитаном... если бы не война и не революция...

Кем бы могли стать все они, если бы не революция? Тина была бы богатой вдовой. Путешествовала бы по Европе, навещая сыновей в дорогих частных пансионах... Нет! Тина не была бы вдовой! Ее муж был бы жив, читал бы в Сорбонне лекции по своей обожаемой истории искусств. Их дети не росли бы сиротами, а гордились бы умнейшим отцом и красавицей-матерью. А Коста бы путешествовал, возил богатым коллекционерам статуи — так хорошо он поднаторел в Афинах в определении ценностей, найденных на развалинах эллинских святилищ.

А он сам? Море, ветер, лес мачт, запах водорослей и рыбы, крики чаек, суета больших портов, гордое звание капитана... Он с детства мечтал об этом. И все получил — море, паруса, свой корабль и капитанское звание. Только корабль оказался пиратским. Надо мечтать аккуратнее и желания формулировать тщательнее, потому что не всегда сбывшиеся мечты приносят счастье... Но ведь он и не просил о счастье! Он просил о море, парусах и корабле. Теперь ровно все, о чем он просил, умещалось в разноцветных водах Грамвусы.

— До чего же здесь красиво! — пыхтя, произнес за спиной отец Игнатий. — Вам, морякам, привычен этот вид, а я человек по природе сухопутный и до сих пор каждый раз восхищаюсь. Воис-

тину господь наш создавал Грецию, когда пребывал в особенно хорошем расположении духа.

— А когда он создавал Турцию — какое было у него расположение духа, батюшка? Ведь природа в Турции — и скалы, и сосны, и многое другое — очень напоминает нашу греческую природу. И люди устроены там точно так же: две руки, две ноги, да и между ног у них все то же самое...

— Маноло... — покачал головой батюшка. — Вечно вы провоцируете меня своими каверзными вопросами, негоже так обращаться с простым деревенским батюшкой. Это вы там, в Италии, нахватались всяких вредных знаний? Да и ереси, наверно, поднабрались? — он прищурился, кивнув на крест Маноло, прикрытый воротом рубашки. — Я тоже многое замечаю, да помалкиваю. И вы не докучайте мне и создателю своими подковырками. Зачем господь создал Турцию... Зачем? Да хотя бы затем, чтобы свет истинной веры стал более очевиден!

— Ибо нет истины без обмана, белого без черного и света без тьмы... — пробурчал Маноло. — Получается, что если есть Греция — должна быть и Турция, причем непременно где-то поблизости, чтобы их языческая вера непременно подчеркивала истинную сущность нашей веры. Так, что ли? А ежели бы не было чужой неправильной веры, как бы мы поняли, что наша вера — истинная?

— Ох, капитан, беда с вами. Вероятно, вы давно маетесь без дела, потому что окаянные турки обходят Грамвусу за тридевять земель... А от безделья всякая ересь непременно лезет в голову... и не только в вашу голову...

— Да неужто, батюшка, и вас порой гложет червь сомнения?

— Грешен я не меньше вашего, друг мой, и всем низменным страстям подвержен. И тоже, бывает, гляну вокруг — и тошнит меня от вашего моря, от одного взгляда на него! С детства, знаете, наизнанку выворачивало при самой наилегчайшей волне. Оттого и подался в семинарию, чтоб отец к себе на борт не забрал.

— А если бы не тошнило с детства? Глядишь, сейчас бы также рубились вместе с нами на одной палубе?

— Не знаю, не знаю.

— Да как же иначе? — подзуживал Маноло, — ведь за свободу и независимость родины грех не сражаться, ежели ты мужик?

— А убивать — вообще грех, так я вам скажу, — сурово отрезал батюшка. И тут же сконфузился: — Ну, я не в том смысле. За истинную веру, за свой дом и свою семью, опять же за родину свою — это святая обязанность.

— Ну и как у вас это все сочетается? Убивать грешно, но в некоторых случаях — не очень?

— Сложно все, капитан...

Где-то он уже это слышал. Причем недавно. Маноло даже затряс головой, чтобы заставить себя вспомнить.

— Кстати: вы бы уговорили вашего друга, чтобы пришел ко мне. Не на службу, а так, поговорить... — отец Игнатий снизу вверх посмотрел прямо в лицо Маноло: — Я ведь вижу, что мается. Даже не пьет. Лучше б пил. А то, не ровен час...

— Постараюсь поговорить, но не обещаю. Ладно, отец Игнатий, ничто так не радует, как умный собеседник, но ведь надо и делом заняться.

— Ступайте, бог в помощь, это я, старый дурень, отвлекаю вас от неотложных забот. Вы же главная надежда Грамвусы!

Маноло обернулся:

— Я? Господь с вами, отец Игнатий, я только по морской части...

— А что для нас нынче важнее моря? Отцы-командиры на суше совсем с ума посходили, — отец Игнатий понизил голос, — и этот ваш третий друг...

— Он не друг нам!

— Друг не друг, а капитаном его сделали. Ваша ответственность, уж простите. А теперь он не вылезает от руководства. И, зна-

ете, люди разное говорят, да и я пару раз видел... — батюшка нахмурился. — Вот и Коста там бывает, а это совсем ни к чему. Один капитан безбашенный — это полбеды, а вот если два — это катастрофа. Им, в отличие от вас, терять нечего... Ну полно, ступайте с богом, и мне пора в школу. Обещал нынче детишкам рассказать об истории Эллады. Темные ведь, господи! Что родители, что дети. Вся мировая культура на нашей почве выросла — а ничего не знают. Краем уха слышали — триста спартанцев, да и все. И не стыдно никому за темноту свою! Верьте мне, капитан, истинная беда — не в отсутствии веры, а в отсутствии знания. Не будем знать Гомера — глядишь, потом забудем, как огонь добывают, и в шкурах опять ходить начнем. Пойду, пока сорванцы не разбежались по крепости.

И батюшка запрыгал по щербатым камням — удивительно легко для столь тучного человека.

— Удачи вам, отец Игнатий, — пробормотал Маноло вслед. И представил себе, как хорошо было бы иметь в команде такого старшего помощника — спокойного, неунывающего... Да и рука у отца Игнатия была твердой. Сколько раз ему доводилось разнимать пьяные драки с поножовщиной, постоянно вспыхивавшие в крепости. И всегда обходилось без крови, от силы — парой затрещин. Один раз свидетелями такой сцены оказались они с Костой и Тиной. Драка завязалась внезапно, никто не успел и бровь поднять, как батюшка в считанные мгновения развел буйных собутельников по сторонам, отобрал ножи и двумя пинками выставил прочь. Тогда молчаливый Омори подошел к отцу Игнатию, поклонился ему, и едва заметная одобрительная улыбка промелькнула по неподвижному лицу.

— Дураки пьяные, — отмахнулся отец Игнатий, — что-то я запыхался, старый стал, в горле пересохло, позвольте-ка...

Омори молча поклонился ему еще раз и протянул кружку с вином. А потом что-то пробормотал Тине на ухо — явно не погречески, потому что она ответила ему тоже по-японски.

Сама Тина беспокоила Маноло, чем дальше, тем сильнее. После взятия неприступной Грамвусы казалось, что революция на Крите и во всей Элладе вот-вот победит, через три месяца максимум! Они поначалу действительно хотели тайком переправить ее на Крит, а оттуда — домой. В эйфории первых месяцев не успели опомниться, как наступила зима. Рисковать шебекой ради себя одной Тина не позволила, на легкой лодчонке через штормящий пролив ночью не пройти, а днем пойдешь — на берегу схватят сразу. Решили подождать до весны. А теперь веселая пиратская слава зацепила и Тину своим черным крылом: на Крите их искала и турецкая полиция, и тысячи шпииков во всех закоулках острова. Можно было бы еще раз переодеть ее в мадам де Брюсси и попробовать высадить в одном из близлежащих портов, но риск был слишком велик.

Тина решила воспользоваться пиратскими победами флота Грамвусы на манер своего деда. Она тщательно изучила все морские законы и подзаконные акты, а также дедов опыт каперства. Пиратство с XII века было прибыльным ремеслом в греческих морях. Но каперы, в отличие от пиратов, осуществляли свои военные действия с разрешения какой-либо морской державы. В приложении к Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года было указано, что греческие корабли могли плавать под российским флагом в целях защиты от турок. А жителям трех островов — Гидры, Спетцеса, Псары — выдавали так называемые «тринисийские патенты», приравнивавшие их к разрешению на военные корабли. Капитан с острова Гидра, например, мог плавать под британским флагом и свидетельством от их дипломатического корпуса. Российская императрица Екатерина II выдала каперский патент деду Тины — великому адмиралу Кацонису. Теперь Тина хотела добиться расположения союзников и тоже получить такой патент. Убеждала друзей в том, что их флот получит иной статус и станут они не морскими разбойниками, а уважаемыми людьми.

— Флотилия моего деда в первые же месяцы приобрела славу и уважение. И чем дольше они били турок, тем больше моряков и местных жителей изъявляло желание к ней присоединиться. Судовладельцы в очередь строились, чтобы мой дед приобрел у них судно! Дед читал мне свое старое письмо к князю Потемкину: «Император увидел мою «Минерву» в гавани Триеста и сказал, что она лучше, чем все суда, что здешние мастера изготавливают».

— Тебе не дает покоя слава деда? — подзуживал Коста.

— Славы недостаточно — нужны деньги, а для них нужен каперский патент!

— Ты пытаешься сделать это через Никаса?

— И через Никаса тоже... — уклончиво отвечала Тина и переводила разговор на другую тему.

Меньше всего Маноло хотел бы вникать в то, что происходило в кудрявой голове Тины. Но Никасу нельзя доверять было ни в чем! Раньше он считал, что в его отсутствие Коста сможет защитить Тину от любой беды. Но теперь сам видел метаморфозы, происходящие со старым другом, и слова отца Игнатия были лишним тому подтверждением: на Косту нельзя полагаться полностью. А виновато в этом проклятое зелье, к которому Никас постепенно приучал и отцов-командиров, и Косту. Не раз уже Маноло заставлял друга в полубессмысленном состоянии, с остекленевшим взглядом, бил его, приводил в чувство, приносил к себе домой. Коста отлеживался, отмалчивался, несколько дней проводил с их семьей, помогал Лари, возился с детьми — а потом снова исчезал. Слава богу, что этого не случалось ни перед выходом в море, ни во время похода. Там Коста становился прежним. Только смотрел теперь как будто насквозь собеседника. И совсем перестал бояться смерти, во время атаки на чужой корабль не чувствовал безопасную дистанцию. Маноло даже предупредил его о том, что если он будет продолжать рисковать командой, то капитаном ему не быть. Коста посмотрел сквозь него и равнодушно произнес:

— Да тут больше некому, посмотри на этот сброд...

Вместо ответа Маноло отвесил ему затрещину и ушел. Мрачные предчувствия продолжали жрать его, особенно в периоды вынужденного безделья. Прямо как сейчас. И после разговора с отцом Игнатием покоя на душе не прибавилось — наоборот, еще хуже заныло внутри, как временами ноет висок перед сменой погоды. Маноло встряхнул головой и решительно направился вниз твердым шагом человека, вознамерившегося навести шухер среди подчиненных. И увидел с кромки скалы, что внизу по палубе «Елены» вовсю снуют матросы, первый помощник Никаса Григорий руководит погрузкой бочек с водой... «Что за чертовщина?» Маноло кубарем понесся вниз.

— Григорий, что за дела?

— Капитан Маноло! — Григорий вытянулся в струнку. — Мы готовимся к выходу в море.

— Я не в курсе. А я командующий флотом. Кто мог отдать такой приказ без меня?

— Лично господин Никас.

Маноло с тоской глянул вверх: надо бы разобраться с Никасом, но лезть обратно в гору и бежать в штаб... Однажды Омори сказал: «Сядь на берегу и подожди, пока мимо проплывет труп твоего врага».

— Я подожду здесь, — сурово сказал он, устраиваясь в тени, — принесите мне выпить и перекусить.

Не прошло и получаса, как появился Никас — возбужденный, с лихорадочно горящими глазами, суетливо-порывистый. Судя по виду, он совсем не мог жить без ежедневной порции зелья.

— Куда это ты собрался?

— У меня есть разрешение на выход в море лично от Антонидиса. Это срочно.

— Я командир флота, — отчеканил Маноло, — и без моего разрешения ни одна паршивая лодка отсюда не отплывет.

— Простите, капитан Маноло, при всем уважении больше ничего сказать вам не могу. Это секретная операция, — нагло отвечал Никас, глядя на него снизу вверх. Маноло сжал кулаки, оглянулся, заметил, как Григорий тихо покачал головой: мол, не связывайтесь.

— Я проверю, — пообещал он и быстро пошел наверх, всем своим видом демонстрируя, что еще один подъем по проклятой лестнице под палящим солнцем ему нипочем. А когда добрался до того крыла крепости, где заседали отцы командиры, то Антонидис оказался занят! Маноло трижды переспросил его помощника — смазливого юнца из приятелей Никаса, и тот трижды разводил руками: мол, командир с радостью побеседует с ним, но не сейчас. Маноло разъярился и пошел искать Каллертиса. Нашел его: на складе, в хлам пьяного, лежащего на мешках в обнимку с сонной потаскушкой.

— Республика в надежных руках... — пробормотал Маноло. Косты тоже нигде не было. Маноло подошел к крепостной стене и далеко внизу на прибрежных камнях увидел два знакомых силуэта: Коста собирал мидий, а Тина шла рядом.

— Два влюбленных голубка... Решительно никому нет дела до того, что Никас по собственной инициативе собирается выйти в море, неизвестно за каким дьяволом.

Сверху было отчетливо видно, что «Елена» отшвартовывается.

— Да что же это такое? Здесь хоть один человек знает, что происходит и почему? Я командир флота или кто? — возопил он, тряся кулаками. «Или кто», — ответило ему эхо.

Пока он спускался на берег, его душа ярасть. Прямо застилала глаза, как капли пота. Однако Маноло знал за собой этот грех и, как мог, пытался успокоиться. Встретив Тину и Косту, он уже был почти кроток.

— Здравствуйте, чада мои неразумные!

— Почему же неразумные? Мы с Тиной как раз сейчас говорили о литературе...

Маноло показал ему кулак.

— О Байроне, — добавила Тина.

— Ты хочешь сказать, что Коста знает, кто такой Байрон?

— Еще как знает... — усмехнулась она. — Скажи ему, Коста!

— «Надежда в горестной судьбе,

Любовь моя — навек прости.

Могу лишь помнить о тебе

И цепь нести.

Но здесь сейчас не до тоски.

Свершается великий труд.

Из лавра гордые венки

Героев ждут.

О Греция! Прекрасен вид

Твоих мечей, твоих знамен!

Спартанец, поднятый на щит,

Не покорен...» — продекламировал Коста с чувством.

Маноло потерял дар речи.

— А вот еще, слушай! — продолжала Тина:

«О Греция, восстань!

Сиянье древней славы

Борцов зовет на брань,

На подвиг величавый.

К оружию! К победам!

Героям страх неведом.

Пускай за нами следом

Течет тиранов кровь.

С презреньем сбросьте, греки,

Турецкое ярмо,

Кровью вражеской навеки

Смойте рабское клеймо!

Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Элады прежних дней...»

— Это на площади читать надо перед оголтелыми... — Маноло махнул рукой.

— Но Байрон-то искренне это писал! И за это заплатил!

Коста взял ее за руку:

— Из всего, что ты читала, Тина, мне больше запало в душу вот это:

«Что мне твои все почести и слава,
Народ-младенец, прежде или впредь,
Хотя за них отдать я мог бы, право,
Все, кроме лавров, — мог бы умереть?
В тебя влюблен я страстно! Так, пленяя,
Влечет бедняжку-птичку взор змеи, —
И вот спустилась пташка, расправляя
Навстречу смерти крылышки свои...
Всесильны ль чары, слаб ли я пред ними, —
Но побежден я чарами твоими!»
Это про нас писал Байрон...

— Коста! Ты хоть понимаешь слова, которые декламируешь? Это ж не про любовь к женщине! — воскликнул Маноло. — Это он пишет о любви к народу!

— Любовь бывает разной, капитан... — тихо пробормотала Тина.

— У Байрона, в отличие от нас, было все — огромная слава и великий талант. — Коста явно был сегодня в ударе. — Понятно, почему здесь оказались мы трое: у каждого была веская причина. Но Байрон? Он мог бы жить как угодно, а приехал в Грецию, чтобы погибнуть за ее независимость. Я пытаюсь понять, что заставило его так поступить? Совесть? Идеалы? Маноло, ты же знаешь, для

меня эти слова — звук пустой. Как, впрочем, для любого нормального человека после тридцати. Может, ему просто стало скучно?

— Я думаю, ему захотелось повоевать, — добавила Тина. — В утонченной, чистой и сытой Европе убивать не всегда прилично. Ну, дуэль, например, не более того. А тут революция, никаких моральных норм: хочешь убить — пойди и убей... Что скажешь, Маноло? Рассуди нас.

— Не знаю. Вряд ли человек, который своей рукой писал такие стихи, мог спокойно убивать той же рукой.

— Ты считаешь, что для стихов и для войны нужны разные руки? — нахмурилась Тина.

— Думаю, нельзя смешивать эти два ремесла. Думаю, поэтому он и погиб. Каждый должен делать на этом свете что-то одно: поэт — писать стихи, солдат — воевать, рыбак — рыбачить...

— Тогда что мы делаем на Грамвусе?

— Не знаю. Я для себя решил, что сейчас у меня такая работа. Жизнь — это вообще труд. И никто не знает, для какого труда господь привел нас именно сюда и именно сейчас.

— Но каждый из нас сейчас занимается не своим делом. Если следовать твоей логике, мы обречены?

— Нет! Тина, это всего лишь игра слов...

— Конечно, Маноло, конечно. Пойдем с нами, Коста собирал мидий, разожжем костер, как раньше... Или ты спешишь куда-то?

— Да уже никуда. Пойдемте...

Они лежали в фиолетовой тени на камнях, солнце недавно переместилось, плоские валуны оставались совсем теплыми. По небу слоились белесые облачка, отлив усмирил волны, ветер стих.

— Все как раньше... — пробормотала Тина. — Помните? Мы так редко бываем теперь вместе. У капитана Маноло очень мно-

го обязанностей, ему не до нас. Он командует целым флотом... — и она, не целясь, швырнула в него пустой раковиной.

— Перестань, — отмахнулся Маноло. — Какой я командир, если Никас может вывести корабль в море без моего разрешения?

— Как это? — Коста привстал со своего камня. — Мы же не планировали ничего раньше чем через пару недель!

— А вот так. Подписал приказ у Антонидиса и был таков.

— И ты спокойно об этом рассказываешь? Да его за это надо...

— Не шумите, мальчики. Это я подписала секретный приказ у Антонидиса, пользуясь своим врожденным обаянием. Да, не смотрите на меня так. Никас узнал через своего агента в Смирне, что больших поставок опиума в течение полугода не предвидится. После пары наших рейдов американцы стали опасаться за безопасность торговых перевозок. Никас страшно боится остаться без зелья. И вот дошел до него слух, что одна маленькая турецкая посудина везет небольшую партию, причем не из Смирны, — даже не знаю, откуда и куда. Он так орал...

— Это из-за его зелья?

— Мы не можем в одночасье избавиться от Никаса. «Филдс и партнеры» ведут теперь дела только с ним. Мы не можем отказаться от участия в перевозках опиума, — это деньги! На них мы жили несколько месяцев, пока ваша эскадра не набрала силу. Потом вы показали, на что способны. Но теперь Грамвусу все боятся и обходят стороной. Где ваша добыча? Где мифические галеоны, груженные золотом? Вот то-то и оно... Не исключено, что нам снова придется жить на деньги от продажи опиума. На Грамвусе почти три тысячи человек! Почти все молодые, многие от безысходности отчаянно влюбляются и тут же рожают детей. Слава богу, у нас есть отец Игнатий для свадеб и крещений! Хотя какие могут быть крепкие семьи, если никто не знает, что будет завтра. Всех надо кормить, поить, детей надо лечить и учить... И если Никас найдет

хотя бы два мешка опиума, то один он возьмет себе, а другой продаст. И это будут для нас очень большие деньги.

— Что-то слишком рьяно ты его защищаешь...

— А он мне тоже кое-что обещал. И пусть только попробует не сдержать слова! Я тут же пойду к Антонидису, и на следующий день Никаса как предателя революции вздернут на площади. Уж на это моего обаяния точно хватит...

— Что он тебе пообещал?

— Секрет. Пока...

— Приспичило вам вести сложные дискуссии! Хватит, — попросил Коста, — кушайте мидий, пожалуйста. Море, солнце, ветер... Дышите. Ешьте. Пейте. Живите сейчас.

— Смотри-ка, а ведь он прав, наш маленький Коста... Он не думает слишком много! Он мудрее нас! — воскликнула Тина. Вскочила, схватила Косту за руку и потянула за собой в воду. — Идем, мне жарко!

И они в обнимку повалились в прибой. Маноло посмотрел на них, в тысячный раз подивился тому, как причудлива любовь, и крикнул:

— Я пойду, дел полно. Тина, присмотри за ним, чтобы ни во что не влип!

ГЛАВА 6

«Елена» не возвращалась неделю. Маноло лез на стенку: пока один из кораблей эскадры отсутствовал, дальнейшие выходы в море были бессмысленны. Если Никас сам попал в беду — это одно дело, если его преследует дюжина турецких боевых кораблей — всей Грамвусе крышка. Коста предполагал, что Никас просто перепродал опиум и сбежал, вместе с кораблем или один. Все три варианта были плохими. Только Тина хранила невозмутимость, как ее телохранитель, и на все вопросы отвечала, загадочно улыбаясь:

— Куда он денется? Вернется как миленький...

— Почему ты так уверена? — взвился Маноло, когда она произнесла эту фразу в десятый раз.

— Думаю, она обещала Никасу руку и сердце, а за этим любой мужчина вернется даже в адское пекло, — привычно съязвил Коста.

— Не каждый мужчина, находясь в аду, предложит женщине руку и сердце... — отвечала Тина, пристально глядя в его прозрачные зеленые глаза. — Для этого, кстати, тоже нужна смелость, не правда ли?

— Прекратите вы оба!

— Он прав, — неожиданно произнес Коста, — давно пора было прекратить.

И вышел прочь, оставив друзей в полном недоумении.

— Ничего не хочешь мне сказать?

Тина молчала.

— Тина, осторожнее! Нас трое, и мы должны держаться друг друга. Или ты думаешь, что Каллертис с Антонидисом вечно будут обращаться с тобой так же почтительно, как поначалу? Ты появилась здесь как звезда с неба — с деньгами и парусником. Деньги закончились, пока остается корабль и имя. Но этого надолго не хватит.

— Я давно не питаю иллюзий. И сплетничать втихаря начали, — спасибо, что пока в лицо гадостей не говорят. Надеюсь, что смогу покинуть Грамвусу раньше, чем окажусь причиной всех несчастий.

— Чего ты ждешь?

— Возвращения Никаса. И не спрашивай пока, почему.

— Капитан Маноло! «Елена» возвращается! — раздался крик дозорного. Маноло и Коста почти одновременно оказались на стене форта. Через пару минут к ним присоединилась запыхавшаяся

Тина. «Елена» входила в пролив, сине-белый флаг трепетал на мачте, куча народу торопилась встречать Никаса и его команду.

— Возвращение героя... — пробормотал Маноло.

— ...героя, выгодно продавшего опиум...

— ...и принесшего кучу денег республике, — резюмировала Тина. — Кто принес много денег — тот и герой. На вашем месте, господа капитаны, я бы побеспокоилась о собственном авторитете. А на месте наших отцов-командиров — тем более...

На совете Никас коротко доложил о результатах похода: благодаря заранее полученной информации он захватил турецкую тартану с небольшим грузом контрабанды, груз переправил американским партнерам, деньги потрачены на нужды республики, вот отчет.

— Где тартана?

— Сожгли, чтобы не оставлять улики.

— Зачем? Они не могли сопротивляться, на тартанах нет пушек. Маленькое торговое судно отлично пригодились бы для разведки... — нахмурился Маноло. — А пленные?

— Не брали, — и Никас кинул взгляд на Антонидиса.

Тот кивнул одобрительно:

— Республике не нужны лишние рты в столь трудный период. Оставьте мне отчет, капитан Никас, я посмотрю. Благодарю вас за службу!

— Большая честь — бороться за священное дело независимости нашей Родины! — отвечал Никас, окидывая орлиным взором членов совета. Маноло с Костой переглянулись и собрались восвояси.

— Минутку, капитаны, а также почтенные члены совета, у меня есть важное сообщение, — остановил их Никас. — Оно особенно касается госпожи Стафас...

Тина замерла в дверном проеме — узкий темный силуэт под тяжелым сводом.

— Некоторое время назад она поделилась со мной планами: использовать часть своего наследства для финансовой помощи нашей республике. Ее деньги хранятся на счету одного из европейских банков. Госпожа Стафас оформила на меня доверенность на их получение.

В помещении раздались изумленные и одобрительные возгласы.

— Я так же, как и вы, был восхищен ее щедростью и взялся за это дело. Оно оказалось столь запутанным и сложным, что я заранее не посвящал в наши планы больше никого. И вот недавно фирма «Филдс и партнеры» помогла нам извлечь нужную сумму и выгодно вложить ее на Нью-Йоркской бирже. Деньги госпожи Стафас вернулись к нам, многократно умноженные. И трюм «Елены», наполненный оружием, — это ее вклад в общее дело.

— Думаю, мы должны поблагодарить госпожу Стафас за щедрость! — воскликнул Каллертис. — Bravo, Тина! И bravo, Никас!

— Хитро, — шепнул Коста, — он поднимает авторитет Тины и заодно — свой.

Члены совета зашумели...

— Прошу еще немного времени, — поднял руку Никас. — У меня еще есть вопрос к госпоже Стафас, которая, без сомнения, является подлинной любимицей Грамвусы. Как известно, господин Анастасис Стафас, ваш покойный муж, скончался в результате припадка во время одной из поездок по делам тайного общества.

— Это так.

— Также известно, что он вез партийную кассу «Филики Этерии».

— И это правда. Он был ее казначеем. В «Филики Этерии» не было более надежного и честного человека, чем мой покойный муж.

— Когда тело вашего мужа нашли, денег при нем не оказалось.

— Это многократно обсуждалось на заседании ячейки общества. С ним случился припадок, он ударился головой о камень, остался лежать там бездыханный, кто-то потом ограбил его... И тени подозрения не могло лежать на Анастасисе!

— Так говорили. Представитель фирмы «Филдс и партнеры» получил по вашей доверенности доступ к средствам семьи Стафас в известном нам обоим банке. Кроме указанного счета, он обнаружил отдельный счет, на котором хранится крупная сумма. Почти такая же, как сумма из партийной кассы, пропавшая в той роковой поездке. Наш представитель не смог получить доступ к этому счету, поскольку он открыт на имя одного из ваших сыновей.

— Мне ничего об этом неизвестно, — отчеканила Тина, сузив глаза и медленно приближаясь к Никасу, — мой муж имел хрупкое здоровье и вполне мог заранее составить завещание. Не хотите ли вы сказать...

— Я ничего не могу утверждать, госпожа Стафас, — Никас почтительно поклонился ей, — вы могли ничего не знать о финансовых махинациях своего покойного супруга...

— Не смей! — прошипела Тина. — Мой муж не мог участвовать ни в каких махинациях!

— Договаривай, Никас! — сурово сказал Антонидис. — В деле революции не должно быть тайн. Революция не может быть измарана предательством. Если покойный Анастасис присвоил деньги «Филики Этерии», мы должны получить доказательства. Если Тина докажет, что не знала об этом, — ее вины тут нет.

— Услышав такие подробности от американских партнеров, я был потрясен не меньше вашего. Поскольку на материке у меня остались связи, я потратил несколько дней, чтобы найти возможных свидетелей или хотя бы людей, что-то слышавших о той давней истории. И мне повезло: я нашел свидетеля. Он указал мне место проживания и вымышленные имена двух спутников господина Стафаса.

Тина побледнела:

— Ты их нашел?

— Да. Я нашел их и привез сюда.

— Где они?

— Позвольте мне закончить, — твердо продолжал Никас. — Это два рядовых члена «Филики Этерии», сопровождавшие господина Стафаса в той последней поездке. Они рассказали, что ваш покойный супруг ненадолго отлучался, потом вернулся и сказал им: «Меня выследили. Мы не сможем довести партийную кассу по назначению. Но я перехитрил всех: положил деньги в банк на счет моего сына, причем под хороший процент».

— Это бред, Никас... — пробормотала Тина. — Я ничего не знаю об этом счете! Не хочешь ли ты сказать, что мой покойный муж решил втихаря присвоить партийную кассу? Да еще положить под выгодный процент?

— Конечно, нет, Тина! Даже в мыслях не было... — Никас прищурился, снова улыбаясь. — Твой муж оказался слишком наивным и доверчивым, положился на случайных людей. Прошло много времени, но революционное возмездие неотвратимо: я нашел их и привез на Грамвусу. Теперь мы наконец узнаем правду.

— Позволь мне поговорить с ними...

— Я их допросил. Как положено.

— Не сомневаюсь, — покивал Каллертис, — ты умеешь разговаривать с людьми по душам... Тина, если он говорит, значит, так и есть.

— Я должна их увидеть...

— Обязательно, — улыбнулся Никас, — они сидят под замком в трюме «Елены». Пошлите за ними скорей!

И он опять улыбнулся. Да так, что Коста заскрипел зубами, и Маноло еле удержал его от необдуманных действий. Оба не понимали, для чего Никасу понадобилось приплести сюда покойного мужа Тины. Анастасис был известен своей щепетильностью в моральных вопросах. Никас загонял Тину в чудовищную ловушку,

---

а в какую — пока непонятно. Тина стояла бледная, с искривленным лицом, окруженная боевиками Каллертиса.

Подручные Никаса приволокли двух окровавленных, избитых и еле бормочущих мужиков. Тина подошла, чтобы поговорить с ними, но ее быстро оттеснил Каллертис:

— Госпожа Стафас, — суровым тоном произнес он, — мы понимаем справедливость вашего гнева: поступок этих людей бросил тень на доброе имя вашего покойного мужа. Но дело должно быть рассмотрено немедленно и по всей строгости наших революционных законов. Мы должны соблюсти беспристрастность во время расследования, вы — лицо заинтересованное — не можете участвовать в допросе. Подождите за дверью, прошу вас!

И Тина оказалась за дверью. Маноло с Костой переглянулись...

— Мне кажется, что господа капитаны Манолис и Костас тоже не могут присутствовать при разбирательстве, — сказал Никас, в упор разглядывая их.

— Они капитаны и члены совета обороны... — растерянно возразил Антонидис.

— Да, конечно. Но известно также, что оба они — старые соратники семьи Стафас по афинскому подполью, поэтому не смогут быть беспристрастными. Поверьте, друзья: нам всем дорого честное имя покойного Анастасиса, но мы должны установить истину. Лучше поздно, чем никогда. И чтобы никто и никогда не упрекнул нас в том, что революция не знает справедливости!

— Революция — это и есть высшая справедливость! — с пафосом добавил Никас.

Члены совета одобрительно закивали.

— Он прав, — твердо сказал Антонидис, — прошу вас, господа, покиньте помещение!

Тина стояла на крепостной стене. Когда Маноло с Костой подошли и взяли ее под руки, то почувствовали, какие ледяные у нее ладони.

— Он мстит мне за ту историю, когда мы поймали его курьера с опиумом. Я не могла предположить, что он приплетет сюда моего покойного мужа! Если Никас посмеет только намекнуть, что Анастасис был предателем, я убью его!

— Отличная идея. Кто-нибудь в ответ решит убить тебя, мы убьем каждого, кто к тебе подойдет. Потом убьют нас. Твои дети остаются сиротами, мои дети остаются сиротами. Короче, все жили долго и счастливо и умерли в один день...

— Маноло прав. Надо подождать. Никас не идиот, он не станет наживать себе лишних врагов.

— Тина, как ты могла довериться мерзавцу переговоры с банкиром?

— А кому? У меня же нет сейчас никаких связей на материке! Он один имеет дело с американцами! Опиумная торговля — это очень суровый бизнес! Там надежные торговцы и ушлые дельцы. Я действительно хотела потратить на нужды Грамвусы часть своих денег, я думала, что дед одобрил бы такое решение. И вот что вышло...

— Разве дед не учил тебя, что нельзя доверять подлецам?

— Учил. Но он так же говорил: чем подлее человек, тем легче его перекупить. И поверьте, я намекнула Никасу, что он получит свою долю...

— После того как мы поймали Никаса на опиуме, я считал, что он вообще у нас в кармане... — растерянно сказал Коста.

— Кто эти люди? Кто теперь докажет, что они действительно его убили? Когда Анастасис уезжал в роковую поездку, я с детьми гостила у свекрови и ничего не знала. Как понять, что из этого — правда? И кому она тут нужна?

— Давайте подождем. Мы все равно ничего не можем сейчас сделать.

— А вам ничего и не придется делать, — пробормотала Тина, глядя на горизонт остановившимся взглядом, — это мне придется отвечать за честь семьи...

Прошло около часа, пока их позвали в помещение совета. Двое допрошенных валялись в углу подобием окровавленного тряпья. Никас сидел довольный.

— Госпожа Стафас! — торжественно объявил Антонидис. — Путем допроса было установлено, что ваш покойный муж действительно хотел сохранить партийные деньги. Он сказал своим спутникам: «Я должен скрыться. Вас никто не знает, вы сможете вернуться и сообщить моей жене Тине, чтобы она как можно скорее сняла деньги со счета для нужд революции». Эти двое поступили проще: убили Анастасиса, забрали все и сбежали. Они полностью признали свою вину в краже и убийстве. Таким образом, с вашего покойного супруга снимается любая тень подозрений...

— Ну, слава богу, — прошептал Коста, — я подумал, что сейчас уж придется драться и умирать, а я толком не успел ни поесть, ни выпить.

— Поэтому мы требуем от вас, чтобы вы распорядились снять эту сумму со счета и использовать ее для нужд Грамвусы.

— И как вы предполагаете это сделать? Доставить Тину на берег, чтобы она сама явилась в банк? Прямо в объятия турецкой тайной полиции? — разъярился Маноло.

— Никас будет отвечать за переговоры с банком. Благодаря его связям с фирмой «Филдс и партнеры» мы получим вполне легальные каналы для финансовых операций.

— Счет открыт на имя одного из моих сыновей. Вы думаете, что эти деньги так просто получить?

— Не беспокойтесь, госпожа Стафас, от вас потребуются только одна доверенность. Остальное предоставьте мне, — радостно сказал Никас.

Тина набрала воздуха в грудь, но Маноло ткнул ее кулаком в бок:

— Еще одно слово — и он начнет угрожать даже не нам, а твоим сыновьям! Их жизнь дороже, Тина. Согласись. Напиши доверенность. Пусть подавится этими деньгами.

Тина молча кивнула.

— Что касается двух предателей: они, безусловно, заслуживают смерти, приговор должен быть приведен в исполнение немедленно.

— Думаю, мы дадим возможность госпоже Стафас самой поставить точку в этом мучительном для нее деле. Не правда ли, Тина? — Никас подошел к ней и положил руку на плечо: — Сколько раз ты говорила мне, что своими руками закопала бы в землю убийц Анастасиса! Я обещал тебе, что найду их, — и нашел. Я сделал то, что обещал. Теперь ты сделай то, что должна. И когда мы с победой вернемся домой, ты сможешь сказать сыновьям, что их отец умер как герой, а долг чести оплачен тобой лично! Сделай это!

Тина дико глянула на него, потом окинула глазами помещение совета — все одобрительно зашумели.

— Она не должна этого делать! — воскликнул Коста.

— Адмирал Кацонис не щадил врагов нашей родины. Покойный Анастасис Стафас положил жизнь на алтарь революции. Любой из нас должен быть беспощадным с предателями. Особенно когда речь идет о чести семьи...

Маноло с Костой отчаянно переглядывались — у них не было никакой возможности выручить Тину: слишком неравны были силы. И кто бы решился вступить за предателей, да еще в такой ситуации? Если Тина не сделает этого — она тем самым признает, что ее муж был замешан в грязных делах. И не сдержит клятвы...

— Ведите их... — скомандовал Антонидис.

Двух приговоренных потащили к краю крепостной стены. Они еле шевелились. К ним подвели Тину. Члены совета отступили. В отдалении собирались любопытные...

— Сделай это, Тина, отомсти за Анастасиса, — повторил Никас.

И протянул ей пистолет. Тина побелела. Оглянулась еще раз, несколько мгновений смотрела на море, потом перевела взгляд на

двух смертников, стоявших на коленях. Один вообще ни на что не реагировал, другой тряс головой и пытался что-то сказать разбитыми губами.

— Убери пистолет, Никас, — холодно произнесла она, — разве можно стрелять в безоружных? Это бесчестно. Никто не упрекнет меня в отсутствии чести.

И оглянулась на Омори. Тот с поклоном подал Тине свой меч, кивнул ей и что-то коротко произнес по-японски.

— Как хочешь, я не могу на это смотреть! — прорычал Коста и бросился вперед. — Это мужская работа! Разрешите нам сделать ее за Тину...

— Госпожа справится, — тихо произнес Омори за спиной. — Я учить. Хороший удар. — И обоих пригвоздила к месту железная хватка.

Тина подняла меч, вынула из ножен, примерилась, замерла на несколько секунд, вдохнула-выдохнула... меч свистнул дважды. Она стряхнула кровь с лезвия коротким жестом, поклонилась двум телам, лежащим на пыльных камнях, потом поклонилась членам совета и пошла, не оборачиваясь, вдоль крепостной стены. Сзади раздались одобрительные возгласы, закричали зеваки на площади...

— Да здравствует революция! Слава героям Грамвусы! Слава герою «Филики Этерии» Эммануилу Стафасу! Слава Анастасису Стафасу, который положил жизнь на священный алтарь революции! Слава Тине, которая лично отомстила за честь мужа... — заводился в привычном речитативе Антонидис.

Маноло с Костой искали Тину довольно долго. Ее нигде не было. Нашли ближе к вечеру — в том подвале, где Омори учил их жестокой японской борьбе. Тина полулежала на плетеном коврике, тупо глядя перед собой. Рядом в неизменной позе восседал невозмутимый Омори. Тина никак не отреагировала на появление друзей.

— Что с ней? Давно так сидит?

— Меня не было. Никас приходить. Я приходить, она уже так сидеть...

— Проклятый ублюдок принес ей свое зелье! — разъярился Маноло.

— Хорошо, — неожиданно добавил Омори, — это правильно, госпожа теперь спать и завтра все забывать. Я ее охранять. Госпожа — настоящий воин. Учиться у нее. Хороший удар! Умереть такой удар — это честь! — и он поднял руку назидательным жестом. — Те люди были уже почти мертвые. Госпожа оказать им честь. Теперь вам надо уходить... — и беззастенчиво вытолкал их из подвала.

— Не бойся, Омори за ней присматривает лучше родной матери, — Маноло удерживал Косту, которого трясло крупной дрожью.

— Да не было у нее толком никакой матери! Умерли родители, когда ей и года не было. А может, убили — претендентов-то на наследство адмирала полно было. Вот и выросла под присмотром старого пирата да японского убийцы... — Коста кусал губы, схватил Маноло за рукав: — Никас всех в заложники взял, негодяй... Мы поквитаемся с ним за это, вот увидишь!

— Пойдем к нам, что ли, Лари тебя накормит...

— Ты сможешь сейчас есть? А своих детей по голове погладить ты сможешь? Мы же ее предали!

— Мы не предавали никого, Коста. Мы не могли ничего сделать. Мы бы и ее не спасли, и сами погибли, и Лари, и дети...

— Не уверен... Могли бы и отбиться.

— И что потом? Бежать? Куда можно отсюда сбежать, Коста?

— Знаешь, я в последнее время не мог с ней спать... Нет, я не о том. Именно засыпать рядом не мог. Потому что мне все время мерещилось одно и то же — развороченный живот, из которого кишки вываливаются на палубу после моего выстрела. И я говорил ей: «Не обижайся, ты все равно не поймешь, и ты не должна меня понимать, ты — женщина, у тебя другое предназначение». А те-

перь мы — как два зверя, которые почуяли запах чужой крови... Скоро мы все превратимся в зверей.

— Коста, перестань. Пойдем выпьем. Домой идти я все равно пока не могу. И как я расскажу об этом Лари?

Лари на удивление тихо восприняла весь рассказ. Задумчиво уперлась кулачком в ямочку на подбородке, потом сказала:

— Маноло, надо бы разгрести пристройку.

— Пристройку? — Маноло спьяну с трудом сообразил, о чем речь: о примыкавшей к их стене старой полуразрушенной кладовке, в которой еще венецианцы хранили припасы. — Но зачем?

— Скоро Тине будет некуда деваться. И она все равно придет жить к нам.

— Зачем? У нее отличные покои в главном корпусе.

— Как только Никас попадет на материк и снимет деньги с ее счета в банке, Тина станет не нужна. Он бы и с вами разделался! Но вы капитаны и еще нужны республике. А Тина теперь стала его личным врагом. Кому нужны враги? Скажи Косте: пусть забирает свою возлюбленную и переселяется к нам в соседнюю каморку. Так и быть, побелить стены я ему доверю.

— Коста не придет. У них с Тиной сейчас все плохо.

— Сейчас все плохо, потом опять станет хорошо, — мы-то с тобой знаем, что у них это навсегда.

— А Омори?

— Ах да, с Тиной придет Омори... ну что делать, потеснимся.

— Лари, ты не сгущаешь краски? Может быть, поступить проще? Не белить стены, а тайком переправить Тину на Крит, а от туда — домой?

— Бедный ты мой малыш, — сказала Лари, глядя его по пьяной лысеющей голове, — Тина не вернется домой. Для нее все кончено...

Маноло с ужасом ждал, что она закончит фразу. Но мудрая жена промолчала.

Коста действительно успел побелить кладовку перед следующим выходом в море. Однако Тина ни разу не появилась в доме Маноло. Если раньше она часто навещала Лари и детей, то теперь никто ее не видел и не слышал. Когда флот Маноло вернулся с хорошей добычей, на крепостной стене их встречали все — кроме Тины. Вечером на празднике Маноло тщетно пытался отыскать ее, потом нарушил неписаное мужское правило — не вмешиваться в личную жизнь друга — и в лоб спросил Косту:

— Не хочешь пойти поискать Тину?

Коста помотал головой и незаметно растворился в толпе. Маноло рассердился и пошел допивать в обществе отца Игнатия. Батюшку надо было выручать — его с двух сторон обнимали захмелевшие отцы-основатели. Маноло прислушался: речь шла о международной славе Грамвусы, о том, какой великий пример подает мятежная республика всему прогрессивному человечеству. Если верить отцам-командирам, весь мир только и делал, что напряженно следил за судьбой крошечного греческого островка.

— Что нам Британия? — разглагольствовал Антонидис. — Что нам Франция и вообще эти псевдосоюзники? Европа ничего больше не может, их величие позади. Они могут только с ужасом смотреть на волну новых демократических революций. Что они могут дать всемирной истории? Дряхлеющие культурные ценности?

— Полно, — урезонивал их отец Игнатий, — чем вам европейская культура-то помешала?

— Жирные католические попы — это их культура? Голые девки на стенах соборов — это их вера? Вы слишком снисходительны к Европе, отец Игнатий! — распаялся Никас. — Не забудьте, что это мы, греки, дали Европе основы их цивилизации.

Это на нашем наследии выросла римская империя и хваленое Возрождение. Эта благодаря нашим великим мыслителям развивалась немецкая философская мысль. Они ничего не могут сами! Мы должны возглавить священную борьбу за справедливость и новый мировой порядок! Истинная вера имеет византийские корни, значит, кто дал миру подлинное христианство? Опять мы...

— Никому не нужна истинная вера. Ислам наступает. Европейские союзники ищут только выгоды для себя. Они готовы и с мусульманами обниматься, если это совпадает с их экономическими интересами.

— А Россия?

— Русские погрязли в склоках и бесконечных переговорах. То послы, то министры, то какие-то сенатские комитеты...

Маноло приобнял отца Игнатия:

— Батюшка, позвольте вас отвлечь: моя жена просила вас зайти по неотложному делу...

— Спасибо вам, капитан Маноло, — пробормотал отец Игнатий, вытирая пот со лба, — ох как горячи революционные головы... у меня уже здоровья нет, чтоб столько пить... Супруга ваша в добром здравии, надеюсь? И детишки?

— Да, спасибо, все живы-здоровы, — Маноло помог батюшке выбраться по крутой лестнице на свежий воздух. — Я хотел спросить вас, не видели ли вы госпожу Стафас?

— Не видел. Но уверен, что там требуется ваше незамедлительное вмешательство, — и отец Игнатий посмотрел на него абсолютно трезвым взглядом.

— Так я пойду?

— И чем скорее, тем лучше.

Маноло почти бегом добрался до покоев Тины. Увидел темное окно. Невидимая сила остановила его в темноте:

— Не надо ходить. Госпожа отдыхать, — проскрипел над ухом Омори.

— Тебя послушать, так она теперь всегда отдыхать будет! — рассвирепел Маноло. — Пусти!

Но Омори держал его как клещами. Не драться же с ним, в самом деле?

— Омори-сан, позволь мне побеседовать с ней совсем недолго.

Омори не ослаблял хватку.

— Мне жена сказала: пока не найдешь Тину, не возвращайся! — рявкнул Маноло, применяя высшую степень мужской аргументации. Пальцы Омори разжались, он что-то буркнул и ушел.

На пыльных плетеных ковриках лежали двое.

— Коста... — но тот пребывал в полной прострации.

— Оставь его, раньше утра не очухается, — равнодушно произнесла Тина, — со мной можешь поговорить, я соображаю, только говори медленно. Чего хотел?

— Тина, зачем это?

— Просто так.

— Нет, Тина! Нельзя просто так лежать в подвале целыми днями без сознания!

— Почему?

— Жизнь не для этого! Покойный дед не похвалил бы!

— Да. Он был бы очень зол. Накричал бы на меня...

— И что бы ты ему сказала?

— Я бы сказала ему: «Дед, ты не предупреждал, что мне придется делать!»

Маноло не рискнул отвечать за покойного адмирала.

— Знаешь, я почти уверена, что те двое были не при чем, — так же равнодушно произнесла она. — Думаю, Никас просто вынудил их сознаться. У него была цель — и он ее добился. Мои деньги достанутся республике, часть перепадет ему... А я вынуждена была на глазах у всей крепости убить двух человек. Ни за что.

— У тебя не было выбора! Ты защищала честь семьи...

— Выбор есть всегда. Я могла, например, убить не их, а Никаса. Или себя...

— Убить себя — грех! Ты мать, тебя ждут дети...

— Перестань, Маноло, мы оба знаем, что это невозможно.

— Почему, Тина? У нас теперь не один корабль, мы можем продумать план и доставить тебя на материк!

— Я не смогу вернуться ...

Маноло стиснул кулаки:

— Поговорим, когда вы оба в себя придете!

И услышал вдогонку:

— Ты не поймешь, капитан. Ты никого не убивал.... Теперь мой дом — Грамвуса.

ЗАКАТ

ГЛАВА 1

Три года сине-белый флаг свободы реет на главной башне крепости. Непрístupная Грамвуса стала нашей маленькой родиной. Наша эскадра наводит ужас на все турецкие корабли. Наши отважные капитаны прошли огонь и воду,

---

наши бойцы не знают страха. Грамвуса в кольце врагов — это прообраз свободной Греции, объединившейся от Кассандры до Пелопоннеса. Настанет день, и каждый грек сможет произнести девиз, начертанный на наших вратах — великое эллинское «свободно»: «То эленикос элефрон!»

Антонидис неожиданно быстро закончил речь на торжественном открытии маленькой церкви — большую церковь при всем желании негде было бы поставить. Отец Игнатий быстро отслужил благодарственный молебен, скороговоркой проглатывая «богородица Дева Клефтида»: не нравилось ему это имя, да в народе так называли, против народа не попрешь...

По обыкновению, любое событие сопровождалось шумными возлияниями на площади. Степень опьянения всегда была одной и то же, а вот по степени сытости праздники различались. Это зависело от добычи эскадры Маноло. Когда закусывали плотно — расходились рано и по-доброму, когда запасы съестного заканчивались — не обходилось без поножовщины. Сегодня праздник обещал быть добрым: флот Маноло вернулся с жирной добычей, прихватив груженный торговый галеон из Северной Африки. Куча детишек окружала отца Игнатия, Маноло с трудом пробрался к батюшке, по пути сажая к себе на плечи тех, кто помельче. В толпе с высоты своего роста разглядел Лари, выходящую из церкви, залюбовался в очередной раз золотистыми кудрями на ярком солнце, в очередной раз подумал: «Какое чудо моя жена! Трое детей, а все как девочка... И как хорошо, что наши женщины не покрывают голову в храме, в отличие от прочих православных...»

Эту непокорную моду ввела Тина. Именно она во всеуслышание заявила в первую же службу на Грамвусе: «Несколько веков турки вынуждали греческих женщин ходить с покрытыми головами. Здесь, на Грамвусе, мы свободны! Никто отныне не будет указывать, как мне следует одеться и причесаться, чтобы молиться господу!» Сорвала шелковый платок, отшвырнула его, выгаци-

ла шпильки, кивком головы стряхнула на плечи расплетающуюся косу и первой зашла в маленькую часовню с непокрытой головой. Остальные женщины тоже сбросили платки. Правда, Коста потом съязвил: мол, Тине кажется, что платки ее старят.

Непостижимым образом смелая выходка стала известна на Крите, а потом — и в остальной части Греции. И через очень короткое время в любом ее уголке, освобожденном от турок, женщины стали ходить в храмы с непокрытыми головами. И Тина же первая уговорила местных мамаш отдавать в школу не только сыновей, но и дочерей, — ведь при турках об этом и речи и быть не могло...

Кстати о Тине: он очень давно не видел ее, Коста отмалчивался, да и не было привычки у них обсуждать сердечные дела. После возвращения из последнего похода он руководил разгрузкой, приводил в порядок корабли. Сейчас впервые за долгое время надел парадный костюм и пошел на службу — главным образом, ради грядущего вечера в обществе отца Игнатия. У него накопился к батюшке ряд вопросов. Да и выпить хотелось не просто так, ради праздника, а с хорошим человеком. Пить с Костой в последнее время было просто невозможно — тот мрачнел, уходил в себя или нес ересь, а на откровенность не отвечал ничем.

— Капитан Маноло! Вы не можете представить, как я рад вас видеть! — Отец Игнатий отбилса от детишек и раскрыл свои крепкие объятия: — Закончили все труды праведные?

— Что же праведного в пиратском ремесле, отец Игнатий? Как ни посмотри — ведь разбоем промышляем. Не сеем, не пашем...

— У вас работа такая — не разбой творите, а справедливость восстанавливаете! — отец Игнатий предупредительно воздел палец: — Сколько веков Османская империя грабила и опустошала Грецию! Вы возвращаете народу то, что ему принадлежит по праву!

— Это вы, батюшка, для проповедей оставьте, — пробурчал ему Маноло, — сейчас вот выпьем по кружке, да и обсудим высшую справедливость революционного разбоя.

— А вы, капитан, потише, потише, — так же вполголоса отвечал ему батюшка, — у Каллертиса-то полно слушачей! Вы то в море воюете, то на берегу хлопчете, а у них другого дела нет, как вынюхивать и доносить. Вон, кстати, один из них трется... — он выпятил подбородок в сторону тщедушного парня, болтавшегося неподалеку.

— Как же вы их отличаете?

— Трезвые! И убогие все, как ни посмотри.

Батюшка передернул плечами, скособочился, разом оказавшись мельче и неказистее, и до того стал похож на предполагаемого стукача, что Маноло рассмеялся в голос:

— Да бросьте, отец Игнатий, вы же у нас главный по духовной части! На вас-то кто посмеет донос строчить? Господь наш всяко повыше будет, чем любой революционный совет и любая революция!

— А вот насчет революции вам тоже надо поаккуратнее выражаться, капитан, — покачал головой батюшка. — Сегодня так, а завтра скажут — революция превыше всего...

— Я про революцию ничего не говорил. Я исключительно про истинную веру! — и Маноло перекрестился самым широким крестом, который получался при его почти двухметровом размахе.

— И крыльями слишком не размахивайте, у нас для этого два главных орла есть. Вдруг позавидуют?

— Крылья, батюшка, у ангелов. А у меня эскадра пиратская...

— Дошли, слава богу... Верите ли, капитан Маноло, иной раз думаю — в аду никакого пекла не надо, оставить только эту лестницу окаянную и водить по ней грешников с утра до вечера вверх-вниз, и достаточно будет...

— Вы полагаете, батюшка, в аду есть утро и вечер, день и ночь? Там же муки вечные? Какой там может быть день?

— Вы так придираетесь к словам, капитан, что я порой ду- маю: большего нечестивца не встречал в своей жизни. А потом гля- ну — ведь мухи не обидит. И спрашиваю себя: как же он пиратским флотом командует при своей доброте-то ангельской? Когда вы чу- жой корабль атакуете, наверно, его капитану руку подаете после команды «на абордаж»?

— Нет, я потом ему подаю руку, когда в трюм запикиваю! Кстати о трюме: попались мне два мешка писем, в основном, на турецком, но есть и две связки — то ли на голландском, то ли на шведском, не силен я в деталях. Может, вам пригодится?

— Может, и пригодится, — посерьезнел на минуту отец Игнатий, — немного по-турецки разумею... Не смотрите на меня так, капитан! Столько веков владычества Порты нельзя из исто- рии вычеркнуть, кое-чему научиться и у них пришлось. Для того и языки придумали, чтобы народы могли меж собой изъясняться. Надо же понимать, что твои враги лопочут. Иногда это бывает по- лезно.

— Письма эти у меня дома лежат, мы на обратном пути за ними зайдем.

— Нет уж, капитан, давайте лучше сразу. А то будет как в про- шлый раз, помните?

Маноло похлопал батюшку по спине:

— Ваша правда, лучше сразу...

— А что, батюшка, Тина не приходит к вам? — спросил Ма- ноло осторожно, когда и третья бутылка опустела.

— Не приходит... Разное говорят. Народ от безделья языками только чешет, все Никаса пытаются к ней приплести.

— Бред какой-то! — Маноло отшвырнул прочь пустую круж- ку. Почему-то чем больше пьешь, тем больше оказывается вокруг лишних предметов! — Мы-то с вами понимаем, кто такая Тина Ка- цонис!

— Мы-то понимаем! Это женщина, доложу я вам... — батюшка зацокал языком, демонстрируя бедность элинской речи, оскудевшей после Гомера. — А Никас? Без роду без племени, неизвестно кем был и где до революции болтался!

— Вы недооцениваете его, отец Игнатий, — мрачно сказал Маноло, — вы просто не все знаете.

— Да и вы, капитан, не все про него знаете, — отец Игнатий внезапно стал абсолютно трезвым, — вы в море много времени проводите, а тут разное случается. Вот, к примеру, Каллертис и Антонидис теперь с Никасом почти неразлучны, иной раз сутками из покоев не выходят. Говорят: заседание совета, не мешать. Однажды ночью меня к Каллертису вызвали: мол, того и гляди, богу душу отдаст. Я прибежал, смотрю — и правда: пена изо рта. Думаю — припадок, надо поддержать, потом пройдет. А ведь не проходит... Сидел с ним полдня: то лучше, то хуже, то вообще разум теряет, то несет околесицу, то связно говорит...

— Это Никас! Он снабжает их зельем!

— Вот-вот... Они без него и шагу не ступят. Слова не скажут. Теперь для них главное — не оружие и провиант, а поставки опиума. Как думаете, долго продержится наша республика при таком руководстве?

— Отец Игнатий, как вы думаете, Тина тоже...

— Не знаю, — помрачнел снова батюшка. — Вам, капитан, надо думать в первую очередь о себе и своих близких.

— Батюшка, это же Тина! Она и Коста... мы же как родные! Мы же столько лет...

— Тогда тем более думайте, капитан, и как что надумаете — заходите ко мне. Ну, на сегодня довольно пиршеств, — громогласно объявил батюшка, — пора на боковую! И вы к жене ступайте, не меняя курса, она у вас золото! — Сгреб мешки с почтой и, кряхтя, отправился восвояси.

Маноло шел вдоль крепостной стены, слушая, как в темноте грохочут волны, вдруг рядом мелькнула тень.

— Госпожа искать тебя.

— Что случилось?

Омори был по обыкновению молчалив и бесстрастен.

Он вбежал в дом Тины — и был поражен тем, как она исхудала. Девичий задор, вздернутый подбородок, чуть надменная ухмылка — ничего этого не было больше. Большинство гречанок к тридцати годам набирали вес, тучнели, черты становились резкими, носы уходили вниз. А Тина, наоборот, сильно похудела, стала уже в плечах, стройная фигура приобрела изломанные очертания, — впрочем, возможно, это была всего лишь игра теней в сумраке.

— Что, не нравлюсь? — спросила она равнодушно. — Я сама себе не нравлюсь. Неважно это все. Дело есть. Завтра Никас будет уговаривать отцов-командиров отправить эскадру за одним паршивым суденышком. Не соглашайся. Там опиум, причем лично для него. Обойдется!

— А ты обойдешься?

— Грубо, капитан... — Тина еще раз усмехнулась. — Я обойдусь точно. У меня есть Омори-сан. Он вылечит меня, если что, — и она кинула быстрый взгляд на Омори, а тот едва уловимо кивнул ей в ответ.

— Что за тайны басурманские?

— Омори-сан отучает меня от зелья. Если не отучит — у него есть самое последнее средство.

— Хорошо же он тебя лечит, что ты стала вполовину меньше!

— Не лезь в наши дела, Маноло! Омори-сан много видел и много знает. Я тебя хотела предупредить насчет Никаса. Не соглашайтесь. В том районе базируется военная эскадра, вы не сможете ей противостоять. Ему наплевать, ему нужен только опиум. А Грамвуса может потерять свой флагманский корабль. И вы потеряете ваши драгоценные головы.

— Для кого они драгоценны, Тина?

— Для меня. Предупреди также Косту, а то вдруг вас начнут уговаривать поврозь.

Маноло открыл рот, но она повелительно махнула рукой:

— Все, ступай. У нас с Омори-сан свои дела...

Маноло вышел, побродил вокруг, подождал и тихо пролез через знакомый черный ход в подвал. Заглянул за полог — и увидел Омори. Вернее, сначала он услышал размеренные звуки, потом увидел силуэт японца, сидевшего на плетеном коврикe.

— Ичи... ни... сан... си... го... року...

На земляном полу увидел Тину — в простой рубашке и широких штанах. Она отжималась на кулаках, видимо, уже давно. Омори встал, ткнул палкой в спину, чтобы она выпрямила позвоночник, вторым тычком поправил локти, скомандовал, движения ускорились... Вероятно, Маноло все же издал шум, потому что Омори вдруг замер, повернул голову...

— Это я, Омори-сан, — Маноло выступил из полутьмы. — Простите, что помешал. Я беспокоюсь за Тину.

— Уходить! — грозно сказал Омори. — Сейчас!

— Уйди... — прорычала Тина, вытирая со лба пот, — я же сказала, Омори-сан может вылечить все. А может и не вылечить... — и Омори выразительно положил руку на рукоять меча.

Маноло заметил веревку, опоясывавшую Тину. Другой ее конец был привязан к подпорному столбу. Омори еще раз покачал головой, и ему ничего не осталось, как поклониться и уйти.

ГЛАВА 2

Наутро его вызвали на заседание совета. Отцы-основатели были смурны, говорили с трудом, путая слова и надолго задумываясь. Никас убедительно доказывал, что флоту ничего не угрожает, небольшой турецкий бриг можно взять почти под носом у союзников

и уйти. Маноло тщетно допытывал Никаса о предполагаемой добыче, но Никас несколько раз повторил:

— Груз имеет особую ценность для республики.

Единственное, чего Маноло удалось добиться, — это потребовать, чтобы «Елена» под командованием Никаса так же участвовала в вылазке. Он напел руководителям что-то про отвлекающие маневры, Никас смотрел на него с ненавистью, но отбиться не смог. Маноло сослался на подготовку к завтрашнему походу и рысью понесся к Косте — посоветоваться. Однако нашел друга в плачевном состоянии: тот едва отвечал на вопросы и не мог ступить двух шагов. Маноло плюнул и побежал к Тине. Ему открыл Омори и сквозь зубы пробормотал:

— Госпожа занят. Уходить. — И, выразительно потрясая длинным деревянным шестом, добавил: — Сейчас!

Маноло пометался по крепости, спустился вниз, навешал по первое число нерадивым помощникам, вlepил затрещину вахтенному за бардак на палубе, потом взбежал опять наверх, пыхтя и фыркая... Когда он нервничал или не понимал происходящего, то начинал всегда слишком много и быстро перемещаться туда-сюда, причем сам знал эту дурацкую привычку, но ничего поделать не мог. Сейчас даже не заметил, как дважды обошел весь внешний периметр крепости. Опомился только, когда в третий раз наступил на один и тот же колючий куст.

— Хорошо, что не грабли... — пробормотал сам себе, присел на камень и начал выковыривать колючки из большого пальца. — Тут никто не сеет и не пашет, слава богу, поэтому грабли не являются основным революционным оружием.

— Да вы, капитан, сами с собой разговариваете? — окликнул его отец Игнатий, запыхавшийся при подъеме на стену,

— С умным человеком побеседовать всегда приятно.

— Вы с такой скоростью обежали крепость, что я решил, будто неприятель окружает Грамвусу...

— Кое-что надо было уладить... — пробормотал Маноло.

— Срочные дела?

— Да, завтра в море.

— Всей эскадрой?

— Нет, на «Ламбросе» в паре с «Еленой».

— Опять Никас? — прищурился отец Игнатий. — Вы уверены, что это необходимо?

— Легкая добыча, к тому же — очень ценная для республики.

— И сведения, конечно, от Никаса?

— Да. Не смотрите на меня так, батюшка, в той ситуации, в которую меня загнал Никас, я не мог отказаться. Он объяснил, что действовать надо будет под носом у вражеской эскадры, и необходима именно моя шебека, потому что это наше единственное по-настоящему боевое судно.

— Еще бы, его же выбирала и оснащала Тина Кацонис...

— Вот-вот. Поэтому я должен буду захватить плюгавое турецкое суденышко с ценным грузом, а Никас на «Елене» будет выполнять отвлекающие маневры.

Отец Игнатий попыхтел, потом глянул на него снизу вверх:

— Берегите себя и свою команду, капитан. И не беспокойтесь за семью: я присмотрю за ними, пока вас не будет.

— Да что ж такое, батюшка? Все меня запугивают! Я не собираюсь умирать. И у меня действительно один из лучших боевых кораблей от Бизерты до Марракеша!

— Вот и славно... — пробормотал отец Игнатий, — теперь пойду я, нужно крестить одну девочку. Истинно говорил мой настоятель: в смутные времена чаще рождаются девочки...

— Почему?

— Мужчины в смутные времена могут погибнуть, а женщины сохраняют жизнь и продлят ее... Удачи вам, капитан! Ступайте к жене!

— И вам доброго здоровья, батюшка...

Маноло растерянно посмотрел ему вслед, помотал головой и решительно зашагал домой.

А утром Лари не пошла его провожать. Их младший, Алексис, ночью проснулся весь в поту, потом его рвало, утром он еле заснул на руках у матери.

— Не буди, — сказал Маноло, — я вернусь через пару дней. И отправь Христо к Тине: у нее полно всяких снадобий. Уж не знаю, где она их берет, может, этот узкоглазый убийца их сам делает. Покойный дед научил ее очень многим странным вещам, в том числе и знахарству.

— Да, ее свекровь побаивалась поначалу этих знаний. Но потом Тина вылечила младшего — Косту — от тяжелейшей лихорадки, и свекровь ей все простила. Даже деда-пирата... — тихо улыбнулась Лари. — Не волнуйся за нас. Ступай с богом!

«Ламброс Кацонис» уходил из бухты первым. Маноло уже скомандовал «Отдать швартовы!», когда увидел на берегу Тину. Она стояла поодаль от остальных, встретилась с ним взглядом и кивнула в сторону «Елены». «Берегись его!» — без сомнения, означал этот кивок. Маноло махнул рукой в ответ. И увидел, как она дернула плечом, — подбитая чайка, пытающаяся взлететь... «Интересно, а Коста вообще знает, куда мы идем и зачем?» — спросил Маноло сам себя. Отсутствие друга тоже было непривычным. Все было не как обычно. Полдня он не мог отделаться от изжоги, пока не понял, что это вовсе не изжога, а ноющее предчувствие беды. И по мере приближения к месту предполагаемой засады оно только усиливалось.

По плану Никаса, «Ламброс» должен был встать ночью в бухте маленького необитаемого островка, защищенной со всех сторон скалами. Затем неожиданно атаковать турецкий бриг, который накануне — по сведениям Никаса — зашел в ближайший порт за провиантом и водой. Маноло еще на бере-

---

гу сомневался в точности этой информации, но Никас, потирая руки, сказал:

— Они обычно закупаются у одного торговца в Ханье, но с тем торговцем неожиданно случилась неприятность: представьте, умер. И придется им за водой зайти на Ставрос, больше просто некуда. Все верно рассчитано, капитан Маноло. Вам надо только подождать их в соседней бухте.

Теперь Маноло стоял с подозрной трубой, стряхивая предутреннюю морось с лица, и тупо ждал. Он не спал всю ночь, ближе к рассвету влез на голую скалу, торчащую над островком, чтобы не пропустить добычу. Островок состоял из сплошных скал, похожих на «чертовы пальцы» — так называли в детстве продолговатые обломки вулканической породы, обкатанные морем. Скалы были безжизненными, темно-серыми, уходили в глубину почти отвесно, и вода у основания скал была почти черной, потому что внизу не было ни песка, ни водорослей.

Наконец в редеющем тумане появился смутный силуэт корабля. Маноло подал сигнал и сам быстро полез вниз со скалы. Их шебека была заведомо быстрее и легче, чем нагруженный турецкий бриг. Причин для беспокойства особо не было. Он вывел «Ламброса» из бухты, туман почти совсем рассеялся — и тут раздался крик вахтенного:

— Капитан! Слева по борту!

А слева по борту из остатков тумана на горизонте появился кошмар любого пирата: эскадра линейных кораблей. Выбора у них не было: удирать бессмысленно, драться с эскадрой — смерти подобно.

Турецкий капитан приказал стрелять. Ядра пока не долетали до палубы «Ламброса», но эскадра на горизонте могла услышать залпы и двинуться на помощь. Нужно было торопиться. Дистанция между кораблями стремительно сокращалась. Десять человек из абордажной группы встали наизготовку. Борта должны были

вот-вот соприкоснуться... И в этот момент Маноло отчетливо различил в шуме и грохоте английскую речь. Он не поверил сам себе, прислушался, надеясь, что ошибся, поверх голов разглядывая капитана. Здоровенный мужик, ростом с него самого, в европейском платье, громко выругался, причем на чистом английском, и схватился за пистолет! «Это англичане... Но на мачте не было британского флага!»

Маноло открыл рот, чтобы остановить атаку, — и тут его что-то толкнуло в плечо, да так сильно, что он вдруг оказался лежащим на палубе. И не понял, почему стало так тихо. «Наверно, первый помощник тоже понял, что это корабль союзников, и отменил приказ об атаке», — решил Маноло. Порадовался этому — и почувствовал острую необходимость отдохнуть. Подремать...

— Капитан... Капитан Маноло... Очнитесь...

Димитрий тряс его немилосердно, плескал в лицо холодной водой.

— Где я? — Маноло попытался встать, но обжигающая боль в левой половине тела заставила его рухнуть обратно.

— Лежите, капитан, вы ранены! Вам повезло, что вы вообще живы! Пуля прошла навывлет...

— Что с их судном?

Димитрий кивнул в сторону, Маноло с трудом приподнялся и увидел, что бриг горел, погружаясь в воду. На борту отчетливо виднелось название «Blue Star»...

— Это бриг англичан?

— Да. Но на мачте не было никакого флага!

— Груз?

— У нас на борту. Успели перетащить.

— Где их капитан?

— Убит, к сожалению. Они сопротивлялись очень яростно, но все решили, что вы убиты, отчаяние придало нам силы. Потом мы поняли, что вы живы...

— Где был Никас с «Еленой»?

Димитрий покачал головой:

— Мы не видели «Елену».

— А где турецкая эскадра?

Григорий еще раз покачал головой:

— Это не турки, а объединенная эскадра союзников. Мы пока имеем фору, но, похоже, скрыться нам не удастся...

— Так не бывает! — решительно сказал Маноло, — я знаю здешние острова как свои пять пальцев. Мы найдем, где спрятаться. Только мне надо срочно прижечь рану и присыпать порохом. И тащите сюда бутылку. Потому что вытерпеть эту процедуру без бутылки невозможно!

ГЛАВА 3

Шторм никак не унимался. Маноло лежал в шалаше из прибрежных камышей и смотрел, как ободранный и битый «Ламброс Кацонис» болтается на мелководье. Название этого островка Маноло никогда не знал, но здесь им с Костой не раз доводилось отсиживаться в первые отчаянные годы революции во время беспорядочных перемещений по побережью.

Плоский продолговатый риф лежал в основании, глубины впритык хватало, чтобы пройти в бухточку. Много лет назад он покрывался потом, проводя свой маленький бот над торчащими верхушками рифа: и в солнечный день там запросто можно было пропороть брюхо. А «Ламброс Кацонис» — с заклинившим рулем, с поломанной мачтой, практически беспомощный и обездвиженный — пролетел в бухту на одной длинной волне через единственную расщелину в рифе без малейшей царапины. Правда, эту волну — длинную и более пологую — надо было суметь выбрать в горячке шторма. Равно как и найти в клокочущей воде ту самую расщелину.

«Спасибо, Тина! — подумал он в очередной раз. — Если бы не минимальная осадка шебеки, мы бы даже не смогли попасть в бухту... Не уйти было бы нам от погони союзной эскадры, да вмешался Посейдон и помог». Не иначе как и впрямь сам языческий бог морей помог своему безбашенному капитану.

Не зря Тина всегда говорила, что в древних верованиях что-то есть. Особенно тогда, на озере Вульясменос... Бог знает что лезет в голову от безделья! Но определенно только Посейдон — сам убийца и любитель мрачных страстей — мог покровительствовать пиратам. А вот в помощи нашего господина милосердного Маноло не был уверен. Его озверевшие бойцы покروшили англичан как капусту, а оставшихся в живых просто побросали за борт. Разве господь одобрит такое?

У него было слабое оправдание в виде ранения: может, если бы он был цел и невредим, то раньше бы остановил свою команду. Но что сделано — то сделано. И важна не причина, а результат. Английская команда уничтожена. Союзники наверняка в ярости. Никас сбежал или предал. А что самое ужасное — в трюме «Blue Star» не оказалось ничего, кроме мешков с почтой и небольшого саквояжа с деньгами. Никас солгал: там не было опиума. Возможно, он знал это заранее и просто подставил своего давнего конкурента. Но доказать это Маноло пока не мог. И вообще непонятно, смогут ли они выбраться с островка, подлатав разбитую шебеку, или здесь их рано или поздно найдут турки. Или англичане. Или французы. Это уже не имело значения — любой капитан любого корабля прикажет вздернуть их без суда и следствия. Вот сиди теперь и жди, кто появится раньше.

А для ремонта требовалось всего-то несколько хороших сосен, которых не было на этом островке. Тут не росло ничего выше и крепче прибрежных камышей и кустов с дикими ягодами. Когда Маноло оказался на этом островке впервые, ему нравилось бродить в зарослях кустарника, нравилось слушать, как камыш шур-

шит сухими стеблями на рассветном ветру... Кажется, это было вчера. Они были моложе, возили повстанцев или партийные деньги, азарт погони придавал особую остроту всем чувствам. Тайны, заговоры, надежда на скорые перемены — у жизни был определенно другой вкус.

— Что-то пошло не так... — пробормотал он себе под нос. Вместо будоражающего кровь азарта он чувствовал тошноту и слабость, — связанные, конечно, с потерей крови. И перед глазами стоял здоровенный мужик с пистолетом, ругавшийся по-английски. Наверно, капитан «Blue Star» как раз и ранил его. Маноло глодала все время одна мысль: если бы англичанин промедлил, он бы выстрелил сам? Они были равны перед господом, англичанин оказался проворнее. Но мысль об убийстве ничем не лучше убийства.

«Согрешивший в помыслах не лучше того, кто согрешил делом. Но с другой стороны — если я посмотрел на хорошенькую соседку и не переспал с ней, так я не виноват ни в чем, кроме возникшей на миг мысли. Я же не переспал с соседкой, хотя и мог бы? Значит, я не грешен, а, напротив, — молодец? Так и с капитаном: я только собрался стрелять, а он меня ранил. Значит, я молодец, а он грешен? Но капитан-то убит... Правда, без моего ведома. Я тоже капитан, значит, на мне лежит ответственность за все, что делают мои подчиненные. Кто более грешен: выполняющий приказы или несущий за них ответственность? Надо бы поговорить на эту тему с отцом Игнатием...»

Маноло стал уставать от размышлений еще хуже, чем от любого другого вида деятельности. То ли с возрастом мозги ржавеют, то ли мысли стали тяжелее.

— Капитан! Идите к нам!

Его матросы жарили мидий, выброшенных штормом далеко на берег. От одного запаха еды его затошнило с удвоенной силой, он взял вина и ушел. Вернее, уполз, — ходить прямо еще пока не мог.

Сел с бутылкой возле шалаша. «Удача изменила мне? С другой стороны, я мог бы лежать на дне в полотняном мешке. А я сижу и пью вино. И от вина почему-то не тошнит. Значит, удача пока на моей стороне...».

После ранения ему было достаточно выпить совсем немного, чтобы в голове начало шуметь, а размышления превратились в сновидения. Вот и сейчас ему приснилось, как они с Костой впервые попали на этот островок, драпая от турецкой береговой охраны с мешками партийных документов, оружием и всем прочим, за что полагалась немедленная смерть. А помимо этой революционной ерунды, оказавшейся абсолютно бесполезной, у них были еще две огромных бочки с вином. Неделю они провели в полном блаженстве, валяясь у воды и закусывая вино мидиями. Ни он, ни Коста не задумывались о будущем — как будто большая приливная волна подхватила их и несла. Если бы с ним в этом походе был не Никас, а Коста, все сложилось бы иначе...

— Где можно найти Маноло? Конечно, на берегу, с бутылкой... — проворчал знакомый голос.

— А я тебя во сне только что видел...

— Эту фразу побереги для своей жены!

Коста схватил его за плечи, Маноло взвыл от боли и залепил хорошую затрещину со здоровой руки.

— Ты ранен, я понял, — воскликнул Коста, отпрыгивая на безопасное расстояние, при этом зацепил ногой бутылку, вино закапало на камни...

— Иди сюда, только больше ничего не трогай! Как ты нас нашел?

— Никас вернулся и объявил, что «Ламброс» сторел, а вы все погибли во время шторма. И так убедительно он это рассказал, что я тут же начал собираться.

— Лари считает, что я покойник?

— Этот мерзавец размахивал перед ней обгоревшими досками. Но мы с Тиной пришли вдвоем и поклялись, что найдем тебя где угодно, привезем и швырнем к ее ногам в любом виде, живого или мертвого.

— А она?

— Сначала, конечно, не верила, но мы ее заставили поверить.

— Тина тоже здесь?

— А как же... Строит твою команду, ты же знаешь Тину. Адмиральская кровь: как только видит любых подчиненных, голос становится громким, а манеры — величественными.

— Сюда сутки ходу. А море с утра еще штормило. Как вы вышли с Грамвусы? Это невозможно!

— Ты же знаешь Тину... — развел руками друг. — Она сказала, что если я и моя команда струсим, она возьмет Омори и еще кого-нибудь одного, самого пьяного моряка на всей Грамвусе, и они все равно выйдут в море. Потому что пока ей не покажут мертвого капитана Маноло, она будет считать тебя живым. И так далее... Она умеет говорить красиво и сразу переходить к какой-то матери на всех европейских языках. Это подействовало.

— А Никас?

— Тина сказала такую речь, что отцы-основатели благословили нас на поиски. Ты же теперь герой революции, Маноло! Твоим именем уже хотели назвать следующий корабль нашей эскадры. Никас собрался заказать чеканщику медные буквы: «Манолис Томбосис». Спрашивал меня, как пишется твоя фамилия. Я отговорил.

И Коста обнял друга со всей возможной аккуратностью.

— *Put a madre, chicos! Esto no me gusta!* — раздался за спиной хриплый голосок. — Не люблю, когда мужчины обнимаются так страстно.

Холодная ладошка легла на лоб Маноло.

— Твоя команда уже построена так, что слышно было на Родосе. Лежи! Омори-сан осмотрит рану...

Маноло попытался возразить, но она прижала его шею к земле стальным захватом:

— Никогда не спорь с женщинами: пустая трата времени и сил.

Рядом тут же возник молчаливый Омори, достал из-под своих длинных одеяний какой-то мешочек.

— Я почти здоров,— попытался возразить Маноло. — Смотри: я могу этой рукой держать бутылку!

— Коста, помоги Омори-сан с осмотром больного, — бесстрастно продолжала Тина, — а потом мы обсудим наши дальнейшие планы.

— Какие планы, Тина?

— Сначала вернуть тебя в семью. А потом порвать Никаса в мелкие клочья... — и лицо ее приобрело сладостно-мечтательное выражение. — А уж потом решим, что нам делать с республикой Грамвуса, союзной эскадрой, революцией и прочими глупостями. Я оставляю вас, мне нужно умыться и привести себя в порядок.

— Ей бы родиться лет через двести, — сказал вслед Коста, — она бы точно была адмиралом. Или премьер-министром.

— Нам бы всем родиться лет через двести...

— Думаешь, тогда не будет революций? И предателей? И опиума?

— Все будет — и революции, и предатели, и опиум. Но уверен: такие женщины, как Тина, приходят на землю только однажды, — пробурчал Маноло, стаскивая рубашку и подставляя рану жестким рукам Омори.

ГЛАВА 4

Возвращение Маноло наделало массу шума в крепости. Первым, кто бросился навстречу друзьям с объятиями, конечно, был Никас.

На обратном пути Тина производила длительную работу с Костой и Маноло, чтобы эта встреча не имела необратимых последствий. Никас картинно воздел руки и воскликнул:

— Я был уверен, что вы погибли... Какое счастье, что я ошибался!

И Маноло с улыбкой протянул ему руку в ответ, а Коста просто тихо отошел в сторону, и никто ничего не понял.

Отцы-основатели устроили приветственный митинг, отец Игнатий отслужил Деве Клефтиде благодарственный молебен. Сам Маноло почти сутки провел, не выходя из дома — дети сидели у него на руках, не отпуская ни на шаг. Коста торчал в таверне и пил — или делал вид, что пил. Маноло выздоравливал, изо всех сил разрабатывал руку, начал опять покрикивать на свою команду, но в море без него никто не выходил. Все словно чего-то ждали. Тина лишь один раз заглянула к Лари, пошептала с ней — и пропала. Никто ее не видел и не слышал.

Однажды вечером в дверь Маноло постучали. На пороге возник Омори, кивком показал: «Иди, тебя ждут». Маноло отцепил от себя детей, махнул рукой Лари — мол, я ненадолго! — и пошел за телохранителем. На крепостной стене его ждала Тина.

— У нас свидание? Наконец-то!

Она молчала.

— А Косту ты звала?

— Нет. Мы должны кое-что обсудить и принять решение. А ему сообщим результат. Так будет проще.

— Что случилось, Тина? Ты решилась бежать отсюда?

— Мы сейчас говорим не об этом. Послушай меня внимательно. В трюме «Blue Star» не было никакого опиума — только мешки с почтой.

— Да! Но Никас выкрутился опять: заявил, что мы напали не на тот корабль, не заметили в тумане флаг Британской короны, а он не при чем.

— Никас знал, что делает. Я нашла мешки с почтой в здании совета республики. Каллертис с Антонидисом даже не открыли их — еще бы, там же не было опиума. А я забрала к себе и прочла все. Оказывается, между союзными правительствами существует ряд тайных каналов сообщений, «Blue Star» везла секретную дипломатическую переписку. Они не зарегистрированы ни в одной судоходной компании, поэтому на мачте не было флага! И шли они под прикрытием союзной эскадры, но тайно. Что касается Никаса, думаю, он просто решил тебя подставить!

— Каким образом?

— Одно из писем было от представителей американского Конгресса, в нем говорилось, что американский военный корабль «Уоррен» будет направлен сюда для охраны и защиты торговых судов. Адмирал Кирни будет защищать поставки опиума и прочесывать острова в поисках пиратов. Мы были первыми в их списке.

— Ух ты...

— Но и это не самая большая печаль...

Тина долго молчала, потом вздохнула и продолжила:

— Вы всегда смеялись над тем, что слава покойного деда не дает мне покоя. Поэтому я не рассказывала, что лично писала прошение Иоанну Каподистрии с просьбой о выдаче каперского патента. Я просила ходатайствовать перед русскими и обещала заплатить за патент из своих средств! Письмо передавал один из агентов Никаса полгода назад. Ответа не было. А теперь через третьи руки мне передали письмо от одного из русских дипломатов: завуалированный отказ. Никакого каперского патента! Но и это еще полбеды! Отец Игнатий прочел письма, которые ты ему отдал незадолго до вашего похода. Ему досталась переписка банкиров и торговцев. Вчера мы с батюшкой встретились и обменялись мнениями.

— А не слишком ли хорошо разбирается отец Игнатий в международном положении?

— Отец Игнатий воистину непрост. И более того: он прибыл сюда два с лишним года назад не по доброте душевной, а по распоряжению самого Иоанна Каподистрии.

Маноло присвистнул:

— Идеальный вождь нации, звезда дипломатии, бывший министр Российской Империи лично интересовался делами простых пиратов Грамвусы?

— Каподистрия — настоящий государственный деятель, это мне объяснял еще покойный муж. Он мыслит, в отличие от нас, на десятилетия вперед. Когда вы захватили Грамвусу, он понял, что здесь возникнет постоянный очаг сопротивления. И не мог делать вид, как большинство политиков, что пиратской республики не существует. Он решил хотя бы издали контролировать нас, получать сведения вовремя, поэтому прислал сюда отца Игнатия — человека мудрого, опытного и рассудительного. Я давно подозревала отца Игнатия в том, что у него здесь особая роль, не понимала только — какая. Теперь стало понятно: он находится здесь, чтобы оценить, какую опасность представляет Грамвус для турок, для греков и для себя самой, и исправно слать донесения Иоанну Каподистрии. Один из людей Никаса как раз и осуществлял связь.

— Ничего себе... Батюшка сам тебе признался?

— Нет. Я приперла его к стенке.

— Как?

— Сказала, что вы с Костой — моя семья. И если что-то вам угрожает, то я не пожалею ничего для вашего спасения. И что если он, отец Игнатий, знает больше остальных, то обязан мне это рассказать. Хотя бы в той мере, в какой это касается вашей безопасности. И что я имею на это право — как внучка борца за свободу Греции и как главный кошелек республики Грамвуса. Против последнего аргумента батюшка не мог ничего возразить.

— И что он сказал?

— Союзники готовы прийти к мирному соглашению с турками. Греция получит независимость. Это будет не сразу, Ионические острова станут отдельной территорией, Крит пока останется под турками, впереди будет еще много трудных дней...

— Все равно это победа, Тина! — Он схватил ее за плечи. — Почему ты не рада?

— Потому что нам конец, — просто сказала Тина. — Грамвусе конец. Союзники категорически не хотят видеть наши корабли в своей акватории. Мы обнаглели и стали нападать на всех подряд. Мы мешаем не только туркам, но и своим. Греции. Европе. Америке. России. Всем мешаем именно мы — обычная вдова и мать, простой капитан торговой шхуны и простой моряк с Крита!

— Никогда не предполагал, что чем-то смогу помешать Европе... — пробормотал Маноло. — А стихи о нас слагать еще не начали? Жаль, Байрон погиб, он бы непременно посвятил нам пару строк...

— Мы не борцы за свободу, а просто морские разбойники, и место наше — на нок-рее. Думаю, история с «Blue Star» только укрепит их решимость покончить с пиратским флотом.

— А как же всеобщий восторг? Каллертис зачитывал нам письмо Каподистрии: «На вас смотрит весь греческий народ... Вы — оплот революции...»

— Революция — это божество, которое пожирает своих детей, как языческий Хронос. Мы были ее верными слугами, а теперь мы ей не нужны. Каподистрия — отец нации, он заботится о будущем. И в этом будущем для нас нет места. Таково условие союзных держав, которые поддержат независимую Грецию деньгами. Существует негласный договор, по которому объединенная эскадра придет сюда и уничтожит Грамвусу. Собственно говоря, ничего нового тут нет — моего деда однажды точно так же сдали свои. Мирный договор был подписан с условием, что флотилия моего деда будет уничтожена. Просто дед был везунчиком, смог сбежать

и оказался в России. Но я — всего лишь женщина, мне не судьба стать адмиралом флота, пусть даже пиратского. Меня возможно, и не убьют. А вот про вас этого сказать нельзя.

— Ты уверена?

— Мы с отцом Игнатием полночи перебирали письма и сопоставляли то, что в них написано. Если мы хотим остаться в живых, надо бежать отсюда как можно скорее. Сейчас это еще возможно, а когда весь горизонт закроет союзная эскадра — с Грамвусы и муха не вылетит на Крит.

— Как ты себе это представляешь? Я команду флотом. Какой бы он ни был — это мой флот, мои матросы и капитаны. И я среди ночи беру семью, сажусь в какую-то лодчонку и драпаю на Крит в обнимку с тобой и Костой? И кем я буду после этого? Не забывай, что на берегу нас ждет турецкая полиция...

— Времена смутные, все покупается и продается. Если хорошо заплатить — можно выбраться. Переждать в горах у проверенных людей, потом перебраться на Балканы или вообще в Неаполь, на родину твоей матери... И не говори мне об ответственности, чести и всякой прочей ерунде! Мы-то понимаем, что революция — это когда одни на площади речи говорят, а другие в это время обчищают подвалы и сводят личные счета ...

— Тина, я давно поумнел и понимаю не хуже тебя, к чему приводят разговоры о свободе, равенстве и братстве. Но я сейчас не смогу уйти отсюда. Не имею права.

— Конечно... — пробормотала Тина. — Ты прав. Иного я и не ожидала. Ладно, поговорим еще раз, все вместе. Думаю, еще некоторое время у нас есть. Ступай обратно к семье, они натерпелись за время твоего отсутствия.

Маноло шел обратно и пытался понять, что так задело его во время этого разговора. И только вечером, перед сном, хлопнул себя по лбу: Тина все время повторяла «твоя семья», «ты должен бежать». А о себе и о Косте не произнесла ни слова. Почему?

— Ты чего? — сквозь сон спросила Лари.

— Так, пустое. С Тиной поговорил. Умеет голову заморочить.

— Не сердись на нее. Когда вернулся Никас и сообщил о вшей гибели, Тина не вылезала от нас двое суток. Потом ее сменил Коста. Потом они пришли вдвоем... Если бы не они — не знаю, что бы с нами было.

— Да и со мной... Только Тина могла выйти с Грамвусы в шторм. И только Коста мог найти меня на том островке. Как он догадался, где искать, хитрый черт?

— Ты сам говорил, что вы с Костой в сходных обстоятельствах мыслите и действуете одинаково. А Тина умнее вас обоих, и если ты будешь иногда ее слушать, мы все дольше проживем.

— Молчи, женщина! — ответил Маноло. А что еще он мог сказать?

ГЛАВА 5

В крепости Грамвуса начали происходить странные вещи. О выходе в море речь не шла, в совете творилось что-то непонятное. В народе ходили слухи о том, что на складах обнаружилась страшная недостача провианта и оружия. Начальник склада исчез, никто не знал, где он. Тогда старший помощник Каллертиса объявил, что еду будут выдавать раз в три дня, в совете составили списки, всех переписали и пересчитали по нескольку раз, потому что считать и писать умели плохо. А на следующий день старший помощник якобы сорвался спяну со скалы, и идея со списками сама собой рассосалась, равно как и разговоры о недостатке. Но еды все равно не хватало.

Потом исчез Никас. Перестал появляться на совете, никто не знал, где он, «Елена» стояла у причала, а капитан ее исчез. На всякий случай объявили, что Никас отправился на разведку. В народе начали было говорить, что Никас предатель, что он переметнулся, но как начали говорить — так и закончили в одночасье. Маноло

решил, что именно Коста свел счеты с мерзавцем, нашел Косту, прижал его к стенке: «Ты?» Коста пожал плечами, похрустел челюстями и ушел, а потом пил два дня без просыпу.

Внезапно прошел другой слух — что Никас сбежал, прихватив большую часть денег и опиум. Из-за этого Каллертис с Антонидисом якобы страшно разругались и чуть не порезали друг друга. Однако на следующий день оба стояли на площади, Антонидис говорил речь и обнимал товарища за плечи. Речь состояла из обычных призывов держаться и терпеть, но в конце он набрал воздуха в грудь и заорал, перекрывая прибор трех морей:

— Мы узнали, что в скором времени Родина станет свободной, союзники идут на помощь, договор о независимости Греции вот-вот будет подписан! Сам отец нации Иоанн Каподистрия передал нам пожелания успеха! Сам Каподистрия обещает, что со дня на день ненавистному владычеству турок придет конец! Поэтому враги хотят предпринять последнюю попытку штурма Грамвусы. Мы дадим им отпор! Мы сделаем все, чтобы защитить нашу свободу! У нас самый лучший флот трех морей и самые отважные моряки! Мы все здесь — солдаты революции, мы все — на одном корабле, и имя нашего корабля — Грамвуса! Всякий, кто усомнится в нашем единстве, — враг революции и будет уничтожен! Мы победим! Сегодня гуляет вся Грамвуса! Я приказал открыть склады. Народ, это все — наше! — потом спохватился и поправился: — Это все — ваше! Ликуйте! Свобода близко! «То эленикос элефрон»!

Над крепостью прокатился оглушительный рев из трех тысяч глоток. Дальше началась обычная пьянка, Маноло поспешил домой — это зрелище за три года надоело ему до смерти. Застал там Тину, шушукующую с Лари.

— Мои дорогие! — он обнял обеих женщин, — какое счастье, что вы у меня есть! Покушаешь с нами?

— Я побежала, — заторопилась Тина, — меня Коста ждет.

— Вечные влюбленные... — вздохнул Маноло.

— После того, как объявили о твоей гибели, они снова вместе. И уже почти не расстаются.

— Да ладно! Не может быть...

— Все про это говорят. Одно время утверждали, что Тина живет с Никасом, потом кого ей только не приписывали, грязью поливали...

— Откуда ты все это знаешь?

— От других баб слышу!

— Ты ни разу не рассказывала!

— Надо тебе сплетни слушать? Ты то в море, то весь в делах, а мне куда деваться было? Зато теперь, после твоего спасения, опять кричат: «Наша Тина»!

— Ох, Лари, народ всегда что-нибудь кричит. И сегодня поливает грязью, а завтра наоборот. С этим ничего не поделаешь... Если они опять вместе с Костой — это хорошо. Только надолго ли?

— Тина сказала — до конца...

А ближе к вечеру явился Коста.

— Почему один?

— Тина хочет посмотреть на закат в бухте Балос. Я приготовил фелюку, она складывает туда фрукты и вино. Где эти чумазые дети? Будем плавать и собирать мидий! — и Коста бросился воиться с сыновьями Маноло.

Потом явилась Тина — в темно-зеленом платье, с уложенными в высокий узел волосами, в старинных серьгах. За ней, как всегда, следовал Омори.

— Боже мой, Тина! Ты прекрасна!

— Спасибо Омори-сан, он вовремя привел меня в чувство и отучил от опиума.

Тина поклонилась своему телохранителю, тот с достоинством кивнул.

— И спасибо Косте — просто за то, что он рядом...

— Поменьше пафоса, Тина, — сконфуженно буркнул Коста.

— Маноло, бери мальчишек, скорей поплыли в бухту! На небе ни облачка, там должно быть очень красиво!

Маноло пожал плечами:

— Там всегда красиво. А я проголодался. Мы не можем поужинать здесь?

— Ну, папа, мы давно там не были!

— Когда просят женщины и дети, дрогнет сердце даже самого сурового пирата...

Маноло развел руками, скорчил страшную рожу и сгреб детей в охапку...

В бухте стоял почти полный штиль. Фелюка уткнулась в розоватый песок. Тина перелезала через борт, поправляя складки платья, Маноло подал ей руку и в отблесках шелка под широким поясом заметил узорчатую рукоять — маленький кинжал, подарок адмирала.

— Тот самый? — воскликнул Маноло.

— Да. Озеро Вульясменос... Помнишь?

— Мы все помним, Тина, — тихо произнес Коста. — Маноло, наливай! За нас... За то, что мы живы!

— Спасибо, Грамвуса! — сказала Тина, ступая в воду, и плеснула вино на золотисто-розовую дорожку из солнечных бликов.

Он открыл глаза и вместо низкого потолка увидел звездное небо. Звезды двоились и троились. Руки-ноги не повиновались. Он приподнял голову — и рухнул от резкого приступа тошноты.

— Ничего, ничего, — пробормотала Лари, — скоро станет лучше.

— Я что — так перепил вчера?

— Вроде того...

Когда он в следующий раз вынырнул из мутного полубредового состояния, уже рассвело. Маноло попросил воды, спросил еще раз:

— Что со мной?

— Пройдет, спи... — ответила Лари.

И он опять провалился в тяжелый удушливый сон.

А когда очнулся совсем, было снова темно. По лицу стекали мелкие капли.

— Это дождь. Просыпайся, вставай.

Маноло кое-как встал на четвереньки, его шатало, но он все-таки поднялся — и опешил: перед ними лежала каменистая гряда. Он обернулся — моря не было.

— Где море?

— Море там, за скалами. Мы на Крите. Надо торопиться. К утру надо добраться до перевала, там будет ждать человек, который заберет нас и спрячет. Надо спешить, ты и так спал дольше, чем ожидалось.

— Где Тина? Где Коста?

— Маноло! Ты не понял? Мы на Крите. Коста и Омори перевезли нас ночью и вернулись обратно. Тина переборщила с опиумом, ты спал слишком долго. Мы должны успеть дойти затемно, иначе нас схватят и убьют. Ты понял? Вставай! Детям тяжело идти, тебе придется их нести. Вот вода, выпей, умойся, бери Алексиса на руки и вперед! Что еще непонятного?

Когда в голосе Лари звучал металл, это означало, что надо делать то, что она скажет. Маноло плеснул в лицо остатки воды, взял Алексиса на руки, повесил за спину мешок и пошел вперед, плохо понимая, где он находится и зачем. Он попытался спросить Лари, та махнула рукой:

— Все потом.

Они добрались до перевала и встретились с хмурым мужчиной, которому Лари отдала какой-то сверток.

— Что это?

— Золото, конечно.

— Откуда?

Лари промолчала, но он сам догадался.

— Турецкая полиция прочесывает западное побережье, нам лучше поторопиться, — сурово пробурчал мужик, посадил сонных детей в повозку и накрыл сверху тряпьем.

Маноло обернулся и увидел за изгибом прибрежных скал темно-синий проблеск моря. Он замер, но Лари дернула его за руку и сквозь зубы произнесла:

— Забудь сейчас про Грамвусу!

— Как ты могла...

— Ты все скажешь мне. Но потом. И я тебе все объясню. Но тоже потом. И ты сможешь меня побить впервые в жизни, я стерплю. Но здесь и сейчас мы должны спастись сами и спасти наших детей.

Когда он садился в повозку, то заплечный мешок зацепился на боку за что-то твердое. Он вытянул из-за пояса ножны, из которых торчала знакомая узорчатая рукоять.

— Это от Тины?

Лари кивнула. И они обернулись, чтоб увидеть, как в предутренних сумерках исчезает за поворотом свинцовый край моря и черный зубчатый силуэт венецианского форта.

Через несколько дней объединенная эскадра союзников разнесла флот Грамвусы. Многие погибли при штурме, остальные рассеялись по побережью, как обломки корабля после крушения. Поражение маленькой крепости на западе Крита осталась незамеченным на фоне других, более масштабных событий. Вскоре союзные державы подписали с турками договор, и Греция обрела независимость. А сам остров Крит по Лондонскому договору еще долго оставался под юрисдикцией Турции. В 1831 году русский комендант крепости сдал турецкому коменданту ключи от крепости Грамвуса.

Летним утром капитан Томбосис пришвартовал свою шхуну в афинском порту Пирей. После нескольких лет скитаний он перевез семью в Неаполь, на родину матери, обустроился там и нанялся на торговое судно старпомом. Старый капитан вскоре заболел, владелец маленькой судоходной компании передал Маноло капитанские права. Так он снова стал капитаном. Но судьба впервые привела его в Грецию почти через десять лет после объявления ее независимой.

Сначала Маноло полдня провел на таможне, где встретил старого знакомого. Тот выпучил глаза и перекрестился: оказывается, здесь Маноло считали погибшим. Он с трудом отбилась от долгой попойки, сославшись на неотложные дела, и медленно пошел куда глаза глядят по кривым афинским улочкам, узнавая их и одновременно удивляясь: все было таким же, но другим. Женщины ходили с непокрытыми головами, звучала разноязыкая речь, оживала уличная торговля... Поскользнувшись на куче дерьма, пробормотал:

— Свободу завоевали, а улицы убирать не научились...

Поднял глаза: перед ним был район Монастираки. Маноло шел по улице, чувствуя, словно движется против течения времени,

и, преодолевая с каждым шагом год или два, оказался перед пере-
строенным, но узнаваемым домом Тины. Остановился чуть по-
одаль, надеясь, что бешеный стук в висках утихнет, присмотрелся.
Хотелось зайти, но кто знает, что за люди теперь здесь живут?

Вдруг открылась дверь, оттуда выбежали двое высоких ку-
дрявых парней в простых рубашках и широких штанах, а вслед
за ними, сильно прихрамывая, вышел сухопарый азиат в темных
одеждах. Это был Омори, только совсем седой и высохший...

— Вам бежать туда! — сурово скомандовал он.

Маноло не выдержал:

— Омори-сан! — крикнул он.

Омори замер, остановился, повернулся к нему, Маноло за-
метил характерное движение, предшествующее вылету меча из
ножен.

— Это я...

Омори сделал знак, его подопечные остановились.

— Ты, Коста, вчера мало бежать, сегодня бежать два раза.
А ты, Маноло, бежать сегодня один раз. Мужчина должен быть
сильный. Быстрый. Настоящий воин... — назидательно произнес
он. Два широкоплечих красавца послушно побежали по кривой
улочке вниз, к морю.

«Моих сыновей зовут Манолис и Костас... ближе у меня ни-
кого нет... вы моя семья...»

— Где Тина?... — спросил он тихо.

Омори покачал головой:

— Не сейчас. Сейчас у них время бегать. Мать нет. Отец нет.
Деньги есть. Что деньги? Я отвечать за них. Я учить их.

Маноло повернулся и пошел прочь.

— Капитан! — окликнул его Омори. — Ты приходишь вече-
ром. Я ждать в этот сад. Я рассказывать. Будет время говорить.

— Хай, Омори-сан! — ответил Маноло с поклоном. И японец
коротко поклонился в ответ.

Через несколько дней он вел свою шхуну вдоль западного побережья Крита. За штурвалом стоял сам, рядом был Христо. Лари не хотела, чтобы он брал с собой парня в первое серьезное плавание именно в Грецию, но так получилось.

— Как вы пойдете? — спросил местный лоцман, которого ему навязали на таможне. Теперь лоцман болтался под ногами и пытался давать советы.

— Через Грамвусу.

— Там сейчас сильно болтает.

— Я сам проведу.

Лоцман хотел возразить, но увидел выражение лица капитана — и промолчал.

Шхуна миновала высоченные черно-серые скалы и медленно шла между Малой и Большой Грамвусой. Он стоял на мостике — и словно видел, как яростно рубились здесь корабли его маленькой флотилии. Как Тина сказала Омори: «Моя судьба решена. Ты был мне вместо матери, теперь ты должен вернуться к моим детям и воспитать их так же, как воспитал меня!» Как она сама влезла на капитанский мостик «Ламброса» со словами: «Наш корабль был куплен на мои деньги, он носит имя моего деда, и только я должна вести его в последний бой...» Как Коста повел на таран «Гермес», чтобы спасти Тину... Как целую неделю трупы выкидывало прибоем на розовые пески бухты Балос...

Омори сказал, что их тела так и не нашли. А сам он, раненый, плыл подня, держась за доску и теряя сознание, но ухитрился выжить и доставить по назначению то, что доверила ему Тина: маленький непромокаемый саквояж, в котором лежали завещание на имя сыновей и десяток золотых лудоров — остатки адмиральского наследства.

Они долго сидели в саду с бесстрастным японцем. Трещали цикады, светили звезды, дул теплый ветерок, шуршали листья в

темноте, пахло теплыми водорослями и рыбой. Маноло пытался объяснить Омори, что ничего не знал о плане Тины и Косты, что он бы никогда не сбежал сам и не оставил погибать друзей и Грамвусу. Омори всякий раз прерывал его одной фразой:

— Госпожа так решить. Это ее судьба. Коста так решить. Это его судьба. А это твоя судьба. — И опять молчали, слушая, как трещат цикады и плещется вдалеке невидимый прибор.

Потом они напились совсем сильно — бывает, что проще пить, чем разговаривать. Омори даже запел длинную и монотонную песню, разом оборвал ее и сказал:

— Завтра рано вставать. Надо многому учить их. Омори не долго жить. Много дел и мало времени.

Тогда Маноло протянул ему кинжал с узорчатой рукояткой:

— Это кинжал адмирала Кацониса. Тина наверняка хотела бы, чтобы я вернул оружие деда ее сыновьям.

Омори кивнул, взял кинжал с поклоном:

— Госпожа была воин. Настоящий. Ее путь. Ты не воин, ты капитан. Это твой путь. Хай!

Еще раз поклонился и ушел в дом, слегка покачиваясь, — совсем маленький и седой старик.

— Капитан, здесь надо на полрумба влево! — испуганно воскликнул местный лоцман. — Видите ту скалу?

— Он знает здесь каждый камень, — тихо сказал Христо.

— Хорошая у твоего отца шхуна — быстрая, легкая... — пробурчал лоцман, оценив маневр и поняв, что работы ему не предвидится. — Как называется?

— «Христина».

А Маноло молча вел свою шхуну вдоль скал Грамвусы, — туда, где разноцветные воды трех морей сливаются в единый вечный круговорот.

2014-2015 гг.

 ГАЛИНА ДИЦМАН ©
Последний пират Грамвусы

Отпечатано с готового оригинал-макета

WWW.PRINT-FORMULA.RU

2015 г.